

БОРЬБА

КЛАССОВ

№ 6

**И Ю Н Ъ
1936**

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАССОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

6-й год издания

Т. Рыскулов

ВОССТАНИЕ В СРЕДНЕЙ АЗИИ В 1916 г.

Нагрянувшая в 1914 году мировая империалистическая война чрезвычайно обострила противоречия между метрополиями и их колониями, между господствующими нациями и сотнями миллионов зависимых и угнетенных народов мира. Это относилось в особенности к царской России, этой «тюрьме народов». Под революционизирующим влиянием войны борьба трудящихся, населявших Туркестан и нынешнюю территорию Казахстана, против господства царских колонизаторов также становилась очень напряженной. Обострилась и классовая борьба в среде самого местного населения. Открытые столкновения между трудящимися местных национальностей с одной стороны и русским переселенческим кулачеством, байством и царской администрацией — с другой стали обычным явлением для того времени. Двойным гнетом пришлых и «своих» эксплуататоров народные массы, населявшие Туркестан и Степной край Казахстана, были доведены до крайнего отчаяния. Нараставшее среди них недовольство вылилось в конце концов в 1916 году, в самый разгар империалистической войны, в грандиозное восстание этих масс против царизма и местных эксплуататоров.

Поводом к восстанию послужил приказ царского правительства от 25 июня (старого стиля) 1916 года о привлечении на время войны «к работам

по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии инородцев Российской империи, освобожденных от воинской повинности, и, в частности, туземного населения Туркестанского края»¹.

При помощи этого мероприятия царское правительство хотело освободить массу русских солдат и рабочих от тыловых работ, заменив их мобилизованными «инородцами» как более покорной и дешевой рабочей силой. В ответ на этот приказ стихийно восстали трудящиеся массы различных национальностей почти одновременно в разных уголках Средней Азии.

Восстание народных масс в 1916 году являлось огромным событием в истории революционного движения не только этих народов, но и России в целом. Национально-освободительным движением была пробита огромная брешь в тылу царского империализма.

Подавление восстания царским правительством приняло характер настоящей войны метрополии с восставшими массами колоний. Военные действия охватили огромные территории Туркестана и нынешнего Казахстана. По данным Куропаткина, для усмире-

¹ Из приказа № 170 от 8 июля (старого стиля) 1916 года по Туркестанскому краю исп. должн. генерал-губернатора Ерофеева.

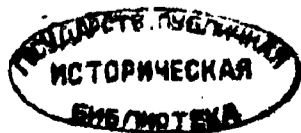

Схема восстания в Средней Азии в 1916 г.

ния восстания употреблено было 14½ батальонов, 33 сотни и 69 пулеметов, не говоря о вооруженных дружинах русского переселенческого кулачества и европейского населения городов.

Восстание 1916 года имело огромное значение в подготовке и победе Великой октябрьской революции на территории Средней Азии.

1

Первыми в борьбу вступили узбеки и таджики. Повстанцы начали с разгрома учреждений туземной администрации, волостных управителей и других представителей местных властей.

Уже 4 июля в Ходженте большая толпа, состоявшая главным образом из таджиков Калинаууской части, напала на караульную команду, которая начала стрелять по наступавшим и убила несколько человек из толпы. К восставшим присоединились таджики селенья Кастакозь. В Андижане, в мечети «джамы», собралось до 5000 человек, они объявили протест против набора рабочих на тыловые работы и двинулись в Новый город, бросая камни и палки в полицейских. По приказу уездного начальника, открыт был огонь, и толпа рассеялась, оставив на месте убитых. Большую активность проявили в этом выступлении студенты медресе.

По разверстке, Старый город Ташкент должен был выделить на тыловые работы 8000 рабочих. Тысячная толпа узбеков, в том числе женщины, собралась 11 июля около полицейского управления, чтобы не допустить этой мобилизации. Толпа избила полицейских и забросала камнями окна управления. По наступавшей толпе был дан залп. Ротой юнкеров, вызванной полицией, толпа была разогнана. Во время столкновения было убито 5 полицейских, а из числа восставших 11 человек было убито и 15 ранено. В последовавших затем арестах и судах 5 человек из 35 обвинявшихся были приговорены военным судом к смертной казни.

В тот же день в Намангане во время вспыхнувшего возмущения было убито 12 человек и ранено 38. Здесь по делу о восстании было предано военному суду 16 человек.

В Старом Маргелане собралось до 10 000 демонстрантов. Ими убито было несколько чинов полиции. Целый ряд подобных выступлений имел место и в других городах (Самарканд, Катта-Курган и др.) и в сотнях кишлаков.

Более широкие размеры восстание приняло в бывшем Джизакском уезде, Самаркандской области, который, по разверстке, должен был дать на тыловые работы 10 000 человек. В этом уезде царское правит-ство, несмо-

тря на исключительно бедственное состояние уезда и земельную тесноту, из'яло ввиде «излишков» 830 000 десятин удобной земли, отодвигая кочевников в Кзыл-Кумовские пески. За период между 13 и 17 июля восстало почти все население уезда и города Джизак. К этому времени из Ташкента возвратился специально командированный туда за сведениями Ишан-Назыр Ходжа-Абдусаламов, который сообщил населению о восстании в Старом Ташкенте и об отмене мобилизации рабочих до окончания «уразы» (поста). 13 июля огромная толпа, вооруженная чем попало, двинулась из Старого города в Новый. Выехавшие навстречу ей уездный начальник Рукин, пристав Злотоглов, джизакский старшина Мирзаяр Худояров, переводчик Закиржанов и два человека из охраны были убиты повстанцами. Подоспевшая караульная команда обстреляла наступавшую толпу, которая, продержавшись некоторое время, отступила в Старый город, оставив десятки убитых.

Вскоре после этих событий поднялся весь Старый город. Восставшие разрушили железнодорожную станцию, оборвали телефонные провода, разобрали на протяжении 65 километров железнодорожный путь на перегоне Джизак—Обручевка, убили 16 железнодорожных служащих. Русская часть населения заперлась в крепости и охранялась патрулями до прибытия карательного отряда подполковника Афанасьева, подавившего восстание в Старом городе.

В это время во всем уезде начались восстания кишлачного и аульного населения (восстало около 20 волостей). В Зааминском районе был объявлен бекком Назыр-Ходжа, в Санзарском—народный судья, казах Туракул Турадбеков, а брат его, Кульбек, — командующим войсками; в Богданском — был провозглашен «эмиром» джизакским Абдурахман Джевачи. Узбеки и казахи, населявшие уезд, объявили о своем отделении от России и призывали все население начать «священную войну».

Для подавления восстания в Джизакском уезде был сформирован карательный отряд во главе с полковником Ивановым (впоследствии он вы-

ступал в качестве усмирителя Ферганы; во время гражданской войны был военным министром при правительстве Колчака в Сибири). Отряд Иванова состоял из 13 рот, 6 орудий, 3 сотен русских казаков, роты сапер и бронированного поезда. Карательный отряд прошел по уезду «огнем и мечом», разрушая кишлаки, истребляя людей, не щадя женщин и детей. Военным судом были приговорены по джизакскому делу 80 человек к смертной казни и 48 — к 12-летней каторге. Прибывший в конце августа в Джизак генерал Куропаткин объявил о конфискации в городской черте 2000 десятин земли местного населения со всеми строениями в наказание

Арестованный таджик, участник восстания.
1916 г.
Музей народов СССР.

за восстание. Часть джизакских повстанцев ушла в горы или в Афганистан и Бухару.

2

Восстание казахов и киргиз в Семиречье началось в начале августа, т. е. значительно позже чем в узбекских районах. Предвидя неизбежность восстания среди местного населения, семиреченская администрация заранее приняла подготовительные меры. Два искусных стратега и непримиримых врага местного населения — генерал-губернатор Куропаткин в Ташкенте и областной военный губернатор Фольбаум в Верном (ныне Алма-Ата) — заблаговременно составили стратегический план подавления мятежа, сводившийся к тому, чтобы, истребляя мятежников по дороге, оттеснить их к узким горным проходам и там окончательно разгромить.

Фольбаум разбил область на 17 военных участков, в которых было выставлено свыше 5000 солдат пехоты и до тысячи человек конных отрядов. Приняты были меры к вооружению русского населения Семиречья.

Кроме того к началу восстания Куропаткиным, прибывшим в Ташкент 8 августа (старого стиля), были двинуты военные силы извне области: из Ташкента — отряд подполковника Гейцига с 2 батареями и 4 пулеметами и отряд подполковника Алатырцева с 8 пулеметами и 1 батареей; из Скобелева — отряд капитана фон Бурзи с 4 пулеметами и 2 горными орудиями; из Оренбурга — отряд полковника Виноградова с 8 пулеметами.

Восстание в Семиречье приняло такие угрожающие размеры, что царское правительство вынуждено было послать туда 2 казачьих полка с батареями и 2 пулеметными командами из действующей армии.

В телеграмме на имя Фольбаума от 21 августа Куропаткин писал: «...вместе с сформированными вами частями по приходе отпущенного вам подкрепления, не считая двух казачьих полков и конной батареи, вы будете располагать 35 ротами, 24 сотнями, 240 конными разведчиками, 16 орудиями, 47 пулеметами. Черняев, Рома-

новский, Кауфман, Скобелев завоевали области Сыр-Дарьинскую, Самаркандскую и Ферганскую меньшими силами»¹.

Таковы были силы, при помощи которых и при поддержке русских кулацких вооруженных дружин и городских «добровольцев» из торгово-чиновничьих элементов царизм справился с восставшими.

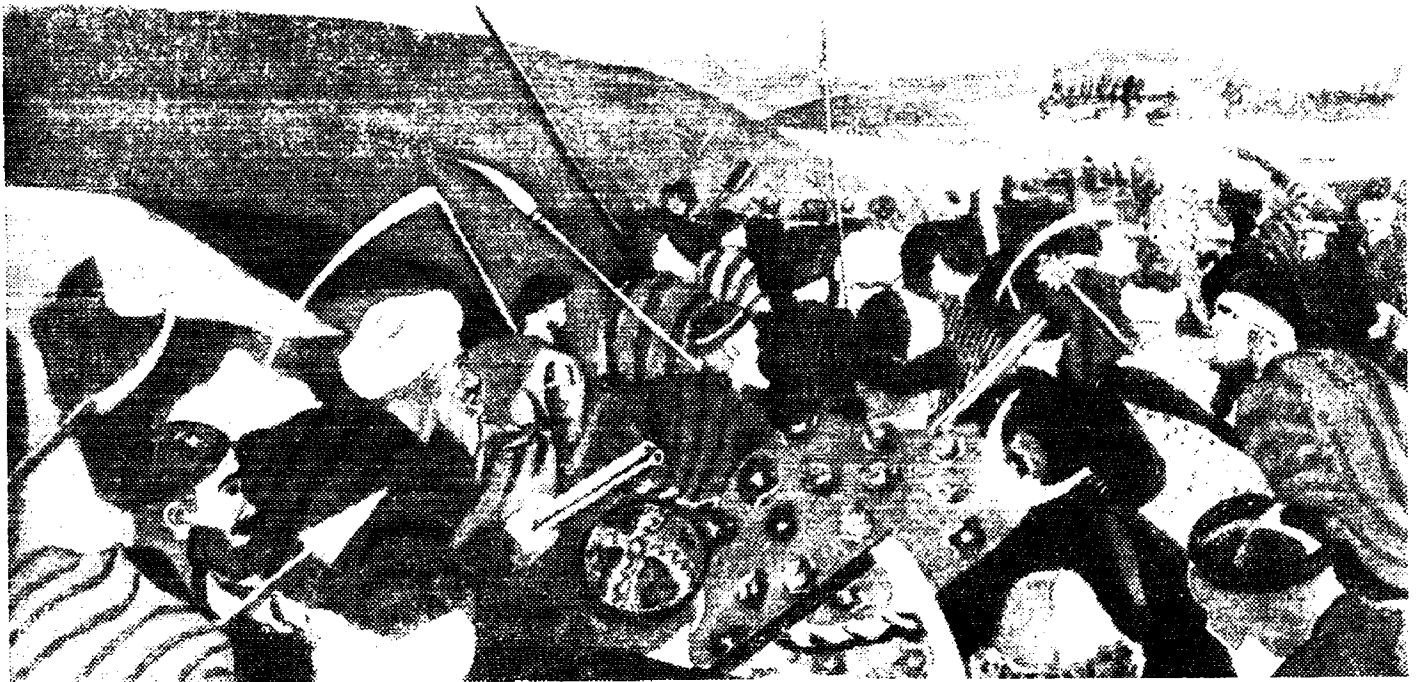
В нынешней Киргизской АССР, входившей тогда в значительной части в состав бывшей Семиреченской области, Туркестанского края, восстание приняло особенно широкие размеры. Восстанием охвачена была почти вся территория Киргизии; особенно выделялись Пишпекский и Пржевальский уезды.

Первыми выступили (в первых числах августа) киргизы Сары-Багишевской и Атекинской волостей, Пишпекского уезда. Киргизы этих волостей (из рода «сарыбагиш» и «атеке») оказывали упорное сопротивление русским войскам еще во время завоевания последними области. К сарыбагишевцам и атекинцам присоединились все киргизы рода «богу», занимавшие котловину озера Иссык-Куль и горы окружавшие его в Пржевальском уезде, и южной части Джаркентского и Аулиеатинского уездов. Во главе сарыбагищевцев стоял Алагуш Джантаев с сыновьями, а во главе атекинцев — Султан Далабаев, Баромбай Сазанов и Каимбет Барамбаев. Повстанцы установили связь с ферганскими киргизами.

Выступление началось с нападения восставших киргиз 8 августа на переселенческое селение Новороссийское, в ущелье Большого Кебена. Нападение прошло успешно, и киргизы провозгласили ханом манапа Мукуша Шабданова.

9 августа восстание охватило всю территорию, занятую кочевыми киргизами в бассейне реки Чу и озера Иссык-Куль. Восставшие захватили почтовый тракт, идущий из г. Пишпека (ныне г. Фрунзе) на Пржевальск и от селения Рыбачьего на укрепление Нарынское, сожгли по тракту мосты, разрушили телеграфную

¹ Архив УзбССР. Фонд дел туркестанского генерал-губернатора. Дело о восстании 1916 года.

Восстание в Джизаке. 1916 г.

С карт. Бойцова. Музей народов СССР.

линию, ограбили и сожгли все почтовые станции и выставили по дорогам наблюдательные отряды.

В действиях повстанцев наблюдалась известная организованность: в частях были созданы мастерские для выделки пороха и холодного оружия, введены были на шапках некоторых групп восставших однообразные значки. Во главе одной группы восставших, в которую входили киргизы 5 волостей (Шамсинской, Буханинской, Белекбаевской, Темирбулакской и Абаильдинской), стоял Канат Абукин. Каждая волость имела свой флаг. От каждой юрты требовался один боец. На каждую волость имелось около 30 ружей (кремневки и несколько винтовок) и по 10—15 патронов. Одной из групп восставших, состоявшей из сарыбагишевцев, удалось захватить транспорт оружия и боевых патронов (170 берданок и 40 000 патронов), следовавших в Пржевальск. Часть захваченного оружия переслана была богинцам. После этого восстание приняло еще более ожесточенный характер.

13 августа сарыбагишевцы большими массами начали наступление на город Токмак. Властями был туда направлен отряд Бакуревича, состоявший из сотни казаков с пулеметами и 70 человек пехоты. Несмотря на пулеметный огонь восставшие в течение

10 дней повторно продолжали наступление на город. Они выпустили воззвание к населению города Токмака за подписями Шабданова, Каната Абукина и других главарей с требованием сдаться. Привез воззвание старик, 80 лет, Суван Джантаев, которого потом расстреляли. Лишь по прибытии отряда Гейцига повстанцы, понеся большие потери, отступили в горы.

Во время наступления на Токмак и нападения на селение Покровку киргизы потеряли убитыми до 300 человек и ранеными 200. Между прочим, киргизы перед нападением привязывали себя к седлам, и таким образом раненые или убитые увозились лошадьми.

Богинцы из Каракечинской волости, получив оружие, напали на селение Белоцарское и разгромили его, убив начальника полицейского участка Меньшикова и нескольких техников. После чего они двинулись 5-тысячной толпой на селение Столыпино, в Кочкорской долине, но были отбиты.

Ожидалось нападение повстанцев на город Пржевальск. Кроме гарнизона в городе скопилось до 12 000 русских беженцев из соседних кулацких поселков, из которых администрацией города были организованы вооруженные дружины. Повстанцы приближались к городу, но не смогли причинить ему особого ущерба. В помощь Прже-

вальску был послан отряд ротмистра Кравченко. В конце августа через горы из Верного прибыл отряд Бычкова и из Джаркента — отряд хорунжего Угренинова. Киргизы вынуждены были отступить, освободив все занятые ими поселки.

Крайнее обострение национально-классовой борьбы, звериный шовинизм и ненависть русского кулачества, военщины и чиновников к восставшим «иногородцам», резко проявившиеся во всем ходе борьбы, можно характеризовать на данном участке следующими фактами. В селении Теплоключенском местным кулачеством было вырезано 500 торговцев из узбеков и татар, завезенных сюда отрядом Кравченко с Кочкаринской ярмарки. В Пржевальске после нападения купцов-дунган¹ на ехавших в Пржевальск русских было вырезано до 700 туземных жителей, главным образом дунган; имущество их было разграблено. Отряд казака Овчинникова разгромил и сжег дунганское село Мариинку. Во время осады киргизами селения Сазоновки, Пржевальского уезда, торговцы-узбеки оказывали содействие русским отрядам против киргиз, однако после ухода стоявшего там отряда крестьяне, в большинстве кулаки, перебили всех узбеков. Было убито 90 человек, включая детей и женщин. Такие же избиения и убийства произошли в Ак-Су, в селении Тюпа и ряде других мест.

В пржевальской тюрьме, в которой находилось около 100 киргиз, схваченных в качестве главарей восстания Джаркентского уезда, надзирателями тюрьмы было из них расстреляно 80 человек якобы при попытке к бегству.

Восстание продолжало расширяться. 10 августа оно вспыхнуло еще в ряде волостей Пишпекского уезда, а именно в Беловодском участке, в волостях Тлеубердинской, Джамансартовской, Бакинской и в десятках киргизских сел. Здесь русское население пострадало мало.

¹ Дунгане — китайская народность, основная масса которой живет в Китайском Туркестане и в провинции Шеньси. Часть дунган в 60—70-х годах XIX в. переселилась в пределы России, на территорию нынешних Киргизской и Казахской АССР.

Но зато киргизы за восстание, как и всюду, поплатились очень дорого: началось форменное истребление киргиз в Беловодском районе. Привезенные в Беловодск приставом Грибановским при содействии манапов, несколько сот киргиз были перебиты крестьянами-кулаками. Всего там было убито 517 киргиз. Кроме того были перебиты по дороге сопровождающим конвоем 138 киргиз, отправленных в Пишпек. 118 киргиз, приведенных в Пишпек из других волостей, были убиты, на базарной площади. Началась настоящая охота за киргизами. Вооруженные крестьяне выезжали группами в аулы, убивали киргиз и забирали у них скот и имущество. Известны грабительские нападения некоего Капина (бывшего подрядчика железной дороги) с группой крестьян из села Чернореченского на аулы; разгром чернореченцами нескольких киргизских аулов с убийствами 110 человек; вымогательства полицеймейстера города Верного — Протикова — и его агентов и десятки других подобных случаев насилий и грабежей.

Официальные сообщения этого времени пестрят сведениями о «подвигах» карательных отрядов по истреблению киргиз. В одном из донесений генерала Фольбаума говорится, что «Покровский сжег, между прочим, стойбища около 800 юрт; 28.VIII Берг рассеял скопища, уничтожил до 800 отчаянных борцов и отбил огромное количество скота и баранов». Карательными отрядами захвачены были сотни тысяч голов скота у отступающих к границе Западного Китая киргиз.

Из донесений русского консула в Кашгаре от 1 декабря 1916 года видно, что к тому времени в Кашгаре (Уч-Турфане и Ак-Су) скопилось до 100 000—120 000 киргиз. Всего в пределы Западного Китая ушло население около 45 волостей киргиз и казахов бывшей Семиреченской области. Киргизы Пржевальского и Пишпекского уездов направлялись главным образом в вышеуказанные провинции Западного Китая. В протоколе от 7 января 1917 года войскового старшины Бычкова и драгомана кашгарского консульства говорится: «Киргизы-мятежники Пржевальского и Пишпек-

Разрушение повстанцами железной дороги в Джизаке, 1916 г.

Музей народов СССР.

ского уездов при бегстве через горные перевалы на китайскую территорию с половины сентября до начала ноября потеряли почти весь рогатый скот. Лошадей осталось 10%, баранов осталась $\frac{1}{4}$ часть и верблюдов — около половины.. Киргизы идут на подводах по найму, многие идут пешком, матери оставляют своих грудных детей, продают подростков, одежду. Весь Учтуфанский базар завален киргизскими вещами»¹.

Прежде чем перейти границу, киргизы должны были уплатить значительные суммы китайским властям. Китайцы брали деньгами, скотом и людьми. Несколько тысяч человек (главным образом женщин и детей) были проданы в рабство.

Положение киргиз было ужасно.

Когда киргизы и казахи, попавшие в пределы Западного Китая, растеряв скот и имущество, терпя насилие со стороны китайцев и калмыков, начали в конце 1916 года и в начале 1917 года возвращаться обратно в пределы области, то русские власти поставили условием их допущения выдачу главарей восстания и уплату контрибуции скотом и имуществом в пользу казны «за понесенные убытки». Так например от возвращавшихся из За-

падного Китая 17 волостей казахского рода «албан» Фольбаум потребовал 1000 лошадей для кулачества Пржевальского уезда, 3000 лучших лошадей для армии и выдачи главарей. Кроме того возвращавшиеся ставились на принудительные работы по уборке полей в русских селениях. Одновременно карательные отряды продолжали свои действия, особенно в пограничных районах. В Иссык-кульско-нарынском районе скопилось в руках карательных отрядов до 500 000 голов скота, отобранного у киргиз.

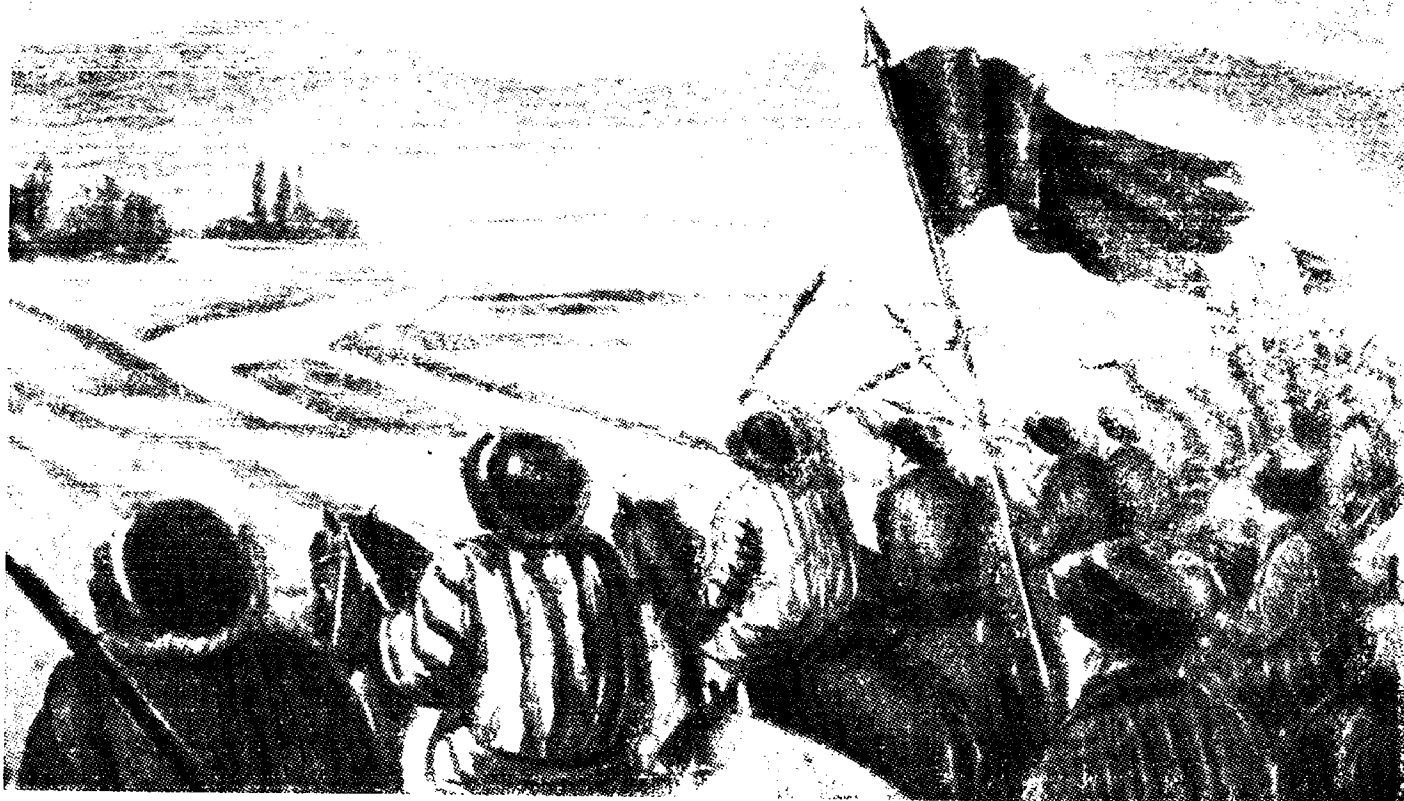
Отдельные отряды и крестьянские дружины продолжали охотиться за киргизами, особенно за теми из них, которые возвращались из Западного Китая. Так например в долине реки Гон отряд Бычкова переловил и истребил 1000 киргиз.

3

Одновременно с киргизами восстали и казахи бывшей Семиреченской области.

Выступления начались в Верненском уезде, в Карамской Таранчинской волости, где восставшие убили волостного управителя; в Атарском участке восстали Ботпаевская, Восточнокастекская, Западнокастекская, Тайгаринская, Иргайтинская и ряд других волостей. Для подавления восстания по-

¹ Архивный фонд Киргизской АССР. Дело о восстании 1916 года.

Восставшие киргизы. Средняя Азия. 1916 г.

Музей народов СССР.

сланы были карательные отряды Бакуревича, Вяткина и отарского участкового пристава. Ряд казахских аулов был уничтожен. По приказу Куропаткина, сотни людей были преданы военному суду.

В Лепсинском уезде, Маканча-Садыровской волости, во время подавления восстания карательными отрядами было убито до 100 человек и столько же арестовано. Волостная казахская администрация, участвуя в карательных отрядах, грабила казахское население. По приказу Фольбаума, население волости Курадийско-Кастекского района в большинстве было спущено с гор и поставлено на работы по уборке полей русской станицы Касклен и др.

Наиболее продолжительным было брожение в Лепсинском уезде, занятом главным образом казахами рода «найман» (волостей Маканча-Садыровской и Мамбет-Кискачевской). Здесь почти все казахские волости были втянуты в движение. В сентябре большая группа казахской молодежи (из подлежащих мобилизации на тыловые работы) выступила открыто и напала на селение Саратовское, но была рассеяна подоспевшим из Лепсинска отрядом

Маслова. При столкновении было убито до 200 казахов, а главари схвачены и доставлены в Лепсинск. Уцелевшие казахи бежали в Западный Китай или перекочевали в Прибалхашские степи.

В конце концов прибытие значительного количества войск из Семипалатинска заставило казахов подчиниться и приступить к выделению рабочих на тыловые работы.

Брожение происходило также среди казахов рода «сувани» и дунган Джаркентского уезда. В частности, выступили дунгане селений Малой, Средней и Большой Ак-Су. В октябре скопления недовольных казахов имели место вокруг озера Балхаш. Большие размеры восстание казахов приняло в Аулиеатинском уезде, где восстали десятки волостей. В ряде мест восставшие рубили лес или поджигали его.

Восстаниями или брожениями охвачены были почти все остальные районы, находящиеся на территории нынешнего Казахстана. В Семипалатинской области с июня по сентябрь происходили выступления в самых разных концах области: в Устькаменогорском, Зайсанском, Семипалатинском, Кустанайском и Павлодарском уездах.

Под напором войск повстанцы вынуждены были отступить. Часть из них перекочевала в пределы Западного Китая.

Особо надо остановиться на восстании казахов в бывшей Тургайской области: здесь оно приняло очень широкие размеры и было наиболее организованным. Восстали казахи кипчакского и арғынского родов. Во главе первых стал хан Абдулгафар Джанбусун, во главе вторых — Оспан Чулаков. Но одним из главных фактических руководителей восстания в Тургайской области был Амангелды Иманов, в будущем герой и руководитель красных партизан в Тургайской области и один из первых организаторов советской власти здесь.

У повстанцев насчитывалось до 8000 бойцов. Восставшие решили взять город Тургай. 5 сентября, ночью, казахи напали на город и начали жечь дома и уничтожать в канцеляриях списки подлежащих мобилизации казахов. Но повстанцы не смогли взять город. При столкновении было убито до 300 казахов. Жители города мало пострадали.

Со стороны Оренбурга к Тургаю было двинуто десятитысячное войско во главе с генералом Лаврентьевым. По пути к Тургаю отряды истребляли казахские аулы. Казахские баи и националистическая алашская интеллигенция пошли на соглашение с русской властью, и ближайшие аулы стали давать людей на тыловые работы. Значительная часть арғынцев во главе с Оспан Чулаковым также сдалась. Но кипчаки под руководством Абдулгафара Джанбусуна и повстанцы во главе с Амангелды Имановым не сдались и ушли в глубь степи. Они имели ряд серьезных сражений с русскими войсками. Кипчаки решили послать делегатов в Турцию и Бухару.

Для борьбы с ними из Самары, через Чалкар, 4 ноября выступила карательная экспедиция генерала Макарова с 4 орудиями и 4 пулеметами. К отряду присоединились Оренбургский казачий полк, 2 пулеметные команды и пехота. Столкновения с кипчаками имели место и в январе. Последнее, самое серьезное столкновение отряда с главными силами повстанцев разыгралось

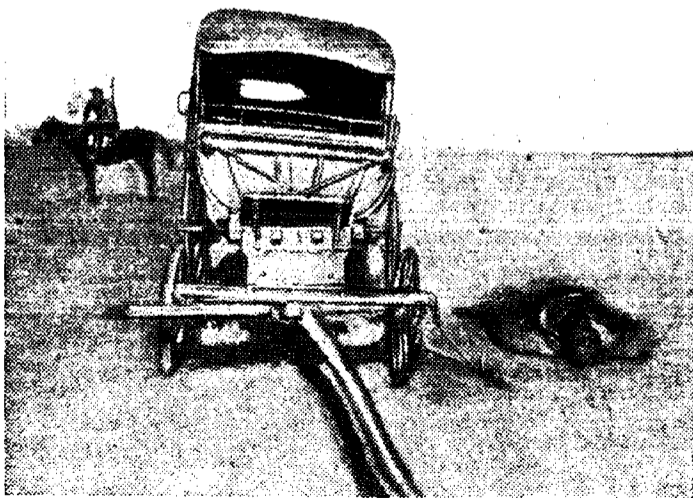
в 90 километрах от Тургая. В ауле, где они произошли, было убито 300 женщин, детей и стариков. Во время отступления основной массы повстанцев вниз по реке Тургай русские отряды, обстреливая отступавших по льду с обоих берегов, нанесли им решительное поражение. Убитых казахов насчитывалось до 4000.

12 февраля отряд вернулся в Тургай¹. Часть тургайских повстанцев во главе с тов. Амангелды Имановым все же не сдалась вплоть до революции.

В общей сложности нападению восставших казахов и киргиз в Семиреченской области подверглось 94 селения, в которых было сожжено и разрушено 5373 дома, убито 1905 человек, ранено 684, взято в плен и без вести пропало 1105 (впоследствии большинство пленных возвратилось). Потери воинских частей исчислялись в 171 человек (в том числе было убито 3 офицера и 53 солдата). Сельское хозяйство пострадало не столько от потрав, сколько от несвоевременной уборки и отсутствия рабочих рук.

Но казахское и киргизское хозяйство было основательно разрушено. Убыль населения была огромная. Всего по 5 уездам Семиреченской области до восстания было 84 854 хозяйства кочевников, убыло 53 000 хозяйств. В районах восстания осталось в среднем не более $\frac{1}{3}$ поголовья скота, имевшегося до восстания.

¹ Часть сведений о тургайском восстании и ряд фактов по Северному Казахстану взяты из книжки тов. Шестакова «15-летие восстания в Средней Азии».

Нападение восставших киргиз на почту. Семиречье. 1916 г. Музей народов СССР.

В нынешней Туркменской ССР (бывшая Закаспийская область) восстание было также очень значительным. Туркмены требовали замены мобилизации рабочих на тыловые работы денежной оплатой или принятия их в армию наравне с русскими солдатами. К этому времени в действующей армии имелся уже текинский конный полк, составленный из туркменских племен. Власти дали согласие на вооружение мобилизуемых текинцев с тем, что последние будут нести на фронте охранную службу.

Имущая верхушка текинцев приняла все меры, чтобы не допустить восстания текинцев. Несмотря на это в Тедженском уезде 8 октября 1916 года все же произошло открытое выступление. Повстанцы в количестве до 2500 человек, вооруженные кольями, лопатами и старинными туркменскими ружьями, двинулись на город Теджен. Старшина одного из аулов был арестован восставшими. Повстанцы разгромили железнодорожные будки и убили несколько железнодорожных служащих. Арестованный повстанцами аульный старшина Мумли-Пельван бежал и донес уездному начальнику о том, что на город движутся недовольные туркмены. Уездный начальник с отрядом вышел навстречу восставшим и обстрелял их. Было убито 20 человек. Со стороны отряда убито 3 солдата.

Более серьезные размеры восстание приняло среди туркменского племени иомудов, населявших Красноводский уезд, пограничный с Персией и находившийся на положении двуданников русского и персидского правительства. Это было воинственное племя, стремившееся к вольности и откочевывавшее в Персию при притеснениях со стороны русской власти. И в этот раз, после объявления о мобилизации рабочих, часть иомудов откочевала в Персию.

Во второй половине августа и в сентябре много туркмен ушло в Персию, в том числе 2000 семейств иомудов из Красноводского уезда. К ним примкнули и роды джафарбай, атабай и акатабай. В районе реки Атрека повстанцы прервали телеграфную связь с

Чикишляром и оказали сопротивление чикишлярскому приставу.

В 20-х числах сентября туркмены стали угонять скот из русских поселков. Возле Астрабада туркмены из берданок и трехлинейных винтовок обстреляли 2 раза казачий раз'езд и заняли укрепление Ак-Кала. После бомбардировки специально для этого прибывшим отрядом туркмены были выбиты из Ак-Кала и, понеся большие потери, отступили. С 25 по 28 сентября карательный отряд в 100 человек с 3 пулеметами и 2 орудиями подвергся нападению туркмен. В конце октября повстанцы появились и около Ходжа-Нефеса, склоняя к восстанию приморских туркмен.

В ноябре выступления иомудов не только не утихли, а, наоборот, усилились: стали образовываться более крупные отряды во главе с руководителями: Баба-клычем, Шахи-ханом, Дивержи и Эссен-ханом. В первую половину ноября иомуды, заняв западную часть Астрабадского района, на побережье Каспийского моря, несколько раз пытались напасть на рыбные промыслы Лианозовых, но были отбиты при помощи артиллерии и десанта судов Ашур-Динской морской станции. 25 ноября вновь 2 роты 2-го Сибирского полка и сотня пограничников подверглись их нападению.

Учитывая серьезность положения в Астрабадской провинции Персии и Красноводском уезде и опасаясь усиления волнений во всей области, Куропаткин в начале ноября приказал военному губернатору Сыр-Дарьинской области генералу Мадридову составить сильную военную экспедицию для решительного подавления восстания туркмен. Указанный отряд был сформирован в составе 6 батальонов, 15 сотен, 18 орудий и 17 пулеметов, общей силой в 8000 человек.

6 декабря главные силы отряда Мадридова, направленные со стороны Астрабада и Чикишляра, заняли оставленное бежавшими иомудами укрепление Ак-Кала, а затем направились к Гумбет-Хаузу.

Очистив от повстанцев всю западную часть Астрабадской провинции, захватив ряд главарей и отобрав при этом до 1000 винтовок, подвергая жестокому разгрому оставшееся имуще-

ство туркмен-мятежников, генерал Мадридов направился вслед за бежавшими повстанцами в Морават-Тепе.

Стиснутая отрядами Мадридова с севера и юга, главная масса повстанцев бросилась на запад, но здесь, настигнутая преследовавшими их карательными войсками, была разгромлена в боях 28—31 декабря, потеряв тысячи людей. Главные вожаки мятежных племен были захвачены, а оставшиеся сами явились с повинной, прося о пощаде. Потери экспедиции генерала Мадридова в течение декабря были незначительны. Всего, по свидетельству Куропаткина, за время иомудского восстания убито было 2 офицера и 59 нижних чинов, ранено тоже 2 офицера и 59 нижних чинов и без вести пропало 3 нижних чина. Число пострадавших среди русских поселенцев, по указанию того же Куропаткина, было ничтожно. Материальный ущерб в его отчете определяется приблизительно в 300 000 рублей. Но зато туркмены-кочевники были совершенно разгромлены и разграблены. Еще в первом своем донесении, после некоторой энергичной чистки в Астрабадской провинции, генерал Мадридов доносил, что им было отобрано у мятежников: винтовок — 3200, лошадей — 780, верблюдов — 4800, баранов — 75 000, рогатого скота — 2500, юрт — 500.

Карательным отрядам пришлось действовать на территории персидской Астрабадской провинции, в части ее, представляющей нейтральную зону между зимними кочевьями туркмен и оседлым персидским населением. Персидская власть здесь совершенно не чувствовалась. На этом основании эта полоса была занята русскими частями. Куропаткин в своих инструкциях Мадридову прямо указывал, что занятая в связи «с мятежом туркмен» часть территории Астрабадской провинции Персии должна отойти к России для заселения русскими переселенцами, что обеспечит ликвидацию «двухданникового» положения туркмен.

Кроме астрабадско-красноводских туркмен поднялись на борьбу и туркмены-иомуды в пределах Хивинского ханства. Куропаткин заключил соглашение с хивинским ханом о принятии

Исправленное повторение 196

4590
Разборка шифрованной телеграммы из Вьрнага

5220

от ротмистра Железняка

18 АВГ 1916

на имя Директора Д-та Полиции

№ 1819

подана 14 сего августа 1916 г. 14 ч. 15 м. по форме
получено 17 сего августа 1916 г. 2 ч. — м. по форме

Директорский уездный начальник доносит Бьловодскъ рѣ
приказомъ звестовано сто тридцать восемь киргизъ за
восстание; при попыткѣ бѣжать дороги часть убита, послѣ
доставки Лишлекъ за вторую попытку побѣгу остальные пе
рекологы. № 549.

Телеграмма ротмистра Железняка о расправе с повстанцами. Средняя Азия. 1916 г.
Музей народов СССР.

более радикальных мер против недовольных туркмен и о назначении при нем специального комиссара.

В бывшей Аму-Дарьинской области (ныне Каракалпакия), особенно в Чимбайском районе, также происходили волнения. Восставшими был убит участковый пристав. Для наведения порядка из Ташкента была выслана военная экспедиция во главе с генералом Галкиным, заставившая население дать требуемое количество рабочих. Карательная экспедиция Галкина отличалась своей жестокостью. Сам Галкин подавал пример мародерства, огбирая у населения ценности и принимая взятки.

5

Таков общий ход восстания народных масс Средней Азии в 1916 году. Как мы видим, почти все коренные народности, населяющие Туркестан и нынешний Казахстан, выступили против царского империализма в 1916 году. Основную массу восставших составляли бедняцкие и середняцкие слои крестьянского населения. Инициатором движения и самым активным его элементом была молодежь, подлежащая мобилизации на тыловые работы. Об этом свидетельствуют все документы и сами участники восстания.

Местные рабочие и беднейшие ку-

Расправа самодержавия с восставшим в Средней Азии. 1916 г.

стари, безземельные и малоземельные крестьяне в сельских местностях, особенно в кочевых и полукочевых районах, также приняли участие в восстании. Как известно, казахские и киргизские рабочие и батраки, работавшие на местных предприятиях и у русских кулаков, во время восстания присоединились к восставшим.

Восстание носило явно выраженный антиимпериалистический характер, с отказом дать рабочих для фронта мировой войны. Его основной удар был направлен против самодержавной власти царизма, порабовавшего и угнетавшего народности Средней Азии.

Но восстание одновременно направлено было и против туземной эксплуататорской верхушки. Из приведенных уже выше материалов мы видели, что восставшие расправлялись с первых же шагов со своими управителями, писарями, старшинами.

Характерно поэтому поведение местной буржуазии и националистической интеллигенции. В восстании с особой ясностью выступила их предательская роль. Так например в Ташкентском уезде в подавлении восстания одним из командиров карательного отряда был Худоярханов (потомок

известного кокандского хана), в 1917 году он был начальником милиции в старом городе Ташкенте.

В подавлении восстания среди узбеков и таджиков туземная администрация оказывала карательным отрядам самое деятельное содействие. Волостной управитель Кок-Тюбинской волости поймал крупнейших участников джизакского восстания Назыр-Ходжу и Имама Абдураимова, когда они пробирались в Бухару, а санзарский волостной управитель выдал русским властям руководителя этого восстания Туракул Турадбекова.

Предательскую политику вело также казахское и киргизское байство, идя рука об руку с русским царизмом в деле подавления восстания. Ряд казахских волостных управителей, видя начинающееся возмущение масс, обращался к русским властям с требованием присылки войск¹.

Туземная буржуазия, байско-феодалы и националистическая интеллигенция проявили еще большее предательство во время восстания 1916 года чем в революцию

¹ См. газету «Энбекши Казак» от 8 июля 1926 года.

1905 года. Царское правительство, стремясь привлечь на свою сторону туземных эксплуататоров, освободило их от мобилизации на тыловые работы, на которые были набраны главным образом представители бедняцких слоев населения.

Эксплуаторская верхушка кочевой и полукочевой части населения была также против восстания, и если восстание все же разразилось, то происходило оно вопреки ее воле.

Правда, были отдельные случаи участия бае-манапских элементов в восстании и некоторые из них становились даже во главе его (например сыновья Шабадана в Киргизии), но это происходило в тех местах, где восставали целые аулы и уходили, забирая с собою все имущество и скот; баи, лишившись всего и боясь мести, вынуждены были присоединиться к восставшим. Так например известно, что сыновья Шабадана были против восстания и ездили в город Пишпек советоваться с русскими чиновниками о мерах для подавления его. Но когда почти вся волость восстала, они вынуждены были присоединиться к восставшим. Другой руководитель восстания в Киргизии, Канат Абукин, в своем показании во время суда говорит, что он вместе с сыновьями Шабадана и с некоторыми волостными управителями обращался к уездному начальнику Путинцеву с предупреждением о назревающем недовольстве и просил прислать войска, чтобы обуздать недовольную молодежь в ауле. Но душой этих восстаний неизменно была революционно настроенная молодежь из местного крестьянства, а фактическими руководителями — активные элементы из трудящихся.

Казахская националистическая алашская интеллигенция также открыто играла предательскую роль и пресмыкалась перед царской администрацией. Ряд представителей этой интеллигенции, служа в царском административном аппарате, доносил последнему о всех движениях, происходящих в степи, и всячески содействовал принятию мер для подавления восстания.

Руководители алашской интеллигенции с объявлением приказа царского правительства о мобилизации ра-

бочих из казахского населения развили через газету «Казак» усиленную агитацию против восстания и предлагали казахским трудящимся покориться приказу. Ни разу верхушка этой интеллигенции не сделала попытки обратиться к царскому правительству с просьбой освободить казахский народ от мобилизации рабочих на тыловые работы; больше того, она даже развивала агитацию за то, чтобы казахи шли в солдаты, и обращалась по этому поводу к царскому правительству, но получила отказ.

Та же газета «Казак» писала о восставших как виновниках всех бедствий, обрушившихся на казахский народ. Главари восставших квалифицировались как авантюристы. Вообще алашская интеллигенция всячески старалась дискредитировать участников восстания.

Земледельческо-кулацкие элементы в кишлаках также не были заинтересованы в поддержке восстания 1916 года. Часть духовенства; недовольная ломкой старых отношений вследствие внедрения капиталистического влияния и ущемления ее экономических интересов новыми порядками царской администрации, склонна была поддержать восстание, но лишь в целях использования недовольства народных масс в своих интересах.

В узбекских и таджикских районах торговая буржуазия и вышедшая из ее среды джадидская интеллигенция, связанные с русским торгово-промышленным капиталом и аппаратом царской администрации, не только не принимали участия в восстании, но всячески помогали царскому правительству в подавлении его, стараясь выслужиться перед самодержавием. Туземная буржуазия и националистическая интеллигенция организовывали сборы в пользу войны, демонстрации в честь русского царя и т. д. Куропаткину, приехавшему в начале сентября в Фергану, была устроена торжественная встреча.

Ташкентская туземная буржуазия и джадиды также торжественно, с портретами царя, встретили Куропаткина во время его приезда в Ташкент (8 августа 1916 года) после назначения его генерал-губернатором Туркестана. То же было в ряде других городов, кото-

рые посещал Куропаткин. Все это происходило в то время, когда еще продолжалась кровавая расправа с восставшими народными массами. В Коканде был создан комитет по содействию царской администрации в наборе рабочих на тыловые работы в составе председателя А. Махмудова и секретаря С. Акаева (оба были потом членами контрреволюционной «Кокандской автономии»). Такие же комитеты были созданы в Ташкенте и других городах.

В октябре 1916 года Куропаткин совершил поездку в Семиречье. Русское кулачество встретило его с колокольным звоном, молебнами и требовало дальнейшей расправы с туземным населением. Казахская и киргизская имущая верхушка и волостные также «верноподданически» встречали Куропаткина, заверяя в преданности русскому правительству и отмежевываясь всячески от участников восстания. Вместе с Куропаткиным приехал инженер Тынышпаев (один из лидеров алаш-ордынской интеллигенции из Семиречья, бывший потом членом контрреволюционной «Кокандской автономии»).

Тынышпаев пресмыкался перед «добродетелем» Куропаткиным, являясь рьяным проводником его директив. Газета «Казак» (№ 192 за 1916 год) называла Куропаткина «добрым» человеком и считала «счастьем» для местного населения назначение его генерал-губернатором Туркестана. В дальнейшем Тынышпаев, М. Чокаев и другие лидеры националистической интеллигенции туркестанской части казахов еще теснее связались с царской администрацией. Интересно вспомнить, что во время русско-японской войны казахское байство и националистическая интеллигенция обращались к генералу Куропаткину с просьбой взять 10 000 казахов в качестве кавалеристов, но Куропаткин отказался.

6

Царское правительство жестоко подавило восстание. Коренное население понесло огромные потери людьми и материальными ценностями. Погибли десятки тысяч людей; сотни аулов и

кишлаков были уничтожены дотла. Хозяйственная основа восставших районов подорвана была на долгие годы. В довершение ко всему царское правительство наметило дальнейшее огромное изъятие земель у казахов и особенно у киргиз. По бывшим Пишпекскому, Пржевальскому и Джаркентскому уездам намечалось изъять 5 миллионов га земли. Киргизы должны были отодвинуться в полупустынные местности, главным образом в Нарынский уезд.

Такие же планы намечались в отношении туркмен, узбеков и таджиков в районах восстания. Население было обложено дополнительными повинностями и налогами. Туземные администраторы и байство усилили притеснение трудящихся местного населения и принимали даже участие в грабежах карательных отрядов. Усилилась выкачка сырья и продовольствия из Средней Азии в Россию и для фронта. Так например за один 1916 год было вывезено огромное количество скота, большей частью отобранного у населения во время восстания, свыше 40 миллионов пудов хлопка, 38 000 квадратных аршин кошмы, свыше 3 миллионов пудов хлопкового масла и других продуктов (значительная часть их вывезена после восстания). С населения было собрано в начале 1917 года в пользу фронта 2½ миллиона рублей.

К 1 февраля 1917 года отправлено было на тыловые работы 110 000 рабочих и 10 000 оставлено для работы в пределах Туркестана. До мая предполагалось отправить еще 80 000 человек. Куропаткин предлагал поднять вопрос о расширении туркестанских владений за счет присоединения части территории соседей: Западного Китая, Афганистана и Персии.

В процессе восстания четко определилась расстановка классовых сил: байство, туземная царская администрация и националистическая интеллигенция, связанная с байством, во время восстания в 1916 году встали на сторону царской власти и способствовали подавлению этого восстания.

Имевшиеся тогда меньшевистские и эсеровские организации, пропитанные колонизаторским духом, также сочувствовали мероприятиям царского пра-

ительства по подавлению восстания. Но симпатии передовых русских рабочих и местной русской крестьянской бедноты были на стороне восставших казахских трудящихся. Так, в Иссык-кульской котловине среди восставших киргиз участвовали местные русские крестьянские бедняки — некто Седов и Власенко. О сочувственном отношении крестьянской бедноты к восставшим говорят и другие факты. Правда, местные русские рабочие не могли оказать прямого содействия восставшим, так как «революционная партия пролетариата большевиков в Средней Азии в это время была загнана в глубокое подполье. Массы российского пролетариата в тот период еще не могли открыто выступить на решительную борьбу с самодержавием в помощь восставшему дехканству. Подъем рево-

люционного движения среди был не достаточно высоким. Они смогли активно, с оружием в руках выступить только через несколько месяцев, в февральско-мартовские дни 1917 года. Восстание колониального крестьянства поэтому осталось без пролетарского руководства и без руководства большевистской партии»¹.

Однако в процессе восстания и его подавления трудящиеся местных национальностей хорошо разглядели своих классовых врагов и своих друзей. Опыт и уроки восстания немало способствовали восприятию трудящимися массами этих национальностей идей и лозунгов социалистической революции в октябре 1917 года.

¹ «Советская Киргизия» от 11 августа 1931 года. Из тезисов Культпропа Средазбюро ЦК ВКП(б).

Н. Селезнев

О ВОЙНЕ 1812 ГОДА

Вопрос о причинах поражения наполеоновской армии в 1812 году является основным при изучении истории франко-русской войны начала прошлого столетия. Почему такая блестящая армия, как «великая армия» Европы, возглавляемая таким гениальным полководцем, как Наполеон, потерпела тяжчайшее поражение при столкновении с отсталой, крепостнической Россией, — на этот вопрос в первую очередь должны ответить историки СССР.

Между тем, как уже указывалось на страницах нашей печати, ни в проекте учебника для средней школы по истории СССР, написанной бригадой проф. Чага, ни в «Очерках истории СССР (XIX и XX вв.)» проф. Пионтковского этот вопрос не дается ответа. Он не ставится авторами, хотя выывания классиков марксизма-ленинизма о войне 1812 года и факты конкретной истории походов Наполеона дают вполне достаточный материал для ответа на него.

жат, прежде всего, в самом характере этого похода. Было время, когда Франция вела революционные войны. В эпоху буржуазной революции 1792—1793 годов революционная Франция оборонялась от реакционной Европы. Тогда «весь народ и в особенности массы, т. е. угнетенные классы, были охвачены безграничным революционным энтузиазмом: войну все считали справедливой, оборонительной, и она была на деле таковой»¹. Но после победы термидорианцев войны, которые ведет Франция в годы консульства и империи Наполеона, меняют свой характер и становятся из оборонительных завоевательными. Ленин прямо называет наполеоновские войны «империалистскими», разъясняя тут же, что под империализмом в данном случае следует понимать «грабеж чужих стран вообще», а под империалистской войной — «войну хищников за раздел такой добычи»².

Ленин писал: «Империалистские войны Наполеона продолжались много лет, захватили целую эпоху, показали необыкновенно сложную сеть сплета-

чины поражения наполеоновской армии о время войны 1812 года ле-

¹ Ленин. Т. XXI, стр. 190.

² Ленин. Т. XXII, стр. 287.

ющихся империалистских отношений с национально-освободительными движениями»¹.

Задача историков и состоит в том, чтобы показать эту «необыкновенно сложную сеть».

Мысль о завоевательном характере войн Наполеона Лениным высказывается неоднократно. О Тильзитском мире² он говорил, что это мир, который «завоеватель Наполеон навязал русскому и германскому народам после ряда тягчайших поражений»³.

О завоевательных планах Наполеона накануне его похода на Москву мы имеем и его собственные высказывания. Так, в 1811 году он писал в инструкции резиденту в Польше Биньону: «Империя переживает теперь расцвет своего могущества. Если она теперь же не создаст политического уклада Европы, завтра она может лишиться выгод всего теперешнего положения и потерять возможность осуществить свои предприятия»⁴.

В одной из своих речей весной 1811 года Наполеон раскрывает и конкретное содержание этих «предприятий». «Допытываются, куда мы идем?—говорил Наполеон.— Мы покончим с Европой, а там, как сильнейший разбойник бросается на более робкого, овладеем Индией... Еще три года — и я буду владыкой вселенной»⁵.

Перед нами, таким образом, открытая программа гигантских завоеваний. Наполеон полагал добиться успешного выполнения этой программы при помощи своей армии, которая действительно превосходила все современные армии по массовости, подвижности, военному искусству и боевому опыту. Армия Наполеона, по выражению Энгельса, состояла «из эмансипированных мелких крестьян и тертой город-

ской черни»⁶. Но она уже не была армией патриотов революции; ее старые революционные традиции выветрились и исчезали. В свое время в основе их лежал «переход всей страны, и притом с быстротой, решительностью, энергией, беззаветностью поистине революционно-демократическими, к более высокому способу производства, к свободному, крестьянскому землевладению»⁷. Наполеон сам отдавал себе отчет в этом изменившемся со времени 1792—1793 годов характере французской армии. Он говорил в 1812 году: «Моя армия составлена так, что при всей ее дезорганизации одно движение поддерживает ее. Во главе ее можно идти вперед, но не останавливаться и не отступать. Это армия нападения, а не защиты»⁸.

Ярким документом, иллюстрирующим характер этой армии, является письмо одного молодого солдата наполеоновской армии, написанное им в 1812 году на родину:

«Мы вступим сначала в Россию, — писал этот солдат, — где мы должны поспражаться немного, чтобы открыть себе проход дальше. Ах, отец, идут удивительные приготовления к войне. Старые солдаты говорят, что они никогда не видали ничего подобного. Это правда, ибо собирают громадные силы. Мы не знаем только, против одной ли России это. Один говорит, что это для похода в Великую Индию, другой, — что для похода в Египет; не знаешь, кому и верить. Мне это все равно. Я хотел бы, чтобы мы дошли до самого конца света»⁹.

2

Общий план военных действий для осуществления этих завоевательных программ сложился у Наполеона уже летом 1810 года. Он наметил трехлетнюю кампанию: на первый год — захват Смоленска и восстановление Польши, на второй — взятие Москвы,

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. VIII, стр. 458.

⁷ Ленин. Т. XXI, стр. 189.

⁸ Ségur «Histoire de Napoléon et de la grande armée en 1812». V. I, p. 265. Цит. по ст. Дживелегова «Вторжение. План Наполеона» в цит. юбил. сб. Т. III, стр. 146.

⁹ Юбил. сб. Т. III, стр. 48.

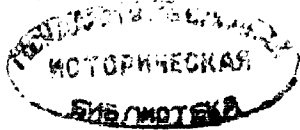
¹ Ленин. Т. XXII, стр. 287.

² Тильзитский мир был заключен в 1807 году между Францией с одной стороны и союзом России и Пруссии — с другой после военного разгрома Пруссии Наполеоном I.

³ Ленин. Т. XXII, стр. 395.

⁴ Цит. по ст. Погодина «Наполеон в Польше» в сб. «Отечественная война и русское общество. 1812—1912 гг.». Т. III, стр. 150. Юбилейное издание. Москва. 1912.

⁵ Цит. по Трачевскому «Новая история». Т. II, стр. 359. СПб. 1908.

на третий — Петербурга. Посвящая Меттерниха в эти планы, он говорил, что хочет на первых порах остановиться в Смоленске и Минске и заняться организацией Литвы, которая «жаждет сбросить с себя русское иго». Был намечен план раздробления России: Наполеон предполагал провозгласить себя королем Польши, а Иосифа Понятовского вознаградить княжеством Смоленским; из казацких областей и Украины должно было быть создано самостоятельное королевство или Привислинский союз (наподобие Рейнского союза).

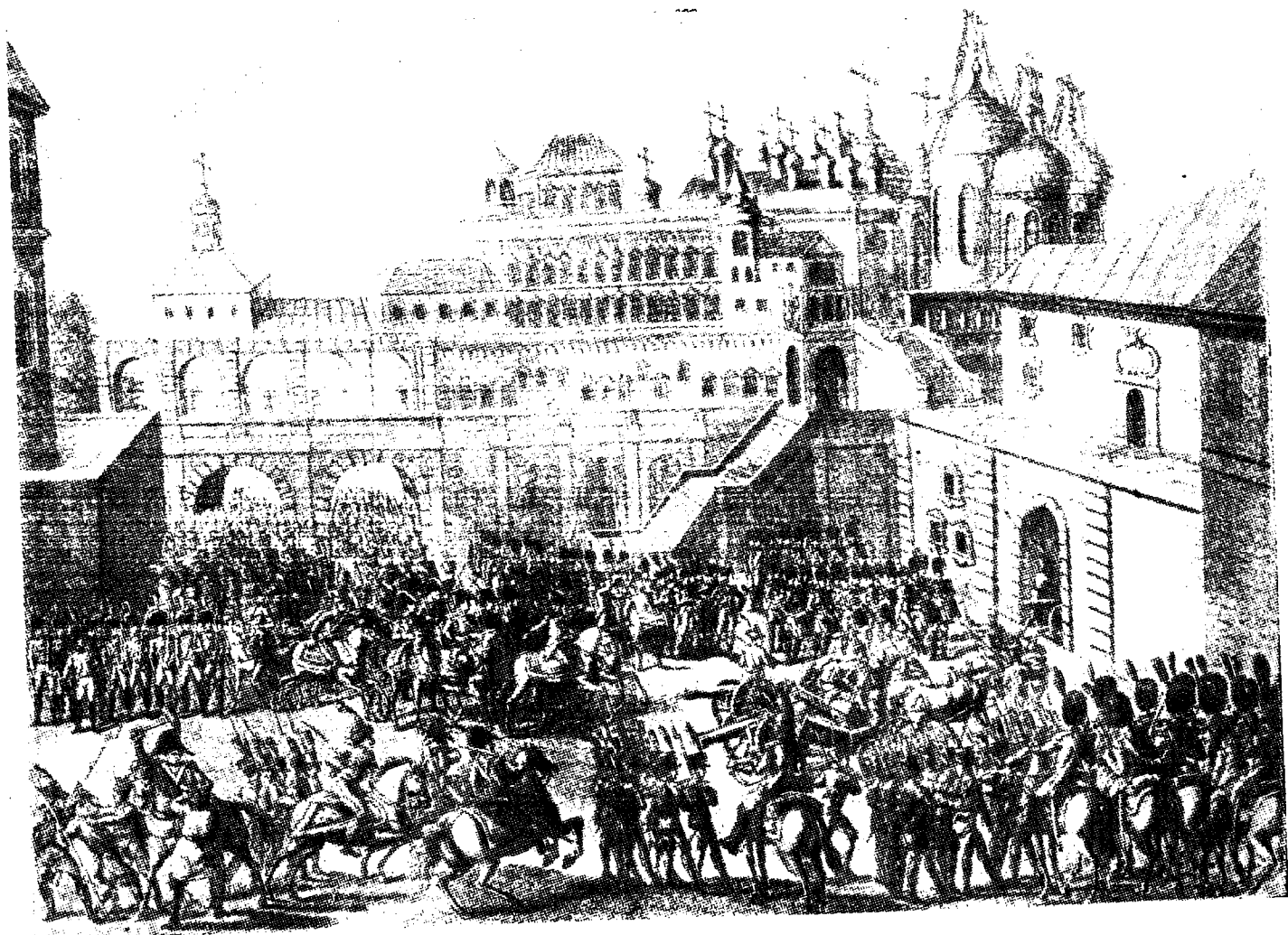
Для успешного осуществления намеченной программы Наполеон стремится найти такую силу внутри России, на которую он мог бы опереться в своей борьбе с царской армией. Он рассчитывал, что такой силой явится русское крестьянство. Поэтому Наполеону пришлось на первых порах маскировать подлинные цели этой захватнической войны освободительными лозунгами — «призраком революции».

Еще в 1808 году его негласный агент доносил ему из России, что рус-

ские крестьяне будто бы очень расположены встать на сторону победоносной французской армии, ибо они «только и мечтают о свободе и слишком хорошо познали свое рабство, которое очень жестоко»¹. В августе 1812 года Наполеон запрашивал принца Евгения Богарне, какого рода декрет и прокламацию следовало бы выпустить, для того чтобы вызвать восстание в России и привлечь таким образом крестьян на свою сторону.

В связи с этими замыслами Наполеона орган военной партии во Франции — «Журналь д'Амбир» — обстоятельно аргументировал возможность такого восстания, выявляя моменты национальной вражды внутри России: «Собственно русскими могут считаться лишь 14 центральных губерний, остальные... населены враждебными России племенами, ждущими первого случая, чтобы свергнуть с себя русское иго. Татары, донские казаки, грузины немедленно восстанут, как только ус-

¹ Тарле «Соглядатай Наполеона I о русском обществе 1808 г.» «Современный мир» № 12 за 1910 год, стр. 56. Цит. по юбил. сб. Т. V, стр. 78.

Вступление французов в Москву.

Немецкая гравюра.

Мадрид.
«Сверху вниз»

Фонтенебло.

Москва.
Современная карикатура на Наполеона

лышат, что «царь царей» бежит на Волгу из своей об'ятой пламенем столицы»¹.

Но на деле Наполеон вовсе не собирался освобождать крестьян и угнетенные национальности крепостнической России. Еще в 1809 году его министр де Монталине в «Отчете о состоянии империи» заявил, что император не желает ничего, что могло бы причинить беспокойство его союзнику, русскому императору. В беседе с Александром I он категорически отвергал упрек в сочувствии свободомыслию поляков. «Мне нужен в Польше лагерь, а не форум. Я не намерен плодить якобинцев и создавать республиканские очаги. Я желаю иметь поляков лишь как дисциплинированную военную силу, чтобы меблировать поле битвы»².

И, действительно, ни одного из обещаний, данных полякам, Наполеон не выполнил. В Польше горько шутили: «Герцогство Варшавское, монета прусская, армия польская, король саксонский, кодекс французский».

¹ Юбил. сб. Т. VI, стр. 13.

² Трачевский. Цит. соч. Т. I, стр. 365.

Когда министру Наполеона в Польше де Прадту был представлен 29 июля 1812 года на просмотр текст манифеста конференции, он исключил центральную его часть, в которой говорилось: «Жители Литвы, Белой Руси, Украины, Подолии и Волыни — наши братья. Они поляки, как и мы...» Наполеоновская «идея национальности» не подлежала серьезному обсуждению в завоеванной Польше. Наполеон не принес национального освобождения польскому народу точно так же, как и «социального освобождения» российскому крестьянству.

Официальные историки Франции создали легенду о том, что Бонапарт надеялся, вступая в Россию, найти в ней народ, готовый разбить свои цепи, но последствия войны 1812 года показали, насколько этот расчет был ошибочен. Но и Наполеон и его приближенные шли в Россию не для того, чтобы разбить цепи крепостничества, а чтобы завоевать ее, раздробить и колонизировать. Они отклонили план «освобождения крестьян» как рискованный и крайне опасный. Наполеон настойчиво подчеркивал, захватив Москву, что «Москва — не военная, а

политическая позиция; здесь я не полководец, а император»¹.

Уже после поражения и возвращения в Париж (20 декабря 1812 года) Наполеон развивал эту мысль перед сенатом. «Я веду против России только политическую войну, — говорил он. — Я мог бы вооружить против нее самую большую часть ее населения, провозгласив освобождение рабов; во множестве деревень меня просили об этом. Но когда я увидел огрубение этого многочисленного класса русского народа, я отказался от этой меры, которая предала бы множество семейств на смерть и самые ужасные мучения»².

Уже в 1808 году упомянутый выше агент в России предупреждал Наполеона, что в крестьянском вопросе необходимо действовать с большой осторожностью даже в герцогстве Варшавском, так как освобождение там крестьян (без земли! — К. С.) и введение кодекса Наполеона испугали дворянство литовских губерний. Осторожность Наполеона в этом вопросе и без этого письма простиралась до таких пределов, что еще в 1803 году он, например, сообщал русскому правительству о «неосмотрительных толках» графа Моркова — русского посла в Париже — по поводу освобождения крестьян.

Когда французская армия заняла Витебск, окрестные крестьяне арестовали своих господ и управителей и привели их на суд к французскому командиру. Но генерал Шарпантье освободил арестованных, прогнал крестьян и поставил военную охрану в помещичьих имениях. Французский экзекуционный отряд, высланный в Борисовский повет Минской губернии по требованию местных помещиков, вооруженной рукой подавил восстание крестьян 4 деревень. За один только сентябрь 1812 года губернский суд разбирает дела 25 крестьян по обвинению в неповиновении помещику.

В Смоленской губернии французы опубликовали прокламацию к населению, в которой призывали помещиков к спокойствию: «Явитесь и имейте до-

верие к нашему правлению. Вы будете спокойны, в чем уверит вас в здешней губернии французский император и восстановит прежний порядок»³. Крестьянам же сообщалось, что император «пребывает в ожидании от них повиновения и покорности». Воззвание назначенной французами комиссии Временного правительства Литвы выражалось еще яснее: крестьяне «обязаны повиноваться своим помещикам, ничем не нарушать господской собственности, отбывать работы и повинности»⁴. Наконец, в Виленской губернии духовенству было предложено побудить крестьян немедленно возобновить постоянное отправление барщины, тем более, что «урожай 1812 года был обилен».

Так были рассеяны в дым «призраки революции», которыми маскировалась захватническая война.

Наполеон не расчистил дороги и для поднимавшегося русского фабриканта и купца. В Минске, Белостоке, Вильне и Гродне он назначил из местных жителей губернские комиссии — органы самоуправления; в Смоленске и Москве — муниципалитеты и городских мэров. Что же собой представляли эти органы? Во Временном правительстве и коллегии великого князя Литовского не было ни одного купца или мещанина. В Вильне на весь состав губернской комиссии оказалось 3 купца, 1 седельный мастер и 3 лица свободных профессий (музыкант, врач и адвокат). В Москве на 87 членов муниципалитета было 20 французских резидентов, 15 старых чиновников, 4 отставных офицера. Кроме них в муниципалитет входило 15 купцов, 4 лица свободных профессий и даже 2 дворянских человека и 1 вольноотпущенный. Но никакой реальной власти и этот муниципалитет, разумеется, не имел. Не удивительно поэтому, что предпринятый Наполеоном рекрутский набор провалился (вся Волянь поставила 2 солдат!) и что маршал Даву не нашел в занятых губерниях «того энтузиазма, который он видел в других местах».

¹ Трачевский. Цит. соч., стр. 370.

² «Le Moniteur Universel» № 356 за 1812 год. Цит. по юбил. сб. Т. V, стр. 79.

³ Русск. арх. 1901 год. Кн. V, стр. 8. Юбил. сб. Т. IV, стр. 130.

⁴ Юбил. сб. Т. V, стр. 88.

Разгром крестьянами помещичьей усадьбы. 1812 г.

С карт. В. Курдюмова.

3

Царизм и помещики рассчитывали организовать отпор Наполеону и изгнать его из пределов России средствами крепостнической войны, т. е. воевать так, как они воевали, например, в годы семилетней войны.

Когда в годы Тильзита Александром I был издан манифест о созыве милиции, дворянство встревожилось и обратило внимание правительства на опасности, связанные с «вооружением подверженного случайным настроениям буйного, грубого деревенского населения». Один из таких дворянских протестантов писал: «Если прежде безграмотный донской казак возмущал народ и потрясал основание государства, то ныне мятежный, предприимчивый, а может быть, и более просвещенный ум не встречает ли 10 000 человек для себя уже готовых?»¹ В свою очередь Александр в первые месяцы войны решительно отклонял предложения о призыве даже дворянству о помощи деньгами и еми, не желая придать войне хотя

бы видимости народной. Когда к нему принесли на подпись проект манифеста, он вычеркнул из текста слова о народе, «сотрясем в младенчестве иго азиатских победоносцев, среди мятежей и безначалия нашедшем в своей беспримерной храбрости средства к изгнанию полчищ иноплеменных»².

Не случайно, разумеется, появление таких фигур, как Наполеон и Багратион. Растопчин писал Ермолову в самом начале войны: «Наступайте! Ей богу, оживим войска и шапками их закидаем. Иначе будет революция в Польше и у нас!»³. А в другом письме он пугал: «Трудно найти в России половину Пожарского, целые сотни есть готовых идти по стопам Робеспьера и Сантерра»⁴.

Уже в первые дни войны обнаружилось, что старые формы войны сулят поражение. 13 августа Багратион писал Растопчину: «Ради бога, надо разозлить чернь. Что грабят церкви и

¹ Цит. по ст. Кабанова «Ополчение 1812». Юбил. сб. Т. V, стр. 45.

² Юбил. сб. Т. III, стр. 177.

³ Там же, стр. 94.

⁴ Там же, стр. 171.

Ополчение. 1812 г.

С карт. Г. Алексева.

женский пол насильничают, это надо рассказать мужикам»¹.

Попытки этих наиболее умных представителей дворянства поднять народ против «француза», наталкивались на нерешительность и близорукость правящего класса. Помещики под шумок норовили послать в ополчение «людей похуже». Граф Орлов-Давыдов, например, предписывал своему приказчику «пьяниц, мотов, непрочных для вотчины отнюдь не беречь». Сами дворяне сказывались больными (прыжка, отрыжка, «дрожание рук» и т. п.) и уклонялись от службы. После войны они развернули настоящую торговлю зачетными квитанциями, полученными за отправленных в армию ополченцев. Актер Щепкин передает характерный разговор одной помещицы в обществе: «Вообразите, какое счастье Ивану Васильевичу: он отдавал в ополчение 9 человек, а возвратился всего 1. Так что он получил 8 рекрутских квитанций и все продал

по 3 тысячи, а я отдала 26 человек, и на мою беду все возвратились. Такое несчастье». Все согласилось с помещицей, а некоторые прибавили: «Да, такое счастье, какое бог дал Ивану Васильевичу, немногим дается!»².

Этому лагерю противостоял другой, малочисленный, правда, лагерь — дворянской молодежи, выросшей в атмосфере сочувствия республиканским идеалам энциклопедистов и законодательного собрания и ненавидящей узурпатора, поработителя народов — Наполеона. Из этого лагеря выходят будущие декабристы. Их немного, ибо тогда «историю творили горстки дворян и кучки буржуазных интеллигентов, при сонных и спящих массах рабочих и крестьян»³.

Декабристы тяжело восприняли и глубоко прочувствовали позор Тильзита. Унизительный мир стал для них источником национального под'ема, роста национального чувства. Война 1812 года дала выход этому чувству. Будущий декабрист, 16-летний Никита

¹ Д у б р о в и н: «Отечественная война в письмах современников», стр. 98. Цит. по Рожкову. «Из русской истории». Очерки и статьи. Т. II, стр. 55. Петербург. 1923.

² Цит. по ст. Кабанова «Ополчение 1812 г.». Юбил. сб. Т. V, стр. 72.

³ Ленин. Т. XXII, стр. 377—378.

муравьев вступил добровольцем в армию. Среди добровольцев были Штейнгель, Батюшков; Лунин, вступая в армию, просил послать его парламентарем в ставку Наполеона, чтобы «всадить ему в бок кинжал», Глинка пишет песню «Защитим свою державу; лучше смерть, чем в рабстве жить!»

В этой среде пользовалось большой популярностью сопоставление России, сопротивляющейся Наполеону, с Нидерландами, боровшимися с Испанией за свою независимость.

Грибоедов в одном незаконченном наброске драмы высмеивал «всеобщее ополчение без дворян»; Пушкин с горечью и сарказмом писал об этой породе: «Все закричали о Пожарском и Минине и стали проповедывать народную войну, собираясь на долгих отъезд в саратовские деревни»¹.

Попытки патриотических кругов превратить войну в подлинно народную встретили весьма сдержанное отношение со стороны правительства Александра I. А. Н. Глинка записывает 19 июля 1812 года: «Только и говорят о поголовном наборе, о всеобщем восстании... Но война народная слишком нова для нас. Кажется, еще боятся развязать руки»².

¹ Пушкин «Рославлев». Собр. соч. под ред. Венгерова. Ч. 4-я, стр. 249.

² Глинка «Письма офицера», стр. 9. Юбил. сб. Т. IV, стр. 227.

Подлинным сигналом всенародного подъема был пожар Москвы — событие, оставившее глубокий след в народном сознании.

Знаменательно, что когда война сделалась народной, она приняла формы партизанской войны. Обычно говорят и пишут об отрядах Дениса Давыдова, Фигнера и т. п. офицерских отрядах, указывая, что им помогли добровольцы-крестьяне, доставлявшие донесения и выслеживавшие французов. Но был и другой поток партизанской войны — крестьянской, не сливавшийся с первым. Известны, например, отряд под руководством крестьянина Герасима Курина в Московской губернии, насчитывавший более 5800 пехих и конных бойцов и выдержавший настоящее сражение с французами у села Павлова; отряд Стулова; отряд крестьян села Каменка, Калужской губернии; отряды под командой рядовых солдат Четверикова и Еременко в Смоленской губернии. Такая война наносила жестокий удар «тяжеловесной системе войны большими массами в течение долгого времени», присущей царской России, ибо «неповоротливость дореволюционных армий является точным отражением феодального строя»³. Крестьянская война, в частности, в ее партизанских формах, бы-

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. VIII, стр. 457—458.

—ленные французы. 1812 г.

С карт. Приишнякова.

ла предвестником того, что историей ставится на очередь вопрос о «социальной и политической эмансипации буржуазии и мелкого крестьянства»¹.

Вот откуда так поражавшая современников стойкость русской армии на Бородинском поле, когда из 113 тысяч человек армия в течение одного дня потеряла 58 тысяч человек, но не отступила ни на шаг. Вот почему из 533 тысяч солдат, введенных Наполеоном в Россию, только 18 тысяч вернулись обратно, в то время как 250 тысяч погибли в боях, 50 тысяч дезертировали и 130 тысяч человек были взяты русскими в плен. «Вытеснен злодей из Москвы, — писал один современник, — не армией, но бородами московскими и калужскими»².

Так был разбит Наполеон.

Уже 9 сентября он, заняв Москву, обратился через отставного капитана Яковлева, едущего в Петербург к Александру I, с предложением мира. «Пора нам примириться... Мне нечего делать в России», — писал он.

* * *

Буржуазная революция 1789 года, освободив французский народ от цепей феодализма и абсолютизма, наложив на него новые цепи — цепи капитализма. Целью войны Наполеона с Россией было расчленив Россию и превратить ее во французскую вассальную данницу — колонию. Наполеон проводил «непревзойденную по своей жестокости политику завоевания и угнетения с ее колониальными грабежами и карательными экспедициями»³.

Он хотел получить и дешовый русский хлеб и, главное, денежную добычу; для этого ему вовсе не надо было

отменять крепостное право. «Сельское хозяйство колоний вынуждено в значительной своей части работать для экспорта, но этим крестьянское хозяйство отнюдь не освобождается от угнетающих его докапиталистических пут»⁴, — указывал VI конгресс Коминтерна. Достаточно вспомнить кровавую эпопею подавления Наполеоном негритянских восстаний в колониях, достаточно сказать, например, что Наполеон восстановил рабство в Сан-Доминго и Гваделупе в 1802 году.

Завоеванная Россия должна была бы пожертвовать интересами своего самостоятельного развития и сыграть роль вассала, придатка капиталистической Франции, помочь усилению ее экспансии по отношению ко всему миру. «Таков уж закон эксплуататоров — бить отсталых и слабых. Волчий закон капитализма»⁵.

Царизм и русские дворяне подвергали нашу родину насилию и жестокой эксплуатации, иностранные завоеватели несли ей на своих штыках чужеземное иго и двойной гнет. «Мы гордимся тем, что эти насилия вызвали отпор из нашей среды, из среды великоруссов, что эта среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свергать попа и помещика»⁶.

Мы гордимся тем, что руководимая великой большевистской партией социалистическая Октябрьская революция навсегда освободила Россию от угрозы превращения в колонию и превратила ее в свободную и могучую страну, в неприступную твердыню социализма.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. VIII, стр. 457—458.

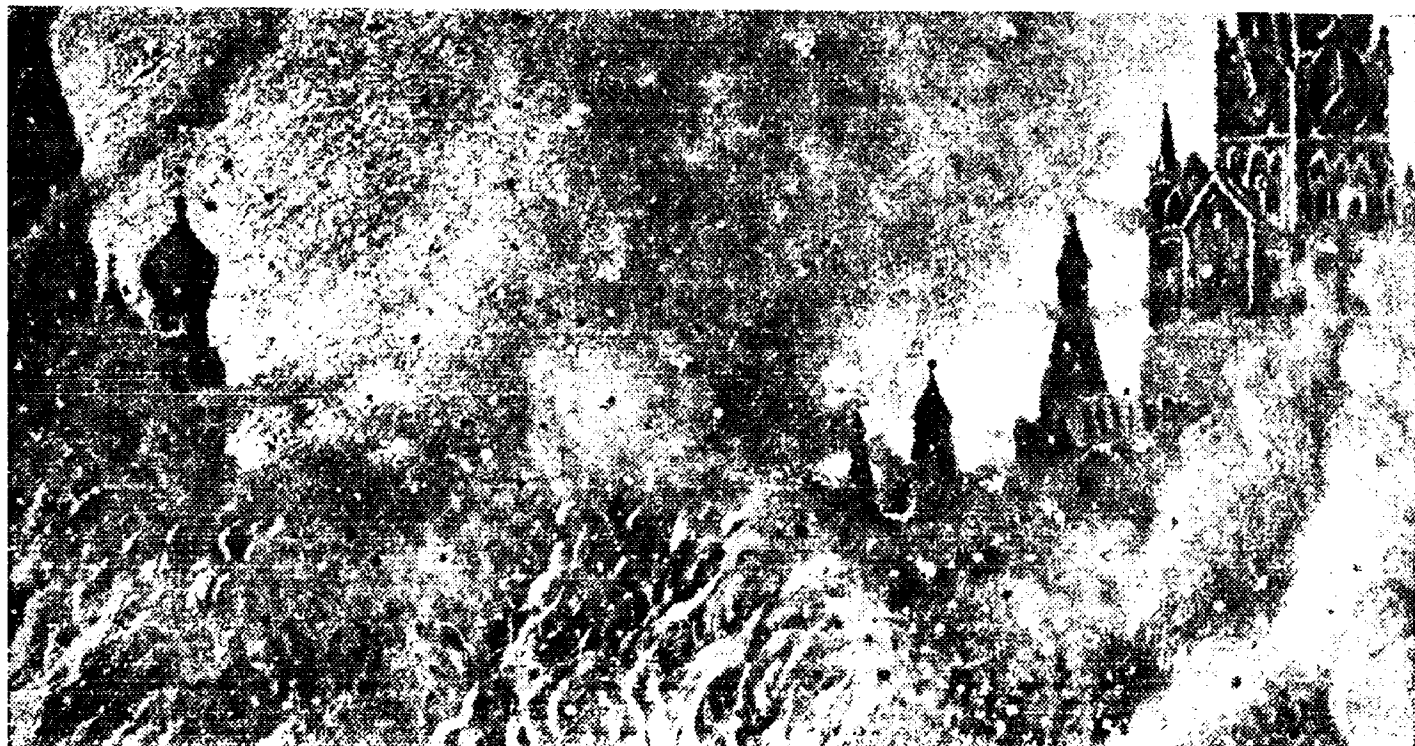
² Юбил. сб. Т. IV, стр. 228.

³ VI конгресс Коминтерна. Стенографический отчет. Вып. 4-й. Тезисы, резолюции, стр. 127. Гиз. М. и Л. 1929.

⁴ VI конгресс Коминтерна. Стенографический отчет. Выпуск 4-й, стр. 127

⁵ Сталин «О задачах хозяйственников». «Вопросы ленинизма», стр. 445. 10-е изд.

⁶ Ленин. Т. XVIII, стр. 81.

Е. Звягинцев

ОТЧЕГО ВЫГОРЕЛА МОСКВА В 1812 ГОДУ

1

В Москве сохранилось несколько памятников так называемой «отечественной войны 1812 года».

В Кремле, на видном месте, возле монументального арсенала, были установлены длинные ряды неприятельских пушек, отбитых или подобранных русскими. В память победы над Наполеоном были воздвигнуты Триумфальные ворота у Тверской заставы, а на том месте, где теперь проектируется Дворец советов, — самый обширный из московских православных храмов — храм Христа-спасителя. За Дорогомиловской заставой сохранялась реконструированная «кутузовская» изба, где происходило историческое заседание военного совета 1 сентября 1812 года, после которого Москва была без боя отдана французам.

Указанные памятники относились, в сущности, к истории борьбы всей России за государственную независимость, но в этой жестокой борьбе на долю Москвы выпала решающая роль. Наполеон вел свою превосходную армию чуть не в полмиллиона человек, направляясь именно к Москве, и

здесь, в Москве, померкла его слава великого полководца.

Снаряжая экспедицию в Россию, Наполеон был уверен в блестящем успехе, почти ни разу не покидавшем его в течение полутора десятка лет. Он шел в Россию под маской «освободителя», но крестьянство, вначале ждавшее, что война принесет ему избавление от крепостного права, очень скоро убедилось, что Наполеон несет лишь новое порабощение и чужеземное иго. Тогда крестьянство выступило против французских войск; оно встречало его рогатинами, вилами и топорами, сжигало свои запасы хлеба и корма для лошадей. Пожары следовали за отступавшей русской армией и зловеще приветствовали приближение врага. «От самого Смоленска я встречал один пепел»¹, — заявлял потом Наполеон с обычной для него манерой преувеличивать.

Добравшись после утомительных переходов до Москвы и заняв ее, Наполеон надеялся в ней найти покоренный народ, заслуженный отдых войску, большие запасы продовольствия

¹ П. Щукин «Бумаги, относящиеся до отечественной войны 1812 г.». Ч. 5-я, стр. 149. М. 1910.

и удобные квартиры. Но и Москва обманула его надежды: ему досталась пылающая Москва без москвичей. Искуснейший полководец своего времени почувствовал себя как в ловушке, отрезанным от далекой Франции и окруженным плотным кольцом враждебных сил. От неожиданности Наполеон не сразу даже понял свою роковую неудачу и, бездействуя, промедлил в пустой почти Москве свыше месяца.

2 сентября войско Наполеона вступило в русскую столицу; 7 октября оно в полурастерзанном виде покидало Москву. Вскоре отступление наполеоновской «великой армии» превратилось в настоящее бегство.

Винозники пожара Москвы назывались разные. Приверженцы Наполеона обвиняли русских в поджоге, считая этот поджог чудовищным поступком варваров-азиатов. Англичане и немцы же готовы были превозносить величие москвичей, принесших собственный город в жертву общему делу. Московский главнокомандующий граф Растворчин, которому приписывали организацию поджога, выросал в глазах иностранцев в героя: печатались и рас-

пространялись его портреты, его с почетом приветствовали в Берлине, в Ливерпуле даже назвали одну улицу его именем, шведский король прислал ему почетный орден, и т. д. С течением времени в глазах и русского общества пожар Москвы стал казаться не огромным бедствием, а замечательным подвигом самих горожан, предавших огню свое достояние ради спасения России. «Пожар Москвы—это героическое деяние, это величавое решение, вызванное самопожертвованием и патриотизмом самым пламенным»¹.

Рассмотрим, как в действительности произошел опустошительный пожар 1812 г., испепеливший почти всю Москву.

2

В продолжение нескольких веков своего существования Москва много раз переживала сильнейшее «пожарное разорение». В истории Москвы бывали такие пожары, что казалось, город на краю гибели, и возникало

¹ «Записки графа Ланжерона», журнал «Русский архив» за 1895 год, кн. III, стр. 150.

Бегство московских жителей перед нашествием Наполеона.

С карт. Сверцова.

даже сомнение, может ли он вновь возродиться. Но пожар 1812 года по своей силе и продолжительности (он длился почти 5 суток) едва ли не превзошел все предшествовавшие ему. Всего в Москве перед пожаром числилось 9151 дом, из них 6584 деревянных и 2567 каменных. Из этого числа, по официальным данным Раstopчина, погибло или сильно пострадало 7632 дома, т. е. 83%. Материальные потери частных лиц и казны были огромны.

Возник пожар в тот самый день, когда Наполеон подступал к Москве со стороны Дорогомилова. Пламя показалоcь одновременно в разных частях города. Одними из первых строений загорелись москательные ряды, Гостиный ряд на Красной площади и Каретный ряд (за Петровкой) с его многочисленными экипажами. Утром 3 сентября огромный Гостиный двор (между Варваркой и Ильинкой) пылал, как испоминская печь, из которой вырывались густые клубы дыма и языки пламени. На следующее утро загорелось Замоскворечье в нескольких пунктах, запылали на берегу Москвы-реки казенные хлебные амбары и склад артиллерийских снарядов. В этот страшный день (4 сентября) город уподобился огненному бушующему морю. Костер был столь велик, что зарево ясно различалось в Веневе, т. е. свыше чем за 100 километров.

Из многих ярких описаний пожара приведем воспоминания одного француза, жившего несколько лет в Москве и хорошо знакомого с городом: «...в среду (4 сентября), утром, к девяти часам, поднялся со страшной силой северный ураган; вот когда начался большой пожар. Из моих окон видно было, как сперва огонь вспыхнул на той стороне реки, позади комиссариата (в Садовниках), и потом начал распространяться по направлению ветра; в один час огонь разнесся в десять различных мест, так что все огромное застроенное пространство Замоскворечья превратилось в море пламени, волны которого бушевали в воздухе, разнося повсюду опустошение и ужас. Одновременно пожар снова вспыхнул в Китай-городе еще с большей силой чем в первые дни. Осо-

бенно, где были лавки, огонь нашел себе обильную пищу в товарах, которые там хранились. Это обстоятельство, а также сильная буря, теснота места и множество горящих пунктов города делали всякое противодействие огню невозможным, так что несчастные хозяева спешили только захватить с собою самые ценные вещи и бежать. Начался грабеж, и все, что уцелело от пламени, попадало в руки солдат. Пока пожар превращал в пепел Китай-город, остальные части Москвы также пылали: Пречистенка, Арбат, затем по направлению вала (Садовой) через Красные ворота и Воронцово поле до самой Яузы, по ту сторону Яузы — все было в пламени. Вся полоса воздуха над городом превратилась в огненную массу, которая изрыгала горящие головешки, а вследствие расширения воздуха от теплоты буря еще больше усиливалась; никогда небо в своем гневe не являло людям зрелища ужаснее этого»¹.

Сам Наполеон, расположившийся было в царском Кремлевском дворце, опасаясь все распространявшегося пожара, вынужден был покинуть Кремль; пробираясь переулками, берегом Москвы-реки, с риском для жизни он вышел за город и остановился в Петровском дворце (ныне Академия Воздушного флота, за Тверской заставой). Там он стал выжидать, когда стихнет огненная стихия. 8 сентября, после сильного ливня, погасившего пожар, он вернулся в Кремль.

После пожара Москва представляла ужасное зрелище: повсюду опромные пространства обгорелых пустырей, между которыми едва можно было различить направление прежних улиц. Кое-где виднелись уцелевшие здания. На каждом шагу попадались груды дымившихся развалин, уныло торчали печные трубы, остатки стен и столбов. По улицам трудно было пробираться из-за разбросанных обломков дерева, железа и пр.; тут же валялась всевозможная мебель и домашняя утварь, выброшенная из домов или оставленная грабителями, которые захватывали все, что попадалось под

¹ «Отечественная война 1812 г. и русское общество» Т. IV, стр. 142. Статья И. М. Катаева. М. 1912.

Наполеон направляется из Кремля в Петровский дворец. 1812 г.

С гравюры Фермав.

руки, а затем бросали, заведя более ценную добычу.

При своем отступлении из Москвы Наполеон отдал распоряжение — подвести под кремлевские здания, стены и башни мины и взорвать Кремль. 11 октября, по уходе последних военных частей, последовали пороховые взрывы. Замысел Наполеона полностью не осуществился. По каким-то причинам взрывы причинили лишь частичные повреждения, а не общее разрушение. Сильно пострадали две башни: круглая югозападная, обращенная к Каменному мосту, и Никольская; повреждены были также часть дворца, арсенал, грановитая палата, Боровицкие ворота, пристройки Ивана Великого; кое-где разрушена была самая кремлевская стена. Предполагают, что и на этот раз выручил сильный дождь.

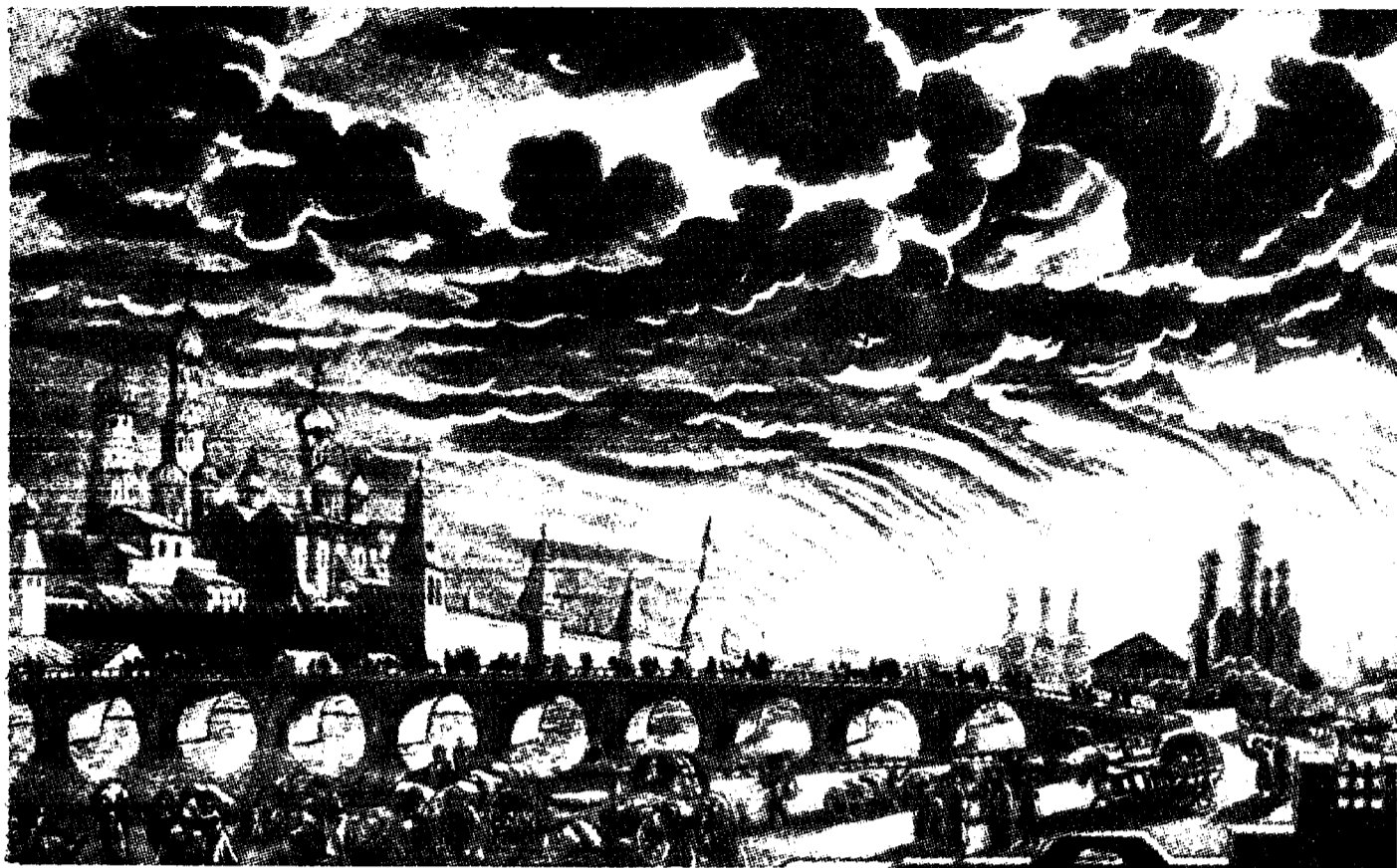
3

Московский пожар начался одновременно с оккупацией Москвы неприятелем; покушение взорвать Кремль было приурочено к выходу его из Москвы. На этом основании покоилось твердое убеждение самих москвичей-дворян, что врат, дерзнув-

ший разрушить Кремль, поджег и всю Москву.

Сами дворяне отнюдь не обрекали своих домов и своего добра на сожжение. Перед приходом Наполеона они выехали в свои дальние поместья на восток и на юг от Москвы или искали убежища у своих родственников в провинциальных городах, где им не угрожала непосредственная опасность (Нижний, Пенза, Тамбов, Симбирск, Казань и др.). Они не вывозили вещей из своих московских домов в надежде скоро вернуться и для их охраны нередко оставляли кого-либо из своих дворовых людей. Когда, отсиживаясь по деревням и городам, они узнавали о пожаре Москвы, то, естественно, объясняли его поджогом французов, досадуя и негодуя на новое злодейство изверга — Бонапарта. Дворяне никак тогда не предполагали, будто это они сами приносили свое имущество в жертву на алтарь отечества, как это им впоследствии стали приписывать.

Мы говорим здесь о дворянах прежде всего, ибо надо помнить, что в то время Москва была по преимуществу столицей всероссийского дворянства. Ему принадлежала значительная часть

Пожар московского Кремля. 1812 г.

С иностранной гравюры.

московских домов; оно вместе со своей многочисленной крепостной прислугой составляло немаловажную долю московских жителей.

В глазах московского духовенства, покинувшего Москву, несомненными виновниками пожара были французы, немцы, поляки и другие иноверцы, входившие в армию Наполеона.

Купцы—домовладельцы, собственники лавок и товарных складов—также относили ужасы пожара к действиям беспощадного врага, захватившего Москву. Того же мнения придерживались и разные чиновники, пострадавшие от пожара.

Все эти категории домовладельцев и собственников движимого имущества, все эти цензовые москвичи не сомневались, что преступными поджигателями являлись французы. То же самое утверждало и высшее правительство. В ноябре император Александр издал указ о сооружении в Москве высокого, увенчанного лаврами столпа из пушек Наполеона. В этом указе Александр I отмечал, что Наполеон позволил себе «неприличные и срамные для война зажигания», «постыдные и хищные дела презренных зажигателей». Так «высочайше» клеймили виновников пожара. В 1812

году поджог считался неприятельским делом, срамным и постыдным. И только потом русским патриотам стало казаться лестным, по словам Л. Н. Толстого, «влагать героический факел в руки своего народа»¹.

Когда, вскоре после ухода Наполеона, правительство образовало комитет по раздаче казенных денежных ссуд погоревшим и когда в этот комитет посыпались прошения от пострадавших москвичей, то последние совершенно не указывали на свою прикосновенность к общему поджогу города или к сожжению своего дома. Наоборот, в их прошениях мы встречаем много определенных заявлений, что их дома, к несчастью, сожжены неприятелем. Один, например, жалуется, что его дом «всеобщего злодея рука злобы настигла и предала огню»; другой просит о возмещении убытков, понесенных «от варварской руки лютого врага»; третий обосновывает свою просьбу тем, что его дом уничтожен «от учиненного нашедшими на здешнюю столицу неприятельскими войсками пожара»². Подобных реши-

¹ «Война и мир». Т. III. Ч. 3-я. Гл. 26-я.

² П. Шуклин «Бумаги, относящиеся до отечественной войны 1812 г.». Ч. 2-я, стр. 134 и 150. М. 1908.

тельных утверждений немало. Здесь нет и намека на сознательный поджог из патриотических соображений самими владельцами или, по их поручению, оставленными в домах дворовыми людьми. Скрывать патриотические жертвы не было оснований. Если бы случаи такого самопожертвования были, то они отразились бы в мотивировке претензий самих погоревших, тогда как последние всю вину вваливали на французов.

Можно допустить, что кое-кто из оставшихся в Москве русских людей так или иначе оказался причастен к пожарам, хотя бы в том смысле, что не тушил начавшегося пожара. При этом мы не говорим о брошенных в Москве людях больных, раненых и дряхлых: этих несчастных, конечно, надо скинуть со счетов как неспособных ни поджигать, ни тушить пожара. Допустим, однако, что в устройстве поджогов или в попустительстве пожарам принимали участие бездомные люди, например арестанты, выпущенные из мест заключения накануне сдачи города, или те дворовые люди, которых не захватили с собой из Москвы их господа.

Если считать даже это предположение справедливым, то пострадавшие домовладельцы отнюдь не склонны были объединяться и сливаться с этими поджигателями. Скорее они готовы были их признать изменниками, помогавшими французам.

4

Но если русские в 1812 году уверенно говорили: «французы спалили нашу Москву»,—то французы, в свою очередь, обвиняли в том же москвичей. Французы искали русских поджигателей, хзатали их, судили военным судом и расстреливали. В «Войне и мире» Толстого есть художественное описание жуткой расправы с поджигателями, в число которых попал было и герой толстовской эпопеи Пьер Безухов, никогда не помышлявший о поджоге.

Ни самому Наполеону, ни его генералам и солдатам не имело никакого смысла производить поджоги в Москве после ее захвата: они рассчитывали

отдохнуть в Москве; им незачем было опустошать город, к которому они стремились и который несмотря на бегство его жителей и отчасти вследствие этого представлял собою завидную добычу. Для французского командования было совершенно ясно, что поджоги Москвы исходят не от французских солдат. Не будучи в силах справиться с разгулявшимися пожарами, командование направило свои усилия на поимку отдельных поджигателей, чтобы выяснить обстоятельства поджогов и доказать свою непричастность к ним.

Как всякий военный суд в исключительной обстановке, французский суд над москвичами не мог избежать самых грубых, роковых для обвиняемых ошибок. Однако суд этот собрал некоторый фактический материал, изобличавший действительную причастность кое-кого из русских к поджогам. Если сюда прибавить позднейшие единогласные свидетельства французов—очевидцев пожара, то придется признать, что чья-то рука, направленная против французов, помогала устройству московских пожаров и предупреждала борьбу с ними. Но эта сила, действовавшая против французов, вместе с тем отнюдь не была в согласии с московским населением, терявшим в огне свое благосостояние, а, наоборот, действовала тайком от него и без его ведома.

Под этой силой мы разумеем графа Ф. В. Растопчина, главнокомандующего Москвы. Страстно ненавидевший исчадие французской резолюции — Наполеона, жаждавший стать спасителем «отечества», неумный и взбалмошный, этот богатый барин-крепостник вдохновился идеей, казавшейся ему дерзновенно-смелой: сжечь всю Москву, но никоим образом не уступать ее врагу. Еще 12 августа он писал в частном письме генералу Багратиону: «Народ московский умрет у стен московских, а если бог не поможет,—обратит город в пепел»¹. Своего плана сожжения Москвы он не оставлял вплоть до того момента, когда Наполеон подступил

¹ «Письма Ф. В. Растопчина». Журнал «Русский архив» за 1892 год, кн. VIII.

Расстрел поджигателей. 1812 г.

С карт. Верещагина.

уже к Дорогомилову. Правда, несмотря на всю кажущуюся предусмотрительность этот момент застал московского властелина врасплох, но кое-что он успел сделать для того, чтобы способствовать сожжению Москвы. Так, Растропчин распорядился вывезти из города все пожарные заливные трубы с обозной прислугой и упряжкой, с тем чтобы лишить французов возможности тушить пожары. По его приказанию, накануне вступления неприятеля в Москву были выпущены, но не вывезены из Москвы уголовные арестанты из разных мест заключения, разбиты бочки со спиртом и водкой, сожжены комиссариатские барки с хлебом и фуражом на Москве-реке, у Симонова монастыря и Красного холма. По его, видимо, распоряжению, несмотря на уход полиции из столицы несколько полицейских служителей все-таки в ней осталось и, по свидетельству судебной комиссии неприятеля, принимало деятельное участие в поджогах. Эти и другие распоряжения Растропчина указывают, что его можно считать серь-

езно замешанным во всеобщем московском пожаре, хотя сам он впоследствии горячо отрицал свое участие в нем.

Лет через 10 после войны он издал брошюру под названием «Правда о пожаре Москвы», в которой он решительно открещивается от «позора сего дела в глазах русских и Европы» и переносит ответственность за разрушение Москвы на Наполеона.

Перед нами странный факт: тщеславный человек с негодованием выбрасывает из своих рук «героический факел» и ищет виновников пожара в неприятельской среде. Если бы патриотическая легенда о величавой решимости москвичей сжечь свой город была действительностью, то к чему бы Растропчину отказываться от чести быть организатором в таком героическом поступке?

5

Для возникновения пожаров в Москве, покинутой жителями, не было нужды в подстрекательстве Растропчина. И без того город, лишенный по-

стоянных обитателей, лишенный всех органов власти, мог бы загореться.

Оставайся москвичи на месте, всякие попытки поджога не могли бы иметь серьезных последствий: могли бы погибнуть отдельные дома, отдельные группы домов, даже, быть может, некоторые кварталы города, но не четыре пятых его. Вступление дисциплинированных частей наполеоновского войска в обитаемый город также не угрожало какой-либо катастрофой. Беда в том, что войска вступили в почти пустую Москву. Очутившись в богатом покинутом городе, наполеоновские солдаты и офицеры перестали быть военными, но не сделались и горожанами. По словам Толстого, «как только люди полков стали расходиться по пустым и богатым домам, так навсегда уничтожилось войско, а образовались не жители и не солдаты, а что-то среднее, называемое мародерами. Когда через пять недель те же самые люди вышли из Москвы, они уже не составляли больше войска. Это была толпа мародеров, из которых каждый вез или нес с собой кучу вещей, которые казались ему ценны и нужны»¹.

Это быстрое перерождение вымуштрованного неприятельского солдата в мародера и было одной из причин, вызвавших московские пожары. Будучи по преимуществу деревянным городом, Москва неизбежно должна была сгореть даже без поджога, как должна загореться куча стружек, на которую в продолжение нескольких дней будут сыпаться искры огня. Неприятелю при вступлении в Москву не было никаких оснований ее поджигать, но его неряшливость в обращении с огнем повела к возникновению пожаров, а тушить было некому и нечем.

Оставшиеся в городе москвичи находились в чрезвычайно жалком состоянии. Главнокомандующий русскими войсками Кутузов 4 сентября доносил царю, будто Москва полностью

эвакуирована и «ни один почти житель в ней не остался»². Это, конечно, было неправдой. На самом деле оставшихся по разным причинам в городе было несколько тысяч, возможно до 15—20 тысяч. Здесь были больные, раненые и ухаживающий за ними персонал; старые и одинокие люди, не сумевшие выбраться из Москвы; господская «дворяня», брошенная на произвол неприятеля. На московских улицах появились выпущенные из тюрем «колодники», без пристанища и без средств пропитания; по улицам бродили или скрывались по своим углам мелкие торговцы и ремесленники, не успевшие почему-либо уехать из Москвы в дни всеобщего бегства, и те из них, кому некуда было направиться в провинцию. Все эти и подобные группы людей, ничем между собой не объединенные, были разбросаны по огромной территории и пребывали в атмосфере страха перед неприятелем, в атмосфере взаимного недоверия, в полном неведении относительно своего ближайшего будущего, в неизвестности о судьбе близких и пр. В условиях полного беспорядка Москве, по выражению одного современника войны 1812 года, труднее было уцелеть, нежели сгореть³.

И она сгорела в первые же дни оккупации.

Мы видим, таким образом, что грандиозный пожар Москвы никак нельзя приписать преднамеренному самопожертвованию ее жителей. Пожар этот имел первостепенное значение в оборонительной борьбе России с завоевателями, но он был обусловлен объективными обстоятельствами. Сами москвичи, пережившие этот момент, считали себя жертвами беспримерной катастрофы, а не героями патриотического подвига.

² П. Щукин «Бумаги, относящиеся до отечественной войны 1812 г.». Ч. 1-я стр. 95. М. 1907.

³ «Записки Д. Н. Свербеева». Т. I, стр. 446.

ОБРАЗОВАНИЕ

И Р А С П А Д

„ИМПЕРИИ РЮРИКОВИЧЕЙ“

I

Буржуазные историки относили начало истории нашей страны к моменту образования Киевского государства, и лишь некоторые из них связывали начало истории России с VI веком — датой «появления» и «расселения» славян в Восточной Европе, считая при этом, что предками русского народа были только славяне. В учебниках по истории упоминалось о скифах и финских племенах, но как о народах совершенно чуждых, не имеющих никакого отношения к славянам. Конечно, отождествлять славян со скифами было бы ошибкой, но и нельзя рассматривать славян совершенно изолированно от скифов, живших в Восточной Европе в первом тысячелетии до нашей эры.

От греческого историка Геродота нам известно, что еще в VI веке до нашей эры юг нашей страны — от Дона до Дуная и от Черного моря до порогов Днепра — был заселен скифскими племенами.

Геродот, побывавший в греческих колониях, которые имели торговую связь со скифами (Феодосия и Пантикапея, нынешняя Керчь, в Крыму, Херсонес на северном берегу Черного моря, Одес, где теперь Одесса, Ольвия в устье Буга, Фанагория на кавказском берегу Керченского пролива), имел возможность лично наблюдать скифов. На основании этих наблюдений и собранных сведений Геродот в своей «Истории» дал описание их жизни и быта. Скифия, по Геродоту, распадалась на ряд племен: царские скифы, скифы-

кочевники, скифы-земледельцы, скифы-пахари. Скифы-земледельцы — народы оседлые, земледельческие: «Хлеб сеют и употребляют в пищу, равно как чеснок, лук, чечевицу и просо»; скифы-пахари сеют хлеб не только для собственного употребления, а и на продажу; скифы-кочевники занимаются скотоводством. Особо выделил Геродот царских скифов, которые, «являясь храбрейшими и многочиснейшими из всех скифов, считали остальных своими рабами».

По данным Геродота и археологии, скифы в VI—V веках до нашей эры находились в стадии разложения родового строя.

Процесс этот сопровождался образованием новых племен и перегруппировкой их. В I столетии до нашей эры выдвигается на первое место племя сарматов, ранее обитавших, по сведениям Геродота, за Доном. Сарматы были хозяевами в южных степях до появления готов (VI век нашей эры). Готов сменили гунны — кочевые орды, шедшие из Азии в Западную Европу, господствовавшие в южных степях около столетия. После смерти вождя гуннов Аттилы (453 год) происходит распад гуннов и выдвигаются булгары, считающиеся одним из племен гуннской орды.

В VII веке нашей эры на Средней Волге произошло образование Булгарского государства (с центром Булгары, расположенным недалеко от слияния Волги и Камы), объединившего ряд племен: мордву, чувашей, удмуртов.

Почти одновременно выдвигаются хазары, образовавшие каганат (княжество) с центром Итиль (устье Волги), просуществовавшим более 200 лет. По своему социально-экономическому строю хазарский каганат являлся феодальным государством. Через центры Хазарского и Булгарского государств велась оживленная, по тому времени, торговля с Востоком (персами, арабами) и Византией. Однако основная масса населения занималась, по свидетельству арабских путешественников, земледелием и скотоводством.

В непосредственной связи с историей Хазарского и Булгарского государств надо рассматривать древней-

Оценки из скифского быта.

Живопись с кувлюбской вазы.

ший период истории населения лесостепной полосы Восточной Европы финскими и славянскими племенами.

Писанная история славян начинается с VI века нашей эры, когда впервые о славянах упоминают готский историк Иорнанд и греческие писатели Прокопий и Маврикий Стратег. Летописец «Повести временных лет» (XII век), касаясь истории славян, указывает, что некогда славяне жили между Карпатами и Днепром, а затем «разидеся». Буржуазные историки, на основании указанных письменных данных, развили «теорию» о переселении и расселении славян в Восточной Европе в VI веке. Однако данными археологии и лингвистики эта «теория» опровергнута.

Советские археологи (Равдоникас и другие), на основании вещественных памятников, обнаруженных при раскопках так называемых городищ Дьякова типа (такие городища находятся в бассейне Оки, Средней Волги и Верхней Волги, на севере, вплоть до северных окраин Ленинградской области, и на западе, до Белоруссии включительно; они получили название по имени городища у села Дьякова под Москвой), пришли к выводу, что в лесостепной полосе Восточноевропейской равнины существовали поселения примерно с середины первого тысячелетия до нашей эры вплоть до VIII—IX века нашей эры.

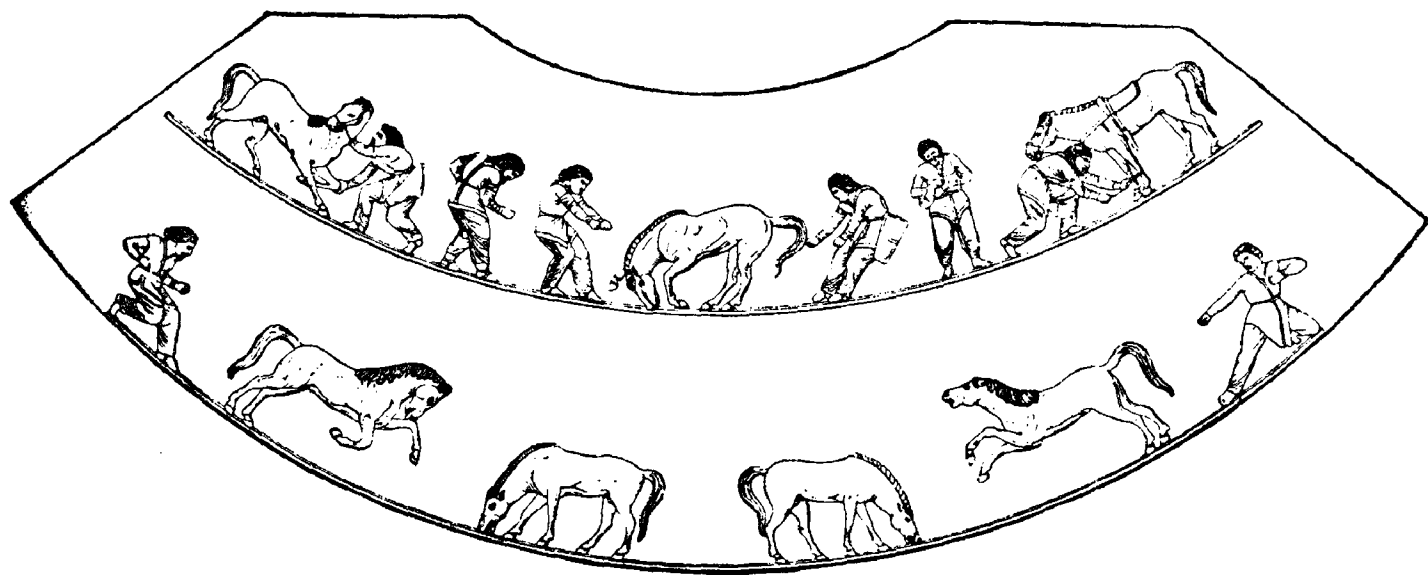
Жители этих поселений — славяне и финны — находились в стадии родового строя (патриархат) и занимались скотоводством, мотыжно-подсеч-

ным земледелием, охотой. Данные археологии о занятиях населения лесостепной полосы Восточной Европы подтверждают письменные данные VI—X веков нашей эры.

От грека Маврикия Стратега нам известно, что славяне занимались земледелием, сеяли просо и пшеницу, а по сообщению Ибн-Якуба, еврейского путешественника X века, «славяне — народ хозяйственный и занимаются земледелием усерднее чем какой-либо другой народ»¹. При раскопках мест поселения славянских племен были найдены земледельческие орудия, а также зерна проса, пшеницы, ячменя, гороха. О занятии скотоводством, охотой и рыболовством говорят обнаруженные при раскопках остатки скелетов домашних животных: лошади, свиньи, коровы, овцы, собаки, — а также диких животных: лося, оленя, бобра, лисицы, медведя, — и, наконец, костные остовы рыб.

Относительно общественного устройства славян до VIII века нам известно от греков, что они распадались на множество маленьких племен. Маврикий Стратег в VI веке писал о наличии у славян патриархального рабства: «Пленники у них остаются не в вечном рабстве, как у других народов, но назначается им определенное время, по прошествии которого предоставляется их произволу или остаться у них в качестве сво-

¹ Греков «Очерки по истории феодализма в России». «Известия ГАИМК», стр. 35. Вып. 72-й.

Сцены из скифского быта.

Живопись с четнамлытской вазы.

бодных или возвратиться к своим, заплатив выкуп»¹.

Наличие патриархального рабства указывает, что родовой строй у славян клонился к упадку, к разложению. Однако разделение на классы еще не произошло. Могильные курганы этого периода, однородные по своему инвентарю, говорят о наличии еще бесклассового общества у славян и финнов. Начальная летопись также помнит время, когда славяне «живяху своим родом на своих местах, владеющих каждо родом своим». Но даже начальная летопись указывает, что еще до завоевания варягами славянских и финских племен уже каждое славянское племя имело свое княжение: «Кий княже в роде своем» (то есть у полян), а «по смерти Кия с братьями начал их род княжить у полян, а у древлян были свои, у дреговичей свои, свои у новгородских и у полоцких славян». Эти князья вряд ли являлись просто старейшинами родов, вернее, в княжеском роде мы должны видеть уже выделяющуюся у племени господствующую верхушку.

Процесс разложения родового строя на рубеже VIII—IX века подтверждают и данные археологии. К IX веку относится появление многочисленных памятников, резко отличающихся от предыдущих, хотя и безусловно связанных с ними. Могильные памятники этого периода уже говорят о наличии имущественного неравенства. Конечно, нельзя представлять дело та-

ким образом, что процесс перехода от бесклассового общества к классовому у славянских и финских племен протекал одновременно и однообразно. Летописец, хотя и не без преувеличения, но и не без основания, указывал на то, что «поляне свой обычай имели» в отличие от обычая древлян, радимичей, вятичей. Тот же летописец, описывая полян как данников хазар в VIII—IX веках, доказывает, что когда поляне «вдаша от дыма меч, старци Козарские рекоща князю своему не добра дань княже, мы ся доискахом оружием единою стороною рекоща саблями, а сих оружия обойду остров»².

Этот факт тоже говорит о том, что поляне находились на уровне развития, по крайней мере, не ниже Хазарского феодального государства. Так что к моменту завоевания полян варягами (X век) у полян уже формировалось классовое общество. Процесс классовообразования неизбежно должен был повести к складыванию государственных образований. Последнее и было ускорено нашествием варягов в IX веке и завоеванием ими обширной территории севера, запада и юга Восточной Европы.

2

Появление варягов на берегах Балтийского моря монахом-летописцем XII века Сильвестром Выдубицким было представлено как призвание варя-

¹ Греков «Феодальные отношения в Киевском государстве», стр. 75.

² Полное собрание русских летописей. «Лаврентьевская летопись». Вып. 1-й. «Повесть временных лет», стр. 13. Л. 1926.

гов «владеть и княжить» над славянскими и Финскими племенами.

Легенда о «призвании варягов» была использована помещичье-буржуазной историографией для обоснования и доказательства внеклассового самодержавия, будто бы установленного «с общего согласия» всего народа с начала русской истории. Карамзин из этой легенды сделал вывод, что «начало русской истории представляет нам удивительный и едва ли не беспримерный случай: славяне добровольно уничтожают свое древнее народное правление, и в России с общего согласия вводится самовластие, от которого другие народы отбивались»¹.

Отдельные буржуазные историки не могли не заметить явных несообразностей в рассказе летописи об этом событии. Так, академик Шахматов приходил к выводу, что «рукою летописца управляли политические страсти и мирские интересы», но теория призвания варягов попрежнему проповедывалась во всей буржуазной исторической литературе.

Сильвестр Выдубицкий использовал эту версию в определенных политических целях — в целях укрепления власти Владимира Мономаха, севшего в 1113 году на Киевский стол по при-

глашению киевской знати для «умиротворения» восставших масс.

Отбрасывая легенду о «призвании варягов», мы должны, однако, объяснить факт появления варягов и образование норманской (варяги — древнерусское название норманнов) державы в Восточной Европе. Попытка историков, например Пархоменко, отрицать появление варягов хотя и интересна, но мало убедительна и полна противоречий².

Известно, что в VI—XI веках норманские дружины рыскали по Западной Европе в поисках добычи. Нет оснований отрицать проникновение норманских дружин и в Восточную Европу.

«Начиная с VI века, — писал Кавелин в рецензии на том I «Истории России с древнейших времен» Соловьева, — особенно в IX, X и XI веках, норманские дружины под предводительством храбрых морских королей объездили почти всю Европу, проникая далеко внутрь стран через устья рек. В IX веке они открывают Фарерские острова, Исландию, Гебридские острова и первые между европейцами — Америку, так далеко простирались их странствия. Славянские земли Оботритов (Мекленбург и Померания), Нидер-

¹ Карамзин «История государства Российского». Т. I, гл. VI.

² Пархоменко «У истоков русской государственности». Изд. 1824 года.

Аттила — царь гуннов.

Из готской рукописи.

ланды, Бельгия, Франция, Англия, Испания, Южная Италия, Эпирос, острова Цикладские, Крит и даже Кипр испытали их набеги и опустошения. Предпринимая такие отдаленные экспедиции, норманны не могли оставить в покое ближайшие к ним берега Балтийского моря»¹.

Вполне возможно, что норманские дружины знали Восточную Европу ранее IX века, но только в IX веке, вытесняемые с Запада, они устремляют свой взор на Восток. В IX веке норманские дружины столкнулись в Западной Европе с империей Карла Великого, с германскими варварами, наводнившими Европу и заградившими путь норманнам на юг.

Отсюда их стремление на Восток, к Царьграду — богатому центру, где можно было поживиться ценной добычей. Но путь к Царьграду лежал через Восточную Европу, населенную финскими и славянскими племенами. Овладеть этим путем оказалось не так легко. Норманнам пришлось столкнуться не только с финскими и славянскими племенами, но и с хазарами, образовавшими к этому времени феодальное государство.

Процесс образования империи Рюриковичей начался с покорения норманнами финских и славянских племен, расположенных около Финского залива.

По мнению Маркса, политика Рюриковичей «представляла собой ни более, ни менее, как политику германских варваров, наводнивших Европу. История современных народов началась лишь после того, как этот поток схлынул. Готический период России, в частности, представляет лишь одну главу в истории норманских завоеваний.

Как империя Карла Великого предшествует образованию современной Франции, Германии и Италии, так империя Рюриковичей предшествует образованию Польши, Литвы, Балтийских поселений, Турции и самого Московского государства»².

¹ Ка в е л и н. Собр. соч. Т. III, стр. 354.

² «Секретная дипломатическая история XVIII в.» («Secret diplomatic history»). В данной статье все цитаты Маркса, специально не оговоренные, приведены из указанной работы.

Железные вещи из Дьякова городища, найденные при раскопках.

Надо считать правдоподобной запись в летописи «Повесть временных лет» о даннических отношениях финских и славянских племен к варягам и хазарам. «Имаху дань варяги из заморья на чуди и на словенах, на мери и на всех, и на кривичах; а хозары имаху на полянах, и на северянах и на вятичах»³. Но «имать дань» и варяги и хазары стали после завоевания упомянутых финских и славянских племен. О том, что процесс подчинения этих племен не проходил мирно, опять-таки рассказывает летопись: «Того же лета (863 года) оскорбившиеся новгородцы глаголюще, яко быти нам рабом и много зла всячески пострадати от Рюрика и от рода его. Того же лета убил Рюрик Вадима Храброго и иных мнози новгородцев, советников его». И если имело место «добровольное соглашение» отдельных племен платить дань варягам, то это объясняется их крайне невыгодным положением: находясь под угрозой нашествия варягов с севера и хазар с юга, им ничего не оставалось, как выбирать из двух поработителей одного и притом того, который бы мог их защищать от набега других. Такой силой являлись тогда варяжские дружины.

Подчинив и обложив данью финские и славянские племена на севере, варяги прокладывают путь дальше по Днепру. Уже при Рюрике варяжские конунги Аскольд и Дир оказываются в Киеве. Соловьев считал, что Аскольд и Дир ушли от Рюрика в Киев, считая себя обделенными при раздаче волостей. Вернее, недовольство Рюриком было вызвано тем, что он задержался

³ Полное собрание русских летописей. «Лаврентьевская летопись». Вып. 1-й «Повесть временных лет», стр. 19.

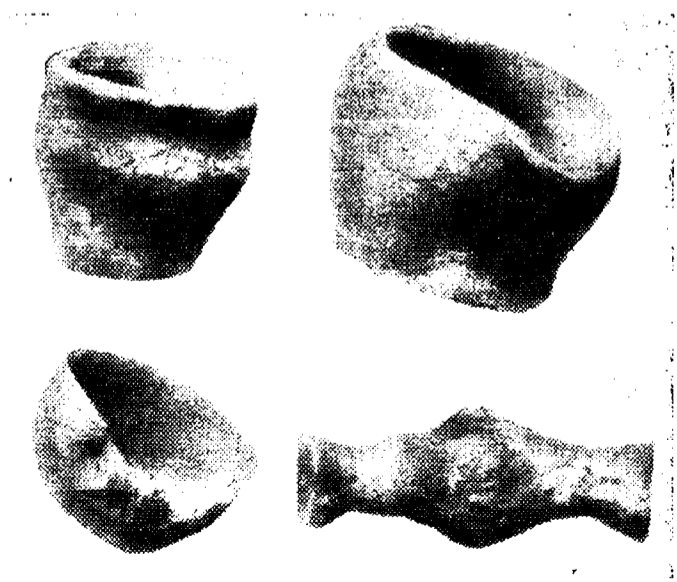
в Новгороде, в то время как часть и дружины, возглавляемая Аскольдом и Диром, стремилась вперед, подгоняемая жаждой славы и добычи. Дружинники во главе с Аскольдом и Диром не только захватывают Киев, но и устраивают набег на Царьград. Однако, потерпев поражение и во «своих возвратишась», они пали как непокорные от рук дружины князя Олега.

При Олеге княжеский стол переносится из Новгорода в Киев. Он так же как и Рюрик, прежде чем двинуться на Царьград, покоряет и облагает данью славянские племена по Днепру. В 883 году «начал Олег воевати деревлян и примучив имаша на них дань по черной куне»; в 884 году Олег с дружиной идет на северян, плативших дань хазарам, и, победив, облагает их данью «легьку», а в 885 году послал к радимичам, «потребовав от них платить дань не хазарам, а ему»¹.

Покоряя и облагая данью славянские племена по Днепру, Олег, однако, стремился к Царьграду, и **Х** династия Рюриковичей перенесла свою столицу из Новгорода в Киев только для того, чтобы быть ближе к Византии»². **Х** Но Олег не сразу идет на Царьград, а только готовится к походу. Нам неизвестно, предпринимал ли он поход до 907 года. Лето-

¹ Полное собрание русских летописей. «Лаврентьевская летопись». Вып. 1-й. «Повесть временных лет», стр. 24.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. IX, стр. 439.

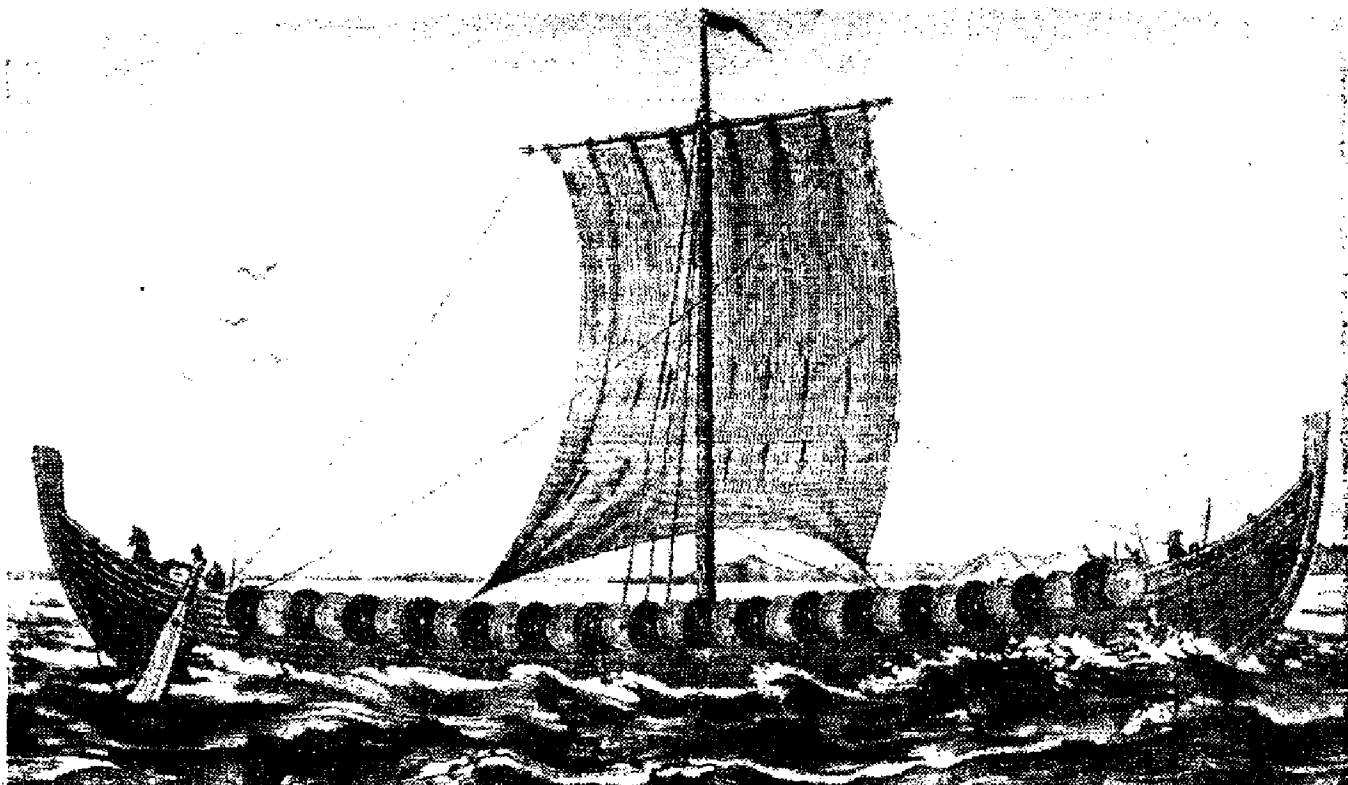
Домашняя утварь из Дьякова городища, найденная при раскопках.

пись об этом ничего не говорит, и только под 907 годом значится о походе Олега на Царьград с большим войском из варягов, славян и финнов на 2000 кораблях. Об этом походе мы можем судить по договорам 907 и 912 годов мужей Олега с греками. При сравнении договоров 907 и 912 годов с договором Игоря от 945 года видно, что поход 907 года был удачен, хотя Царьград Олегу все же захватить не удалось. Договор 912 года указывает на наличие торговых сношений Киева с Царьградом, особенно усилившихся после заключения соглашения, предоставившего русским купцам беспошлинную торговлю в Царьграде и ряд других преимуществ.

Деятельность последующих князей: Игоря, Ольги и Святослава — определялась двумя моментами: во-первых, торговыми сношениями варягов с греками и, во-вторых, все тем же стремлением захватить Царьград. Торговые сношения усиливали нажим дружинников на сбор дани с покоренных племен (мехами, медом, воском) и полюдие «челяди» для поставки на восточный рынок. Выколачивание дани не проходило без борьбы. Не случайно вошло в летопись сравнение древлянами Игоря и его дружинников с волками, грызущими овец, а расправа древлян с Игорем и его дружиной является иллюстрацией борьбы покоренных племен против гнета поработителей.

При Святославе покоряется последнее славянское племя — вятичи — расположенное в верхозьях Оки. В погоне за добычей Игорь и Святослав ходили с дружинами на волжских болгар и на Кавказ. Святослав не только захватил камских болгар и взял дань, но спустился вниз, к Волге, ограбил Итиль — центр Хазарского государства — и произвел нападение на ясов и кософов, живших в Прикавказье.

Царьград продолжает неудержимо привлекать к себе и Игоря и Святослава. При Игоре было организовано два похода (911 и 944 годы), и оба были неудачны. В первый поход греки наголову разгромили дружину Игоря, во второй — Игорь ходил с вновь нанятыми варягами и печенегами, и хотя летописец изобразил этот поход как победоносный, однако, договор, за-

Корабль норманнов. XI век.

Реставрация.

ключенный с греками в 945 году, опровергает версию летописца. По этому договору, Русь лишалась тех преимуществ, которые имели русские купцы по договору 912 года. «Договор Игоря, — писал Соловьев, — не так выгоден для Руси, как был прежде договор Олегов: ясно виден перевес на стороне греков, в нем больше стеснений, ограничений для русских»¹.

Игорь и дружина, потерпев поражение, потеряли надежду захватить Царьград. Но, будучи жадными на предметы роскоши Царьграда, которые можно было получить только в обмен на меха, мед, воск и рабов, они после возвращения с похода отправляются в «полюдье» и набрасываются на своих данников. Яркой иллюстрацией грабежа славян и финнов является описанный летописцем поход Игоря с его дружиной за сбором дани в землю древлян. Грабительская политика Игоря встретила сопротивление древлян, которые поднялись на восстание и перебили дружину Игоря, а его самого подвергли жестокой казни.

Не случайно Ольга за все время своего княжения (946—957 годы) даже и не пыталась устраивать походы на Царьград. Внутреннее состояние империи Рюриковичей в этот период

было далеко не блестящим. Восставшие при Игоре древляне не скоро были усмирены. Ольге пришлось не только применять открыто насилие, но и прибегнуть к тактике обмана, так красочно описанной летописцем. Под напором восставших масс Ольга после подавления восстания была вынуждена установить «уставы и уроки»: дань с поработанных масс теперь была нормирована.

Только Святослав (957—972 годы) попытался осуществить заветную мечту — захватить Царьград. «Более восьми веков тому назад, — писал Маркс, — Святослав, бывший тогда еще языческим великим князем России, заявил на собрании своих бояр, что «под владычество России должны попасть не только болгары, но и Греческая империя в Европе вместе с Богемией и Венгрией»². X

Учитывая неудачный опыт своих предшественников, особенно Игоря, Святослав применяет новый стратегический план завоевания Царьграда: он решает подойти к Царьграду не со стороны Черного моря, а, завоевав дунайских болгар, двинуться на Царьград по суше.

Завоевание дунайских болгар вскружило голову Святославу. Он устана-

¹ Соловьев «История России». I, стр. 127.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. IX, стр. 439.

вливает свой княжеский стол в Переславце, на Дунае. Его заявление: «Не люблю мне жить в Киеве, хочу жить в Переславце на Дунае: там середина земли моей; туда со всех сторон свозят доброе: от греков — золото, ткани, вино, овощи разные; от чехов и венгров — серебро и коней; из Руси — меха, воск, мед и рабов» — является яркой иллюстрацией характеристики, данной Марксом завоевательной политике Рюриковичей.

Х «Именно продолжавшиеся переносы русской столицы, — писал Маркс, — которую Рюрик основал в Новгороде, Олег — в Киеве, а Святослав пытался перенести в Болгарию, бесспорно, показывают, что завоеватели только прокладывали себе дорогу и рассматривали Россию как переходный этап, как остановку, чтобы вновь отправиться на завоевание державы на далеком юге». Х

Святославу не только не удается завоевать «державы на далеком юге», но и удержаться в новой столице. Византийцы под руководством императора Цимисхия наносят поражение Святославу. В 972 году воинственный князь Святослав был вынужден просить мира у греческого императора. Обязательства Святослава «очистить Болгарию, не воевать греческих областей ни самому, никого не подучать и помогать грекам в борьбе против их врагов» говорят о полном поражении и крахе его завоевательной политики. Гибель самого Святослава, убитого на Днепре печенегам при возвращении, является как бы завершением краха завоевательной политики Рюриковичей «на далеком юге».

За столетний период борьбы за завоевание Царьграда Рюриковичи, находясь среди славянских племен, не могли не испытать туземного влияния. Как победители с «примитивной организацией» они не несли нового способа производства. С варягами произошло то, о чем говорит Энгельс в «Анти-Дюринге»:

Х «...в огромном большинстве случаев при прочных завоеваниях дикий победитель принужден приноравливаться к тому высшему «экономическому положению», какое он находит в завоеванной стране; покоренный им народ ассимилирует его себе и часто заставляет даже принять свой язык»¹. Х

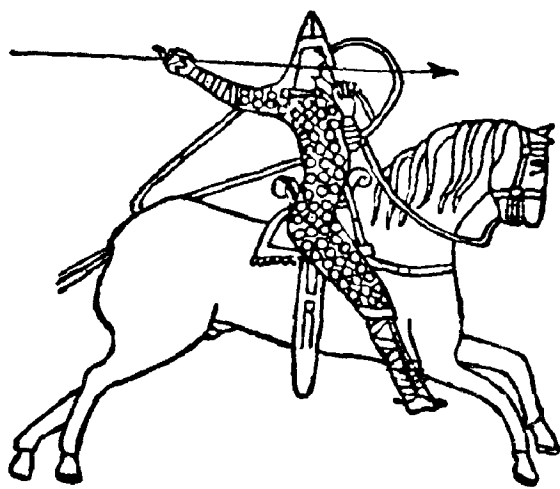
Процесс ославянивания варягов дополнялся процессом вливания в дружины выходцев из славянских и финских племен. Уже в посольстве Игоря к грекам в 945 году для заключения договора наряду с боярами из варягов были бояре славянско-финского происхождения. Процесс ассимиляции варягов завершился при Святославе. Начиная со Святослава князья носят славянские имена и варяги говорят не по-шведски, а по-славянски. Ославянивание должно было неизбежно сопровождаться превращением гордых воинов-варягов в землевладельцев, и, вероятно, некоторые из господ становились слугами тех, кого они раньше считали своими данниками. Происшедшие сдвиги нашли отражение и в летописи.

¹ Ф. Энгельс «Анти-Дюринг», стр. 130—131. Партиздат. 1932.

Морской поход норманнов.

С изображения на ковре XI века.

Конные норманны.

С изображения на ковре XI века.

Не случайно деятельность князя Владимира и дружинников летописец отличает от деятельности предшествующих Рюриковичей. Частые походы первых Рюриковичей за добычей как бы сменяются стремлением к покою. «Дружина, — писал Соловьев, — не уходила с князем в далекие страны искать славы и добычи». И если все же на княженье Владимира (980 — 1015 годы) падает немало походов, то они носят несколько иной характер чем при его князьях-предшественниках. Ему приходится больше отбиваться от печенегов, чем нападать самому.

Особое внимание в деятельности Владимира обращают на себя его политика внутреннего устройства, интерес к «строю земляному». «Владимир, — по летописи, — любя дружину, с нею думал о строе земляном, о ратях и об устройстве земляном». Такая характеристика деятельности Владимира и его дружины не случайна и вполне правдоподобна: если в основе существования варяжских дружин в первый период лежал «вассалитет без земельных пожалований или земельные владения, обложенные только данью» (Маркс), и дружинники, думавшие больше о походах и продвижении к Царьграду, вряд ли интересовались устройством своих земельных владений, то начиная с этого периода приобретают серьезное значение мысли «о строе земляном, об уставе земляном». С этим надо связать и «крещение Руси» при Владимире.

Христианизация Руси — показатель влияния Византии. «Христианизация, шедшая из феодальной Визан-

тии, распространяемая среди племен Восточной Европы огнем и мечом феодальной княжеской дружиной, сопровождала и в значительной мере способствовала росту феодальных отношений и укреплению могущества господствующего класса. Появлялся и новый феодал, которым становилась сама церковь. В представлении смердов вполне естественно воедино сливались дань, захват общинных земель, порабощение, закабаление и христианская религия, проникшая на острие меча дружинника-феодала, сливались в нечто, несущее конец их свободному состоянию и превращение ранее свободных смердов-общинников в феодально зависимую — в той или иной мере — категорию непосредственных производителей. Понятно, почему во главе восстаний смердов становятся жрецы старой языческой религии, оттесняемые христианскими попами. Для смердов язычество связано со старым социальным строем, с родовым отношением, со свободным состоянием членов земельной общины»¹.

Лирическое описание летописцем «крещения Руси» — выбора веры из трех: иудейской, магометанской и христианской — лишь скрывает классовое назначение христианизации Руси. Православная вера подошла Владимиру и его дружине, конечно, не «величием богослужения», а тем, что она могла явиться орудием усиления феодальной эксплуатации в руках господствующего класса. Христианская проповедь о смирении, о непротивле-

¹ «Проблемы истории докапиталистических обществ» № 6 за 1934 год. Изд. ГАИМК. Статья Мавродина «К вопросу о восстаниях смердов».

Сражение русских с булгарами. X век.

нии насилию — вот что прельщало прежде всего господ, систематически эксплуатирующих массы.

При процессе «крещения», начавшемся с Владимира и близких к нему людей, не все обстояло идиллически мирно и торжественно: в Новгороде «Путья крестил мечом, а Добрыня огнем»; в Ростовской земле и на Белоозере тоже пришлось подавлять восстание. Борьба угнетенных масс — смердов, — нередко руководимых волхвами (восстания в Ростово-Суздальской земле 1024 и 1071 годы), по форме носила религиозно-языческий характер, по существу же в борьбе против насаждения христианства нашла выражение классовая борьба угнетаемых против угнетателей.

Христианизацию как идеологию господствующего класса Руси нельзя оторвать от роста феодальных отношений во второй половине X века. Христианство с его культом абстрактного человека соответствует более высокой ступени развития производительных сил чем древние примитивные народные религии. Поэтому переход к христианству надо рассмат-

ривать как выражение роста производительных сил труда, как победу феодального способа производства, становящегося господствующим укладом в хозяйственной жизни древней Руси.

В XI веке, в период княжения Ярослава Мудрого (1019—1054 годы), бояре имеют вотчинное хозяйство. Появление «Русской правды» Ярославичей как документа, отражающего феодальное право, является как бы обобщением господства феодальных отношений в Киевской Руси.

Известно, что «Русская правда» составлялась на протяжении 2—3 веков (X—XII), причем до сих пор точно не установлено, когда была составлена древнейшая, или краткая, редакция «Русской правды». При сравнении древнейшей «Русской правды» с «Правдой» Ярославичей (XI век) видно, что первая появилась в период разложения родового строя и классовообразования, вторая же — когда феодальные отношения уже были господствующими.

Древнейшая «Русская правда» указывает на наличие рабов и рабовладельцев, свободных мужей и холопов. Поэтому неправ был М. Н. Покровский, утверждая, что «Русь X—XI веков не знала общественных классов» («Русская история в самом сжатом очерке»). Из «Правды» Ярославичей нам известно о наличии двух основных классов: землевладельцев (бояр, огнищан) и земледельцев (смердов, закупов, рядовичей, изгоев). Смерды — крестьяне, феодально зависимые от князя. Князь имел право на имущество смерда после его смерти, если у смерда не было детей. Закупы были обязаны отбывать барщину в хозяйстве своего господина. На основании данных «Русской правды», Ленин утверждал, что «землевладельцы кабелили смердов еще во времена Русской Правды» и «отработочная система хозяйства безраздельно господствовала в нашем земледелии со времен Русской правды...»¹.

Последние работы Б. Д. Грекова по истории феодализма в России не оставляют сомнения насчет господства крупного вотчинного землевладения на Руси в XI веке. Анализируя «Русскую правду», Греков пришел к выводу:

¹ Ленин. Т. III, стр. 150, 242.

«Правда» Ярославичей «вводит нас в обстановку княжеского домена. Здесь князь изображен в качестве феодального землевладельца. За всеми сообщаемыми «Правдой» деталями ясно проглядывает княжеский двор в широком понимании слова, т. е. жилые и хозяйственные постройки, земля, княжеские слуги разных рангов, эксплуатируемое население — смерды, рядовичи, изгои и закупы»¹.

Из своих вотчин феодалы попрежнему завистливо обращали взоры на Восток. Их манил к себе Царьград, поставлявший им шелковые и бумажные ткани, вино, парчу, пряности. Чтобы получить все эти предметы роскоши, надо было иметь большой доход, который феодалы добывали, эксплуатируя смердов, закабалая закупов.

Киев как город, ближе других расположенный к «мировому центру» — Царьграду — и находящийся на перекрестке торговых путей «из варяг в греки» и с запада на восток, приобретал все возрастающее значение как центр Руси. Он «люб для князей», и из-за овладения им шла борьба между потомками Ярослава.

Владимир и Ярослав стремились возвысить Киев крупнейшими богатыми постройками (как например княжеский дворец на Великом дворе Ярославом или храм св. Софии наподобие царьградского храма св. Софии). Это подражание Киеву Царьграду выражало стремление киевских князей превратить Киев «во второй Царьград». «В одиннадцатом веке Киев подражал во всем Константинополю, и его называли вторым Константинополем»².

4

Возвышение Киева в XI веке было вместе с тем и началом его упадка как центра Руси. Уже при Ярославе, считал Маркс, «начинается упадок готической России. Как раз история

¹ Греков «Очерки по истории феодализма в России». «Известия ГАИМК». Вып. 72-й, а также см. ст. «Проблема генезиса феодализма в России». Исторический сборник. Изд. Академии наук. Т. I.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. IX, стр. 439.

этого упадка еще больше чем история образования варяжского государства доказывает исключительно готический характер державы Рюриковичей».

После смерти Ярослава происходит быстрый распад «примитивной державы Рюриковичей». Киевские князья теряют свое прежнее значение перед остальными князьями феодальных княжеств Восточной Европы, и империя распадается на независимые, самостоятельные княжества.

«Ускоренный темп расширения норманской державы, — писал Маркс, — является следствием не какого-нибудь заранее выдуманного хитроумного плана, а естественным результатом примитивной организации норманских завоеваний — вассалитет без ленных отношений, или лены, составлявшиеся только из жалованья — причем необходимость в новых завоеваниях

Одежда русского воина в X веке.

диктовалась непрекращающимся потоком новых авантюристов, жаждавших славы и добычи».

Созданная на завоеванных в IX — X веках территориях запада, севера и юга Восточной Европы, империя Рюриковичей с самого начала не представляла собой цельного, крепко сколоченного государственного объединения, а состояла из ряда отдельных единиц, которые до известного момента подчинялись центру Рюриковичей — Киеву. Крах завоевательной политики Рюриковичей был первым ударом по слабо спаянной империи; в дальнейшем сила экономического развития (рост феодальных отношений) привела к разрыву того обруча, которым были стянуты отдельные феодальные ячейки. Падение Киева было также связано и с изменением торговых путей в XI—XII веках. Установление торговых сношений Европы с Востоком через Средиземное море явилось сильнейшим ударом по Киеву.

Киевские князья были бессильны удержать распадающуюся державу. Собственная их база — великое княжество во главе с Киевом — вступило в полосу упадка.

Киевская знать, привыкшая жить роскошно, но потерявшая с распадом империи Рюриковичей большой источник дохода, каким являлись княжества-данники, еще более усиливает эксплуатацию своего населения.

Новый гнет вызывает сопротивление трудящихся масс, нашедшее свое выражение в восстаниях против господ-угнетателей (восстание 1113 года) и бегстве крестьян на запад и северо-восток.

Смердов вынуждали покидать «насиженные» места не только чрезмерная эксплуатация, но и систематические набеги половцев, появившихся с 1061 года и грабивших и опустошавших юг Руси. Происходит так называемый процесс запустения южных областей Киевской Руси.

Под ударами половцев князья южных княжеств (Киевское, Переяславское) заключают временные союзы (1097 год — в Любече, 1100 год —

в Витичеве под Киевом) для отпора половцам. Но разбить половцев они были не в состоянии. Этот момент нашел свое отражение в древнерусском произведении «Слово о полку Игореве».

Из киевских князей после Ярослава только Владимиру Мономаху (1113—1125 годы) удалось объединить вокруг себя ряд княжеств, но это был последний взлет державы Рюриковичей, после чего «неповоротливая, аляповатая и скороспелая империя, скроенная Рюриковичами, распалась, как все подобные империи, на уделы, делилась и подразделялась между потомками завоевателей, разрывалась на части междоусобными войнами и крошилась в куски под ударами внешних завоевателей. Верховная власть великого князя исчезает под напором требований семидесяти родовых князей. Попытка Андрея Суздальского собрать часть этой империи путем переноса столицы из Киева во Владимир оказывается успешной лишь постольку, поскольку она переносит разложение с юга в центр. Третий преемник Андрея отказывается и от последней тени верховенства — от титула великого князя — и чисто номинального почета, все еще оказываемого ему.

Уделы на юге и западе становятся поочередно литовскими, польскими, венгерскими, ливонскими, шведскими. Киев, древняя столица, живет собственной судьбой, превратившись из главного центра великого княжества в простой город. Так исчезает с арены всемирной истории норманская Россия, и немногие слабые остатки, в которых она пережила себя, гибнут при страшном появлении Чингис-хана» (Маркс).

На северо-востоке с распадом империи Рюриковичей в XII—XIII веках образуется ряд феодальных княжеств с центрами (Суздаль, Ростов, Владимир, Тверь, Москва, Новгород и др.), борющимися между собой за первенство. Борьба, протекавшая в условиях татарского господства на Руси с XIII—XV веков, закончилась победой Москвы, сделавшейся столицей Руси.

И. Разгон

ГИКАЛОВЦЫ

1

В феврале 1919 года генерал Деникин вытеснил большевиков из опорных баз Северного Кавказа — Владикавказа и Грозного. Стремясь восстановить «единую и неделимую», он немедленно начал вводить старые, царские порядки.

Национальная буржуазия и местные феодальные элементы помогали ему в этом. Бывшие генералы и офицеры царской армии, вышедшие из местных дворянских верхов и с нетерпением ожидавшие прихода Добровольческой армии, становились ее агентами и выполняли директивы командования Вооруженных сил юга России (ВСЮР). Добровольческую армию поддержала и городская национальная буржуазия, боявшаяся большевизма и не находившая собственных сил для расправы с ним.

Вновь приобщить Кавказ «к русской государственности» было поручено Деникиным генералу Ляхову, имя которого было хорошо известно на Кавказе (в 1905—1907 годах он возглавлял карательную экспедицию и беспощадно расправлялся с революционными выступлениями горских трудящихся).

Деникинские правители начали с ликвидации «горского правительства», состоявшего из национальных буржуазно-феодальных элементов, ранее помогавшего Деникину бороться с Советским Кавказом. 3 февраля 1919 года генерал Шатилов, командовавший деникинскими частями на Кавказе,

сообщил председателю совета министров «горского правительства» Пшемахо Коцеву: «Считаю долгом уведомить, что все горские народы Северного Кавказа добровольно подчинились командованию Добровольческой армии и в настоящее время вводят у себя систему самоуправления, указанную генералом Ляховым»¹. Эта «система управления», по словам генерала Шатилова, на всем Северном Кавказе встретила противодействие только трех ингушских сел, «почему, к сожалению, они и пострадали».

При таком «единодушии» населения Северного Кавказа существование «горского правительства» генерал Шатилов считал нецелесообразным. «Положение «горского правительства», — пишет он, — станет ненормальным, и было бы целесообразно для общего дела и на благо горским народам теперь же устранить получающееся двоевластие и объявить Вашим декретом, что с введением новой системы самоуправления надобность в объединенном «горском правительстве» отпадает, почему правительство и складывает свои полномочия»². Протесты «горского правительства» не помогли — деникинцы ликвидировали своих союзников, ставших теперь лишними.

Схема управления «Терско-Дагестанским краем», разработанная генералом Ляховым, заключалась в следующем: единая республика народов Северного Кавказа уничтожалась; каждая народность в рамках своей области получала правителя области и двух помощников по военной и гражданской части, назначаемых генералом Ляховым; при правителях должны были состоять «выборные» органы совещательного характера по вопросам внутреннего управления областью.

Проект самоуправления, предложенный горским народам генералом Ляховым от имени командования Добровольческой армии, исходил из того, что горские народности получат

¹ Азово-Черноморский крайархив. Ростов, фонд Баева, д. № 7, л. № 3.

² Там же.

правление, «вполне национальное по своему составу и характеру», но пользоваться самоуправлением они могут лишь «в соответствии с идеей воссоздания Великой единой России».

Из наиболее реакционного, преданного идеям Добровольческой армии горского генералитета и феодальной знати спешно фабриковались кадры «национальных» правителей. Правителями областей были назначены: в Кабарде — полковник Бекович-Черкасский, в Осетии — генерал Абацев, в Ингушетии — генерал Мальсагов, в Чечне — генерал Алиев, правителем Дагестана — полковник князь Тарковский. Это были помещики, дворяне, столетиями эксплуатировавшие горских крестьян. Облеченные высоким доверием командования Добровольческой армии и полнотой власти, они еще больше усилили эксплуатацию и угнетение трудящихся горских народностей. С помощью этих правителей генерал Ляхов боролся не только с большевизмом, но и со всякой попыткой национального самоопределения. Вооруженные силы Горской республики были расформированы, части ее влиты в состав Добровольческой армии. По всему Северному Кавказу усиленно формировались новые войсковые единицы с целью усиления воинской силы Добровольческой армии.

Если верхушка горских народов была заинтересована в приходе Добровольческой армии и в ее помощи для расправы с народным движением, то угнетенные горские трудящиеся с первого момента встретили Добровольческую армию в штыки.

Телеграммы генерал-квартирмейстера кавказской Добровольческой армии полковника Курсонского сообщают об обстрелах казачьих раз'ездов в районах Владикавказа. Чеченцы в Грозненском районе, у селения Ачхой-Мартан, обстреляли офицерский отряд; высланные в горы отряды не могли обнаружить стрелявших. Во Владикавказском районе пропадали целые группы казаков, посылаемых за фуражом. Требования командования Добрармии о выдаче скрывавшихся в горах большевиков, красноармейцев, о мобилизации и реквизициях для Добрармии не выполнялись. Шаг за шагом

приходилось Добровольческой армии и ее союзникам из местных верхов отвоевывать Северный Кавказ у народов, отстаивавших свою независимость.

Для усмирения горцев выслались целые дивизии и корпуса. В операции против чеченских аулов 22 февраля 1919 года (Алхан-Юрт, Гехи, Урус-Мартан, Гойты и др.) участвовала конная дивизия в составе 4 полков и артиллерия с мощными резервами. Чеченцы оказывали упорное сопротивление белым. Деникинцам пришлось оставить занятый с боем аул Гойты и возвратиться в Грозный¹. Усилив воинские части, действовавшие против чеченцев, конницей и артиллерией, командование Добровольческой армии вновь начало наступление. Генерал Шатилов, руководивший операцией, обратился к чеченцам аулов Алхан-Юрт, Гехи, Урус-Мартан и др. с приказом о немедленной выдаче большевиков и полном подчинении Чечни генералу Деникину.

Всем другим народностям Северного Кавказа (Ингушетия, Кабарда, Осетия, Дагестан) были пред'явлены аналогичные требования. От Ингушетии требовали, разумеется, подчинения лицам, назначенным командованием ВСЮР, свободного пропуска через ее территорию войск Добрармии, уплаты казакам всех убытков, причиненных ингушами со дня революции, выдачи всех ингушей, служивших в Красной армии, и согласия на мобилизацию в ряды Добрармии всех способных носить оружие в возрасте от 18 до 40 лет для отправки их в Центральную Россию против Советов.

Кроме того каждый двор должен был дать винтовку, 200 патронов к ней, револьвер-«наган» с 50 патронами, 25 пудов кукурузы и 2000 рублей николаевских денег. Каждые два двора сверх этого должны были дать лошадь с седлом, одну голову крупного рогатого скота и четырех баранов².

Ингушетия на эти условия не согласилась и ответила восстанием, вспыхнувшим в июне 1919 года. Командование Добровольческой армии пошло по

¹ ЦАОР, фонд 1486, д. № 34, лл. 46—50.

² «Правда» № 255 от 14 ноября 1919 года, статья Микояна.

Красный партизанский отряд. Северный Кавказ. 1919 г.

испытанному пути: были посланы карательные отряды, огнем и мечом расправлявшиеся с непокорным народом; ингушские аулы Сурхохи и Экажево были разгромлены и сожжены дотла. Лишь силой штыка, с помощью артиллерии и под угрозой сжечь и уничтожить все живое, командованию Добрармии и ее правителям из местной феодално-помещичьей знати удавалось производить мобилизации — каждой мобилизации сопутствовали десятки сожженных аулов и сотни убитых.

Пополнения из горской бедноты были неустойчивы и давали большое количество перебежчиков в ряды Красной армии и партизанских отрядов Гикало—Шерипова. Настроение горских народов, как передавали перебежчики из 2-го Чеченского полка Халит-бей Суркаев и Мадаев, было таково, что «как только в Кизляре услышат первый выстрел из советского орудия, горцы все восстанут»¹.

Судьба чеченцев и ингушей постигла и другие горские народности. В союзе с местной знатью деникинцы расправились с Осетией. Особенно жестока была расправа с «керменстами», организовавшими отпор деникинским бандам в Осетии. «Кермен» — революционная организация крестьян-

ской бедноты в Осетии (по имени легендарного героя-раба, восставшего за свои права и обманным путем убитого порабощенными), возникшая в середине лета 1917 года и руководимая осетинами-большевиками. Летом 1918 года большинство керменистов стало большевиками, войдя в партию.

По своему составу «кермен» являлась не только национальной осетинской организацией: революционно настроенная часть русского крестьянства также вступала в ее ряды и участвовала в общей борьбе дигорцев-осетин с контрреволюцией².

Для расправы с керменистами в Осетию были направлены особые карательные отряды. Село Христиановское (место наибольшего влияния и сосредоточения керменистов) было сожжено и разгромлено. Все то, что не успел уничтожить огонь, уничтожили и разграбили деникинцы: сносились дома, разбирались стены, снимались крыши, полы и т. д. Тысячные стада домашнего скота, лошади, повозки, домашние вещи, миллионы пудов пшеницы и кукурузы — все было расхищено. В окрестных селах и станицах были мобилизованы тысячи арб и бричек для вывоза имущества с двух тысяч дворов

¹ «Красный воин» № 160 от 19 июня 1919 года (орган политотдела Астраханского района).

² Архив секретариата Главной редакции ИГВ, фонд воспоминаний, неопубликованные воспоминания Давкуй Такоева, № 1444, стр. 17.

селения Христиановского. 20 дней тянулись обозы с награбленным хлебом и имуществом.

Найденных керменистов жестоко убивали. Кроме повешенных в Христиановском шести керменистов был зверски убит председатель ЦК партии «кермен» Георгий Цаголов. 18 штыковыми ранами и прикладами он был превращен в бесформенную массу. Опьяненные ненавистью к своим жертвам, каратели не жалели ни стариков, ни детей.

Вслед за Христиановским наступила очередь Дигории. Дигорская беднота под руководством керменистов оказала отчаянное сопротивление озверелым деникинским бандам, вступившим в союз с горскими кулаками и офицерством. Но противник был сильнее. Скоро виселицы покрыли всю Дигорию. За малейшее подозрение в сочувствии керменистам вешали. В Кабарде хозяйничали банды белых кабардинских князей, мстивших за сопротивление, оказанное трудовой Кабардой Деникину при его подходе к Северному Кавказу. В ответ на это в Кабарде был сформирован для борьбы с Деникиным конный отряд (2700 сабель), во главе которого стал нынешний секретарь Кабардинобалкарского обкома тов. Бетал Калмыков. Тов. Калмыков со своим отрядом, вытесненный бандами Шкуро в Ингушетию, принимал участие вместе с красноармейцами в защите Владикавказа и отступил вместе с ними в горы Чечни и Ингушетии.

К осени 1919 года весь горный Кавказ был охвачен пламенем восстаний.

Официальные сводки главного штаба ВСЮР с сентября 1919 года ежедневно пестрят сообщениями о разрушении мостов, железнодорожных линий, о поджогах материальных складов и т. д. Но еще больше таких сообщений в различного рода секретных донесениях. В секретном рапорте начальника 4-й Терской казачьей дивизии на имя войскового атамана Терского казачьего войска (№ 0965 от 7 ноября 1919 года) мы находим откровенные признания о ходе борьбы с горцами¹.

¹ Архив секретариата Главной редакции ИГВ, материалы Северокавказского комитета.

Настроение в Ингушетии, сообщает начальник дивизии, после разгрома Сурхохи и Экажево сделалось более «ровным». Но это успокоение может быть только временным, «так как осталось много людей без крова, людей, вооруженных и озлобленных, хотя и напуганных нами». С июля 1919 года активность ингушей резко усиливается. «Почва пропагандистам для вооруженных выступлений стала более подходящей, так как теперь уже многих ингушей ничто не связывает с обязанностью не грабить и мирно сидеть дома», — кончает свой обзор о положении в Ингушетии автор рапорта.

В нагорной Чечне, где сильно было влияние большевиков: тт. Гикало, Шерипова, Эльдеханова, — восстания не прекращались (плоскостная Чечня была на поводу у местных контрреволюционеров Чуликовых и др., идущих вместе с Добрармией). Никакие усилия деникинцев ни к чему не приводили. Начальник одной из деникинских дивизий, излагая длинный перечень попыток забраться в глубь гор, с тем чтобы оттуда «бить Чечню в поле, бить ее живую силу», с прискорбием отмечает, что в конечном итоге каждый раз приходилось возвращаться к своему исходному положению, обратно в Грозный. Заканчивая свой доклад о боевой работе дивизии, он предлагал разгромить и уничтожить аулы Мисхор-Юрт и Шали, поддерживающие большевиков.

2

В эти тяжелые месяцы упорной и кровавой борьбы трудящихся Кавказа с деникинцами исключительную роль сыграли партизанские отряды, организованные и возглавляемые тов. Гикало. Имя тов. Гикало гремело в горах Кавказа. Не только Чечня и Ингушетия, но Осетия, Кабарда, Дагестан знали и повторяли его. Отовсюду, из всех уголков Кавказа, шли к нему за советом и помощью в борьбе с белыми. Его призыва ждали и по этому призыву шли на борьбу.

Тов. Гикало был подлинным вождем горской бедноты.

Николай Федорович Гикало родился в 1897 году в Одессе, в семье фельдфебеля. С 4-летнего возраста живя в

Грозном, он близко знакомится с жизнью и бытом горских народов. Тяжелая жизнь горской бедноты, ее бесправное положение рано привлекли к себе внимание молодого Гикало. По окончании городского училища тов. Гикало поступает в тифлисскую фельдшерскую школу. Через 4 года он становится фельдшером. В качестве фельдшера он участвует в мировой войне. После февральской революции, в июне 1917 года, он вступает в Грозном в большевистскую партию и принимает активное участие в советизации Терека. В 1918 году тов. Гикало — уже председатель Грозненского исполкома. После отступления 11-й армии с Северного Кавказа он вместе со своим другом чеченцем-большевиком Аслан-беком Шериповым организует в горах Чечни красные партизанские отряды из красноармейцев и горской бедноты¹.

Центром организации партизанских отрядов Гикало и объединения революционной части горской бедноты была слобода Шатой. Недалеко от нее, в слободе Воздвиженской, из разбросанных по окрестным аулам красноармейцев 15 августа 1919 года был организован тов. Гикало «1-й особый отряд». Этот, вначале малочисленный, но крепко дисциплинированный отряд явился ядром, организовавшим массу горской бедноты на борьбу с деникинщиной.

Горцы-партизаны и бывшие красноармейцы, из которых состоял отряд Гикало, бесстрашно шли за ним на борьбу с гораздо более сильным и лучше вооруженным противником.

Оружия у отряда было мало. Вооружаться гикаловцам приходилось, как и всем партизанским отрядам, «с бою»: побеждая противника, они овладевали его оружием².

¹ В настоящее время тов. Гикало — генеральный секретарь ЦК КП(б) Белоруссии. На XVII съезде ВКП(б) он избран кандидатом в члены ЦК ВКП(б).

² К концу 1919 — началу 1920 года, когда усилился приток повстанцев в партизанские отряды, приходилось оружие, как и продовольствие, закупать. Широко практиковалась тайная и явная закупка оружия и боеприпасов там, где это было возможно: покупали в горских селениях, в казачьих станицах Сунженской линии; занимались этим делом особые уполномо-

Тов. Гикало.

Для разгрома начавшегося движения деникинцы послали свои войска в села Воздвиженское, Шали, Сергент-Юрт и др. 11 августа село Воздвиженское было занято. Однако в тот же вечер под натиском восставших деникинскому отряду пришлось отступить. 14 августа 1919 года деникинцы вновь начали наступление. 19 августа ими было занято село Сергент-Юрт. 20 августа восставшие повели наступление на Шали и Агашты. Дойдя до южных хуторов Шали, они были выбиты и принуждены отступить в горы. Селение Сержант-Юрт попеременно переходило из рук в руки. 29 августа у села Воздвиженского соединенными действиями красных отрядов Гикало и Шерипова и отряда Узум-Хаджи белые были разбиты и взяты в плен две добровольческих роты (117 солдат и 11 офицеров). Белым пришлось отступить по всей линии обратно в Грозный.

моченные. Чтобы достать оружие, проникали даже в слободу Ведено — «столицу» «Северокавказского эмирства», опереточной «шариатской монархии», которая ориентировалась на мусульманскую Турцию и была создана горскими панисламистскими элементами во главе с «эмиром» — шейхом Узум-Хаджи.

Победа над деникинцами обошлась дорого революционному движению горцев. В этом бою был смертельно ранен руководитель и организатор чеченской Красной армии Аслан-бек Шерипов. Прежде чем стать большевиком, Аслан-бек Шерипов был националистически настроенным революционером. В практике своей деятельности он убедился, что буржуазно-националистические, феодально-клерикальные элементы горской верхушки не только не заинтересованы в освобождении горской бедноты, но делают все возможное, чтобы, став самим у власти, сохранить и укрепить свое господство над ней.

К концу 1917 года он открыто призывает чеченскую бедноту к союзу с русскими рабочими и крестьянами против контрреволюционного казачества и горской верхушки. Он первый и единственный чеченец, в феврале 1919 года участвовавший во втором съезде народов Терека в Пятигорске, куда он пробрался с огромным риском для своей жизни.

В Терском народном совете он возглавлял ингуше-чеченскую фракцию. Вместе с грозненскими рабочими в августе—сентябре 1918 года он боролся против белогвардейцев, кольцом окруживших Грозный. В конце этого же года Шерипов — комиссар по национальным делам Терской республики и командующий чеченской Красной армией.

После отступления из Владикавказа и Грозного, в начале 1919 года, Шерипов вступил в коммунистическую партию и вместе с Гикало формировал отряды из горцев-бедняков — пролетариев Грозного и бывших красноармейцев — для новой борьбы с деникинщиной. Аслан-бек Шерипов погиб в борьбе с ней как революционер-коммунист. Смерть этого молодого борца за дело горских трудящихся подняла новые массы бедноты, которые двинулись в отряды Гикало.

Горские буржуазно-кулацкие феодальные верхи вместе с командованием продолжали жестокую борьбу против разраставшегося повстанческого движения. Еще в первые месяцы захвата Деникиным Кавказа (26 марта 1919 года) «Чеченский национальный совет» — буржуазно-кулацкая органи-

зация — во главе с крупнейшим кулаком Ибрагимом Чуликовым — «в интересах государства» — признала необходимым подчинение Чечни управлению Добрармии и одобрила назначение правителем Чечни генерала Алиева.

24 сентября 1919 года был образован в Грозном «комитет по очищению Чечни от банд большевиков и Узум-Хаджи». Во главе его стоял председатель «чеченского национального совета» Ибрагим Чуликов.

Убедившись на опыте разгрома ряда аулов в способностях своих сподвижников из «комитета», правитель Чечни генерал Алиев сделал наиболее рьяного из них — Ибрагима Чуликова — своим помощником «по гражданским делам».

В октябре 1919 года положение становится угрожающим, и генерал Драценко, командующий деникинскими вооруженными силами на Северном Кавказе, предъявил чеченскому народу ряд требований, заявив, что если Чечня своими средствами не ликвидирует восстания и не выдаст большевиков, пощады не будет никому.

Для объявления этих «непременных и обязательных условий» генерал Драценко и правитель Чечни генерал Алиев послали Чуликова. Чеченское кулачье и казачьи сотни начали громить плоскостную Чечню и аулы, расположенные по линии железной дороги Грозный—Петровск. Аулы Гудермес, Энгель-Юрт, Чечен-Юрт и др. были сметены с лица земли.

С ростом восстаний в Чечне и Ингушетии и непрерывным пополнением гикаловских отрядов угроза Грозному — важнейшему стратегическому пункту белого владычества в горах Кавказа — становилась все более реальной. Бои с горцами подходили к самому городу, вокруг которого оперировали отряды Гикало и Узум-Хаджи. Опасения деникинцев были тем более обоснованы, что сам Грозный — пролетарский центр со старыми революционными традициями. Все это составляло командование белой армии держать в Грозном большой гарнизон из наиболее преданных частей. К концу ноября 1919 года он достигал 12 000 штыков и сабель и 30 орудий.

Для поддержания лоярдка командо-

Революционный военный совет 11-й армии. В центре — председатель РВС тов. Киров, 1920 г.

вание принимало жесточайшие репрессивные меры. В тюрьме Грозного к декабрю 1919 года находилось около 600 человек, половина которых были «смертники», со дня на день ждавшие расстрела. За период пребывания белых в городе было расстреляно до 2000 человек.

У арестованных революционеров возник смелый план: связавшись с отрядом Гикало, находившимся в селении Шатой, организовать массовый побег и поднять восстание в самом Грозном. «Мы решили умереть или же победить совместно с повстанцами, находящимися в пределах Чечни»¹, — писал тов. Червяков, один из организаторов восстания в Грозном, в своем письме к тов. Гикало.

Восстание было назначено в 3 часа ночи с 22 (9) на 23 (10) декабря 1919 года, по условному сигналу (взрыв 2 бомб и поджог небольшого резервуара с нефтью в районе нефтеперегонных заводов). По этому сигналу отряд тов. Гикало должен был обстрелять город. Организаторы восстания предполагали поднять ряд деникинских воинских частей, среди которых предварительная работа, а также около 1000 человек военнопленных (бывших кра-

¹ Архив секретариата Главной редакции ИГВ, д. № 1 штаба Гикало.

сноармейцев). Большинство из них оружия не имело. Решено было вооружить арестованных (около 500 человек) и военнопленных частью винтовками распропагандированного Грозненского инженерного батальона. частью — в процессе самого восстания. В восстании должны были принять участие 500 рабочих нефтеперегонных заводов, из которых вооружено было около 100 человек. На стороне восставших должна была также выступить 7-я батарея, имевшая 4 орудия и 2 пулемета.

По сведениям того же тов. Червякова, к моменту восстания Грозненский гарнизон имел свыше 50 пулеметов и большое количество артиллерии (в том числе и тяжелые орудия). Отряд тов. Гикало имел всего около 250 штыков. При наличии крупного гарнизона восстание было обречено на неудачу. Но, не останавливаясь ни перед чем, горя желанием помочь томившимся в тюрьме революционным бойцам, отряд тов. Гикало 20 декабря спустился с гор, направляясь к Грозному.

В это время отряды Узум-Хаджи, до сих пор выступавшие вместе с гикаловцами против колонизаторов-деникинцев, опасаясь того, что победа восстания приведет к укреплению революционных сил и, следовательно, к окончательному падению «шариатской

монархии», резко изменили политику и начали обстреливать отряды Гикало. Но ни предательские пули Узум-Хаджи, ни жестокие морозы и ледяные ветры не остановили гикаловцев, шедших к Грозному. Сбив передовые посты белых, захватив 2 орудия, отряд подошел к городу и дал условный орудийный сигнал к выступлению. Но город не отозвался. Уже поздно ночью стало известно, что в городе началось восстание и идет бой.

Восстание было неудачным. Началось оно не вовремя. Когда подошедшей группой вооруженных товарищей были открыты двери тюрьмы и арестованные были выпущены, среди них нашелся предатель-офицер, который немедленно сообщил белым подробный план восстания. Все же основная часть бежавших заключенных успела уйти по направлению к Владикавказу или укрыться в самом городе. До ста человек добрались до слободы Воздвиженской, где находился отряд Гикало.

Но с теми, кто попал обратно в руки белых, расправа была ужасна. Очевидец, партизан гикаловского отряда, рассказывает: «Я приехал ночью в город и увидел чудную картину: кто был привязан за шею, кто был прибитым гвоздями на телефонных столбах, а кто висел кверху ногами»¹.

Несмотря на неудачу восстание имело большое значение: в отряд Гикало влилась масса бежавших политических заключенных, которая не только увеличила его численность до 400 человек, но своей революционной твердостью, волей к борьбе, своей пролетарской дисциплинированностью укрепила отряд и создала условия для дальнейшего расширения зоны повстанчества.

3

Восстаниями в горах Кавказа против Деникина руководили Кавказский краевой комитет РКП(б), находившийся в Тифлисе, и политотдел 11-й армии, находившийся в Астрахани, во главе которого стоял тов. Киров. Как в Дагестан, так и на Терек и на Чер-

¹ Архив ИГВ, д. № 2 штаба Гикало (стиль и орфография сохранены).

номорье они отправляли людей, деньги, оружие. Тов. Гикало являлся членом Кавказского краевого комитета партии, держал с ним связь, получал от него руководство и помощь. По директиве комитета РКП(б) и реввоенсовета 11-й армии, все красные повстанческие части на Тереке были объединены.

21 января 1920 года была создана «Терская областная группа красных повстанческих войск» под командованием члена Кавказского краевого комитета тов. Гикало и сформирован штаб группы, начальником которого назначен прибывший представитель 11-й армии тов. Дудаев. Отделами штаба руководили: оперативным — тов. А. Костерин, административным — тов. Мордовцев и политическим — тов. Носов. По постановлению Кавказского краевого комитета, все ревкомы и повстанческие части на территории Терской области подчинялись и руководились вновь организовавшимся штабом группы.

Партизанские отряды были сведены в ротные батальонные соединения, к которым были прикреплены для политического руководства политруки и политкомиссары. Изменились названия отрядов, ранее определявшихся главным образом по национальному признаку. Вместо старых наименований появляются такие, как «1-й отдельный сводный красноармейский батальон» и т. п., подчеркивающие непосредственную связь отрядов с советской Красной армией.

«Красная повстанческая армия» Терской области становится частицей Красной армии Советской России. Приказом от 26 января 1920 года за № 4 вводится общеармейский дисциплинарный устав, утвержденный ВЦИК. Командование группы завязывает непосредственные отношения с Красной армией Астраханского района. 25 января 1920 года из слободы Воздвиженской тов. Гикало отправляет в распоряжение командира красного Кавказского корпуса чеченский партизанский отряд из бывших чеченцев-абреков для участия в борьбе за освобождение Терской области. Командиру отряда Абдул-Рашпид Исаеву дается зада-

Отряд гикаловцев. 1920 год.

ние — связаться с главным штабом войск Астраханского района¹.

В конце января 1920 года командование Добрармии, стремясь ликвидировать большевистский центр повстанчества, находившийся в слободе Воздвиженской, послало туда отряд в 6000 штыков, с большим количеством пулеметов, артиллерией и конницей. Небольшой отряд Гикало, в 400 человек, находившийся в слободе Воздвиженской, был окружен со всех сторон.

31 января 1920 года белые начали наступление. 8 часов бился отряд с наступающими белыми. Деникинское командование в борьбе против гикаловцев не жалело людей, бросая цепь за цепью. Меткий огонь партизан срезал их, но на стороне белых была артиллерия, против которой партизаны были бессильны. Еще немного — и, дорвавшись до небольшой группы партизан, дивизия белых в рукопашной схватке уничтожила бы ее, если бы не подошла помощь со стороны группы горцев селения Шатой и узум-хаджинцев, которые, вопреки приказу командующего вооруженными силами Узум-Хаджи Дышинского, напали на белых, ударив им в тыл. Добровольцы потерпели поражение. Потеряв около 1000 человек убитыми и ранеными, они зажгли

слободу Воздвиженскую и отступили к Грозному. В отряде Гикало было убито 27 человек и 30 ранено. В бою был убит начальник штаба группы коммунист-ингуш Султан Дудаев. Отряд отступил из слободы Воздвиженской в селение Шатой.

Этот бой сыграл большую роль в деле дальнейшего развертывания повстанчества в горах Кавказа. Отряд вырос в боевом и политическом отношении, положение его упрочилось.

Воздвиженский бой способствовал также классовому расслоению горцев. Если раньше наряду с кулацкими и торговыми элементами в отряды Узум-Хаджи была втянута и городская беднота, ослепленная религиозно-национальным фанатизмом, то предательская политика «эмирства», уклонявшегося от помощи отряду Гикало, открыла глаза бедноте. С этого времени горская беднота отходит от своей помещичье-офицерской верхушки; национально-религиозный дурман начинает рассеиваться. Гикаловские отряды растут, вовлекая в свои ряды прежних узум-хаджинцев.

После боя под слободой Воздвиженской штаб группы, перейдя в селение Шатой, налаживает регулярную связь с командованием 11-й армии, штаб которой находился в Астрахани. Связь эта поддерживалась через Камыши

¹ Архив ИГВ. д. № 1 штаба Гикало, л. 20.

(Ставропольщина), где находился уполномоченный 11-й армии, который проводил работу среди партизан-камышанцев. От штаба Терской областной группы красных повстанческих войск до Камышей связь организовал штаб группы; от Камышей до командования 11-й армии — повстанческие группы камышанцев, через которых группа тов. Гикало получала денежные средства и инструкции. Реввоенсовет 11-й армии регулярно получал донесения о ходе восстания. Тов. Киров непосредственно руководил военно-политической работой штаба отряда Гикало. Приказом реввоенсовета от 5 февраля 1920 года за № 839 штабу терской группы предложено:

«...§ 3. Вести самую энергичную работу по разложению частей противника и внесению дезорганизации в его ряды (порча железной дороги, средств связи и проч.).

§ 4. Организовать повстанческие отряды и переформировать уже существующие по принципу строительства Рабоче-крестьянской Красной армии.

§ 5. Организовать в районах, занятых повстанческими отрядами, органы советской власти, согласно конституции РСФСР, и вести политическую работу среди населения»¹.

Выполнение этой директивы потребовало большой и упорной работы штаба групп. Прежде всего необходимо было выкорчевать «партизанщину», которая мешала объединению и реорганизации боевых сил на принципах строительства Красной армии. Для борьбы с нарушением воинской дисциплины во всех ротах были созданы товарищеские суды, а при штабе группы — военно-полевой суд. Особо строго военно-полевой суд карал нарушения военной дисциплины членами партии. Особенности борьбы многонационального, многоплеменного Кавказа с Доброй армией приводили к тому, что в отдельных случаях из общепартизанских, а впоследствии общевойсковых соединений выделялись национальные группы, которые иногда, не считаясь с общими условиями борьбы, стремились поскорее уйти в свой район, для

того чтобы принять непосредственное участие в борьбе с деникинцами. С этими тенденциями, расплывшимися силы восставших, приходилось особенно резко бороться. Усиливается политическая работа в группах; оформляются коммунистические организации. Крепла связь с Грозным и Астраханью (штабом 11-й армии). I партийная конференция группы констатирует, что в Чечне «идет определенно раскол в пользу советской власти».

Развертыванию партийной работы мешали религиозно-бытовые особенности горцев: отсталость, низкий культурный уровень, религиозный фанатизм. Коммунистическая программа, теория классовой борьбы, интернационализм уяснились горцами в процессе практической борьбы с деникинщиной. Для большего охвата партией горской бедноты была создана своеобразная массовая политическая организация, которая организовывала горскую бедноту и трудящихся горцев под руководством коммунистической партии. Она находилась под руководством политотдела штаба группы и называлась «ячейка революционных горцев».

Эти ячейки широко охватили Чечню, Кабарду, Ингушетию.

Членами ячейки могли быть все горцы:

а) Активно боровшиеся и борющиеся за дело советской власти.

б) Сознательно относящиеся к современным событиям.

в) Не запятнавшие себя грабежами красноармейцы.

г) Не состоявшие ранее и в настоящее время на службе у казаков»².

На обязанностях ячейки лежали:

«...а) Усиленная агитация и пропаганда за утверждение советской власти среди горских народов.

б) Организация и подготовка активного выступления широких чеченских трудовых масс против Доброй армии.

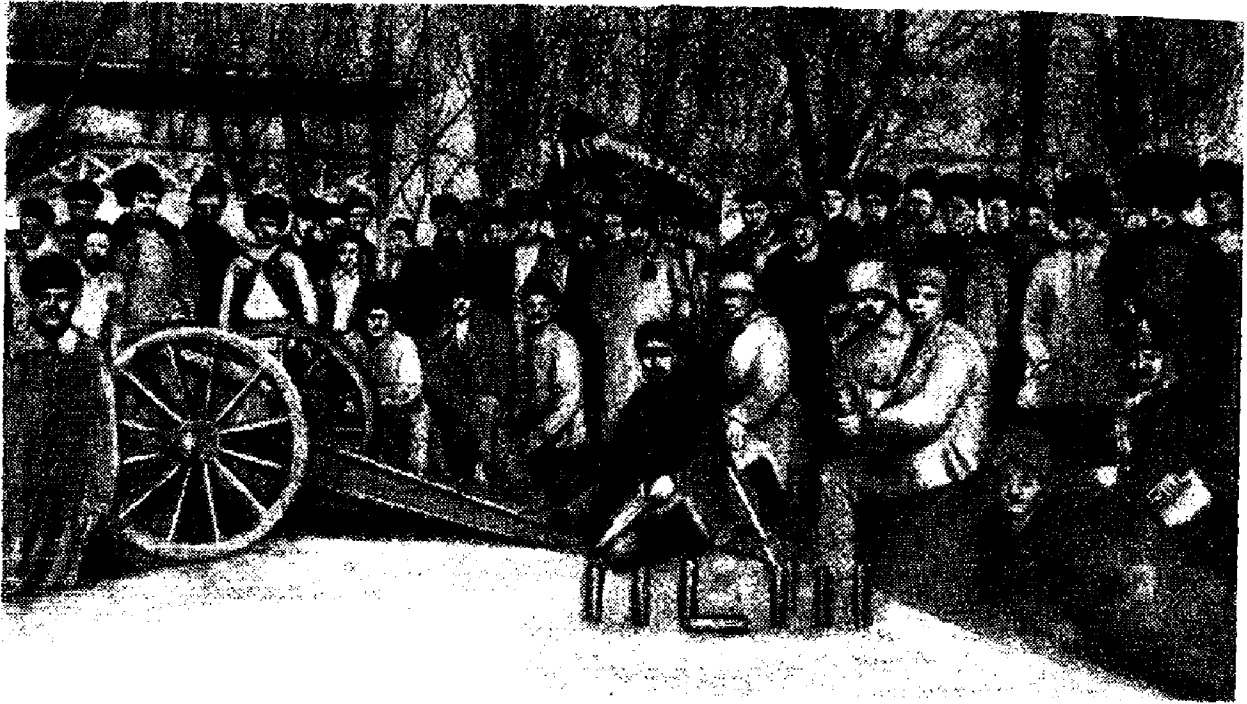
в) Энергичная борьба с провокацией реакционных агентов.

г) Привлечение всех активных и сознательных чеченцев в ряды революционной чеченской организации»³.

¹ Архив ИГВ, д. № 3 штаба Гикало, л. 13.

² Архив ИГВ. Материалы Сев.-Кав. Комитета.

³ Там же.

Отряд тов. Гикало при вступлении в г. Грозный. 1920 г.

В случае освобождения Терской области от белых ячейки революционных горцев должны революционным порядком немедленно утвердить власть трудового народа, выделяя из своей среды военно-революционные комитеты, которым поручается вся полнота власти впредь до распоряжения от политотдела группы.

Ячейки объединяются между собой в виде районных делегатских собраний. Делегатские собрания выбирают районные комитеты ячеек революционных горцев. В ячейке имелся президиум, который и руководил работой.

Значение «революционных ячеек» было огромно. Опираясь на них, на всей территории горских народов велась интенсивная партийная работа — подготовлялось всеобщее восстание.

В Ингушетии, Осетии, Кабарде и Балкарии, по решению Кавказского краевого комитета партии, были образованы революционные комитеты, которые в военном отношении подчинялись штабу терской группы повстанческих войск. «Настроение везде горячее, крепкое... работа налаживается и надеемся в небольшой промежуток времени охватить всю территорию Терской области». — пишет тов. Гикало уполномоченному 11-й армии, работавшему среди камышанцев. Для непосредственного руководства готовящимся восстанием в Ингушетии было организовано отделение штаба крас-

ных повстанческих войск, которое руководило и объединяло действия Ингушетии, Осетии и Кабарды. Руководителем отделения был назначен помощник командующего терской областной группы красных повстанческих войск тов. Мордовцев, которому были даны следующие директивы:

а) Закрыть Военно-Грузинскую дорогу, чтобы отрезать сообщение Добровольцев с Грузией.

б) Прекратить увоз в Тифлис продуктов из Сев. Кавказа.

в) Задержать волну беженцев — буржуазии, которая хлынула с Сев. Кавказа в Грузию.

г) Подготовка восстания во Владикавказе.

д) Перейти дорогу Прохладная — Беслан-Карабулак».

В числе других задач тов. Мордовцеву предлагалось установить регулярную связь с отдельными отрядами организуемой Ингушской Красной армии, организациями Владикавказа, с Сунженской линией, с ревкомами Кабарды и Осетии.

4

Штаб вел также работу и среди казачества Сунженской линии. В результате этой работы фронтовики-казаки отказывались воевать и организовали отряды по охране станиц и хуторов Сунженской линии от добровольцев.

Штаб организовал на Сунженской линии ударную группу, которая должна была явиться ядром восстания Терского казачества против деникинщины.

В селениях Чечни, Ингушетии были организованы подпольные комитеты из сторонников советской власти. Они занимались пропагандой, боролись с грабежами и разбоями, с взаимной межнациональной травлей, которая провоцировалась контрреволюционной верхушкой Ингушетии и Осетии. Комитеты агитировали за идею объединения всего трудящегося народа Терека под руководством большевиков. В Ингушетии велась подготовка к захвату на местах власти по сигналу организованного окружного ингушского ревкома.

В начале марта почва была подготовлена и были созданы организующие и руководящие центры общего выступления горцев против деникинщины. Кавказский краевой комитет партии послал из Тифлиса людей. Они двинулись в Кабарду по двум направлениям: через Грузию и Осетию и через Азербайджан, Дагестан, Чечню, Ингушетию.

Поход из Тифлиса в Кабарду по горным тропкам, зимой, в стужу, был очень труден. «Наша группа, собрав небольшой отряд, добралась поездом до границ Дагестана,— рассказывает тов. Калмыков, командовавший отрядом. — Оттуда пешком шли 8 суток по Дагестанским горам. В селении Меджилис нас всех задержал и чуть не перестрелял турецкий генерал Нурипаша... поход по горам зимою представлял невероятные трудности, в особенности на перевалах... обмерзли руки и ноги»¹.

По дороге к отряду Калмыкова присоединились кабардинцы, прятавшиеся в горах. Подходя к границам Чечни, отряд насчитывал уже свыше 100 человек. Тов. Гикало оказывал кабардинцам большую поддержку средствами и передал в распоряжение тов. Калмыкова кабардинобалкарскую роту своего отряда, насчитывавшую около 200 человек. Трудящиеся Кавказа оказывали братскую помощь кабардинцам,

¹ Б. Калмыков «Революционное движение в Кабарде», стр. 34, Нальчик. 1921.

идущим на родину для решительной борьбы с помещичье-офицерским гнетом.

Беднота Ингушетии радостно встретила отряд Калмыкова. 15 марта 1920 года отряд занял первое кабардинское селение Исланово.

Штабом терских повстанческих войск перед отрядом Калмыкова была поставлена основная задача: «Пробираться в Малую Кабарду, поднять массовое восстание Кабарды»².

В Осетии также к этому времени был организован революционный центр готовящегося восстания. Еще к концу августа 1919 года, по решению Кавказского краевого комитета партии, отдельные коммунисты—кержменисты—начали переходить из Грузии обратно в Дигорию.

К началу октября большое количество коммунистов собралось в Черном лесу Горной Дигории. К началу 1920 года большинство кержменистов вернулось в аулы и селения, где была развернута подпольная работа. Как и раньше, особенно значительной была подпольная работа в Дигории. Руководил партийной подпольной работой в Осетии окружной комитет РКП(б) (бывший ЦК «кержмен»), организовавший ревком во главе с тов. Борукаевым. Приказ о всеобщем выступлении был дан 17 марта 1920 года. К этому времени, громя деникинцев, 11-я армия заняла Ставропольщину и двинулась к Кизляру. Ночью 17 марта конные части штаба группы тов. Гикало заняли Грозный. Реввоенсовет 11-й армии за подписью командарма и члена РВС тов. Кирова отдал приказ о переходе в наступление. Тов. Киров предлагал отряду Гикало решительным ударом занять Гудермес и прервать связь Владикавказа с Кизляром и Петровском.

Белые из Грозного отошли на Петровск. 22 марта они были изгнаны из Владикавказа.

Так, совместной борьбой трудящихся горцев, организованных коммунистической партией в повстанческие отряды, и Красной армией Советской России Терек был освобожден.

² Архив ИГВ, д. № 3 штаба Гикало, л. 32.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

**(Забастовка на Уссурийской
железной дороге в 1919 году)**

В Приморье и Приамурье партизанское движение достигло наивысшего подъема в мае—июне 1919 года. К этому времени партизанские отряды занимали всю территорию Ольгинского уезда, за исключением Сучанской железнодорожной ветки и Сучанского рудника, охранявшихся японцами и американцами. Партизаны приближались даже к подступам Владивостока и производили налеты на владивостокские дачи у станции Океанская.

В этот период, когда Красная армия начала одерживать решительные победы на Уральском фронте, рабочие Владивостока, железнодорожники Уссурийской дороги и КВЖД, рабочие-водники единодушно откликнулись на призыв коммунистической партии и организовали всеобщую забастовку, которая нанесла жестокий удар интервентам и белогвардейцам, парализовав почти на два месяца движение по Уссурийской железной дороге и КВЖД.

Забастовке рабочих железнодорожного и водного транспорта предшествовал целый ряд забастовок рабочих других профессий во Владивостоке, Никольск-Уссурийске, на Сучане и в других городах Дальневосточного края.

Забастовка транспортников дает исключительный образец стойкости и героизма рабочих, продолжавших бастовать в условиях жесточайшего тер-

рора и не дрогнувших перед угрозой военно-полевых судов, порок и расстрелов.

1

С падением советской власти на Дальнем Востоке в июне 1918 года свои удары контрреволюция направила в первую очередь против рабочего класса и его авангарда — коммунистической партии. Японцы, чувствовавшие себя хозяевами положения и разместившие 120-тысячную армию на территории от Байкала до Владивостока в целях оккупации Дальнего Востока, стремились уничтожить единственную силу, которая оказывала стойкое сопротивление интервентам, — большевиков и идущих за ними передовых рабочих и беднейшее крестьянство.

Под крылышком оккупантов и их ставленников буржуазия повела наступление на рабочий класс. Забастовки подавлялись вооруженной силой; рабочих, участвовавших в них, предавали суду, расстреливали. Профсоюзы, проявлявшие революционную активность, разгонялись, руководители арестовывались. Тюрьмы на Дальнем Востоке были переполнены лучшими представителями рабочего класса.

Калмыков, Семенов, Унгерн в своих застенках и «поездах смерти» выполняли задания своего хозяина — японской военщины.

В особенно тяжелом положении находились корейцы и китайцы, составлявшие значительный процент рабочих на Дальнем Востоке. Тяжелое экономическое положение этих рабочих усугублялось усилившимся национальным гнетом.

Наилучшей иллюстрацией национальной политики белогвардейщины и японских империалистов являются факты кровавых расправ с корейскими и китайскими рабочими при малейших их попытках к организованному сопротивлению.

Так например в 1919 году в целях «поднятия производительности труда» на рудники был послан карательный японо-белогвардейский отряд, который перепорол всех китайских рабочих, а некоторых расстрелял. После этого

часть китайских рабочих ушла в партизанские отряды.

Не лучше, впрочем, обращались и с русскими рабочими, обвинявшимися в большевизме.

Командовавший американской военной экспедицией на Дальнем Востоке генерал Гревс приводит следующий характерный факт расправы японской военщины с железнодорожниками, имевший место на станции Сивягино 27 июня 1919 года.

«Пятеро русских были приведены к могилам, вырытым неподалеку от железнодорожной станции. Им были завязаны глаза и приказано стать на колени у края могил со связанными назад руками. Двое японских офицеров, сняв верхнюю одежду и обнажив шашки, начали рубить жертвы. И в то время как каждая из жертв падала в могилу, от трех до пяти японских солдат добивали ее штыками, испуская крики разости»¹.

¹ Гревс «Американская авантюра в Сибири», стр. 180—181. М. Воениз. 1932.

Партизан-рабочий Николо-Уссурийской ж. д.

В августе 1919 года на раз'езде 734-й версты Амурской железной дороги японский отряд избил поголовно всех железнодорожных рабочих; двенадцать же китайских рабочих загноил в баню и сжег там живыми.

Аналогичные этому случаи были далеко не единичны.

Но несмотря на невиданный белый террор большевикам удалось во Владивостоке удержать в своих руках руководство как в центральном бюро профессиональных союзов, так и в отдельных союзах.

Умело сочетая экономические требования с политическими, профессиональные союзы под руководством партии в течение весны и лета 1919 года провели целый ряд забастовок на предприятиях, особенно важных для интервентов и их ставленников.

31 марта 1919 года во Владивостоке по инициативе металлистов забастовали рабочие военного порта и Минного городка, отказываясь выполнять военные заказы и требуя повышения зарплаты. 1 апреля к бастующим присоединились рабочие целого ряда других предприятий. Для руководства забастовкой был создан «Объединенный стачечный комитет».

В ответ на забастовку последовал ряд репрессивных мер со стороны белогвардейских сатрапов. Комендант крепости отдал приказ: «Союзы закрыть, а председателей и секретарей выслать в 24 часа за пределы крепости».

Однако несмотря на все преследования апрельская забастовка продолжалась в течение целого месяца и нанесла огромный ущерб колчаковскому тылу. Стачечный комитет писал, что в ответ на забастовку «власть ответила репрессиями, какие не снились романовским опричникам».

В мае 1919 года на Сучанских рудниках подпольной большевистской организацией была проведена политическая забастовка сучанских шахтеров и железнодорожников. Целью забастовки был подрыв экономической базы колчаковского тыла. Забастовка проходила под лозунгом «Ни одной тонны угля Колчаку». Она длилась около двух месяцев и создала большие затруднения в деле снабжения желез-

Японские интервенты во Владивостоке. 1919 г.

ных дорог углем. В конце забастовки значительная часть рабочих, около 400 человек, ушла в партизанские отряды Ольгинского района.

Но особенно большое значение в деле дезорганизации белогвардейского тыла сыграла всеобщая забастовка рабочих железнодорожного и водного транспорта в июне 1919 года. Величайшая заслуга большевистских организаций Приморья заключается в том, что они сумели сочетать партизанскую борьбу, в основном направленную на разрушение путей сообщения (взрывы мостов, разбор пути, спуск поездов под откос), с полной остановкой движения рабочими-транспортниками. Безудержный террор, обрушившийся на рабочих, не сломил сопротивления. Больше того: к забастовавшим присоединились рабочие ряда других отраслей производства; забастовка приняла, действительно, всеобщий характер и длилась довольно продолжительное время.

Первыми забастовали рабочие Уссурийской железной дороги. Поводом послужило увольнение 58 рабочих и служащих Владивостокского депо за принадлежность к большевистской организации, за службу в Красной армии и агитацию против администрации. Увольнения были произведены по представлению следственной комиссии во главе с инженером Железняковым.

В ответ на эти увольнения центральное бюро профсоюза железнодорожников направило к верховному уполномоченному генералу Хорвату телеграмму с требованием аннулирования работы следственной комиссии Железнякова, улучшения материального положения всех служащих дороги, создания примирительных камер и т. д. В телеграмме указывалось, что «в случае неудовлетворения предъявленных требований к 8 часам утра 3 июля забастовка неизбежна».

2 июля еще до получения ответа забастовали рабочие временных железнодорожных мастерских (2 тысячи человек), а также рабочие судостроительного завода и военного порта.

3 июля забастовка перебросилась в Никольск-Уссурийск, где под руководством местной партийной организации забастовали рабочие депо и службы тяги.

11 июля забастовали судовые команды, не получившие желаемого ответа на предъявленное их союзом требование о повышении оклада на 108%. К ним присоединилась затем судовая администрация.

Участие моряков завершило забастовку всех видов транспорта. Таким образом, армия Колчака не могла получить ни снаряжения, ни амуниции, ни боеприпасов.

Партизаны Дальнего Востока в кольце интервентов.

VII съезд советов Амурской области. 1919 г.

Забастовка вызвала смутнение и ярость в лагере интервентов и белогвардейцев. Союзное командование во главе с японцами потребовало применения самых жестоких мер против стачечников.

2 июля Хорват выпустил обращение к железнодорожникам, которое заканчивалось призывом: «Остановитесь, железнодорожники! Я верю, что вы немедленно приступите к своей работе и удержите своих товарищей, забывших долг перед родиной, от осуществления их преступного замысла и избавите их от кары по закону о военном положении, которое я вынужден объявить на Уссурийской железной дороге, дабы правительственная власть была во всеоружии в борьбе с изменниками и предателями, которые сеют среди вас смуту и подстрекают к анархии»¹.

В этот же день был издан приказ, объявлявший Уссурийскую железную дорогу на военном положении.

Особенно опасна была для Колчака забастовка работников Доброфлота.

¹ Б. архив канцелярии верховного уполномоченного на Д. В. генерала Хорвата.

В зашифрованной телеграмме из Омска командующему войсками член колчаковского правительства Окорочков предлагал «ввиду необходимости безотлагательного выхода «Ставрополя», в случае отказа судебного состава исполнить приказ, предать таковой военному суду».

2

В своем донесении от 17 июня председателю Совета министров в Омске генерал Хорват сообщает, что «железнодорожная забастовка, вспыхнувшая на станции Владивосток и перебросившаяся на станцию Никольск-Уссурийск, протекла во Владивостоке крайне вяло, а в Никольск-Уссурийске протекла всего два дня, причем была также неполной. Забастовка погасла постепенно, не вызвав ни одного дня полной остановки поездов»².

Эти успокоительные сообщения по начальству не соответствуют, однако, агентурным донесениям тому же Хорвату и тем жестоким мерам, которые

² Б. архив канцелярии верховного уполномоченного на Д. В. генерала Хорвата.

применялись для подавления забастовки.

В том же сообщении говорится: «Найденные прокламации указывают на то, что забастовки на Дальнем Востоке проводятся старыми большевистскими организациями, стремящимися использовать неудачи на Западном фронте, для того чтобы поднять дух приверженцев советской власти и внесением неурядиц возбудить всеобщее недовольство населения против правительства».

В противоречии с первыми строками своего сообщения генерал Хорват дальше констатирует, что «пропаганда эта имеет успех вследствие чрезвычайного вздорожания и несоответствия получаемых окладов...»

В этом сообщении, несомненно, верно одно: забастовкой действительно руководил Дальневосточный комитет РКП(б).

В одной из прокламаций от 13 июля 1919 года Дальневосточный комитет РКП(б) обращается к трудящимся со следующим призывом:

«Мы призываем вас всеми силами поддерживать наших бастующих товарищей. Помните, что каждый день забастовки убивает силы буржуазных наймитов, мешает им перебрасывать на фронт оружие и людей, дает возможность держаться и здесь, в области, нашим восставшим братьям. Каждый день Приморской забастовки есть тяжелый и непоправимый удар для противника»¹.

Колчаковские сатрапы на Дальнем Востоке использовали все известные им средства для подавления забастовки: предание военно-полевому и прифронтовому суду, аресты, порки, расстрелы. Бастующих увольняли в массовом порядке: за время забастовки было снято с работы свыше двух тысяч рабочих. Семьи бастующих выселялись из квартир, бастовавших же насильно отправляли в колчаковскую армию.

Вслед за объявлением Уссурийской железной дороги в полосе отчуждения, а также Владивостока и Никольск-Уссурийска на военном положении генералом Алексеевым был из-

дан приказ о мобилизации железнодорожников на военную службу.

Согласно приказу, неявившиеся в 3-дневный срок для зачисления в ряды армии «подлежат преданию прифронтовому военно-полевому суду. Уволенные служащие должны освободить занимаемые казенные квартиры»².

Рабочие не дрогнули и перед этой угрозой и в подавляющем большинстве в колчаковскую армию не пошли. Начались облавы по рабочим кварталам. 13 июля во Владивостоке было схвачено, арестовано и направлено в воинские части 800 железнодорожников.

Несмотря на невиданный террор рабочие держались стойко.

Вопреки заверениям Хорвата, что забастовка в Никольск-Уссурийске продолжалась только два дня, один из его генералов, Колобов, сообщает из Никольска: «Забастовка продолжается — арестовано четыре агитатора-забастовщика. Прошу разрешить предавать военно-полевому суду через 24 часа. Есть основания предполагать не-

¹ Б. архив канцелярии верховного уполномоченного на Д. В. генерала Хорвата.

Генералы Хорват и Гайда.
Карикатура Кукрыниксы.

¹ Крайархив, д. № 1. Хабаровск.

посредственное общение забастовщиков с красными в ближайших сопках»¹.

Железнодорожников ловили охранка и колчаковская милиция. Под угрозой расстрела их заставляли вести поезд. Интересно сообщение начальника Краевой милиции Мельгунова, занимавшегося поимкой рабочих:

«После принятого приема извлечения машинистов из частных квартир удалось захватить машиниста М., который несмотря на пятикратный вызов не являлся. Вопреки его желанию он был посажен мной на маневровый паровоз под наблюдением, с предупреждением о расстреле в случае порчи паровоза.

В тот же день, в 6 час. утра, мной с патрулем захвачен на чердаке помощник машиниста Кузьма Куженко, который по возрасту подлежит призыву по случаю забастовки»².

Несмотря на все эти меры железнодорожное движение все же не налаживалось. В сообщении начальника Уссурийской железной дороги от 14 июля генералу-лейтенанту Колобову говорится: «С маневренной работой неудовлетворительно. На Первой речке работал ночью всего один маневренный паровоз. Маневренная работа вообще налаживается плохо: то нет исправных паровозов, то нельзя сформировать паровозную бригаду; есть машинист — нет помощника или наоборот; на паровозах продолжают работать частью солдаты»³.

В одном из донесений начальника отделения по охране дорог сообщается, что машинисты конвоируются солдатами.

Забастовка железнодорожников сопровождалась соответствующими действиями партизан: разбирались железнодорожные пути, взрывались мосты, спускались под откос поезда. Благодаря действиям партизан 13 июля на 172-й и 209-й верстах Хабаровской линии произошло крушение поезда № 302 и японского броневика⁴.

¹ Б. архив канцелярии верховного уполномоченного на Д. В. генерала Хорвата.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

В донесении начальника Уссурийской железной дороги от 25 июля генералу-лейтенанту Колобову сообщается: «25 июня около 6 часов обнаружено, что разобраны оба пути на 89-й версте»⁵.

В донесении тому же Колобову от 28 июня передается: «26 июня в 3 часа на 86—87-й версте, следуя по Владивостокскому пути, потерпел крушение поезд № 35... Причина схода: был разобран путь. Сильно пострадавших людей нет, получило несколько человек незначительные ушибы... На том же перегоне Барановский раз'езд — 89-я верста был разобран и Никольский путь.

В 1 час 30 минут был начат обстрел на станции Мучная. Перестрелка между красными и японо-русскими войсками продолжалась два часа; пострадавших нет»⁶.

О положении на дороге в последних числах июля лучше всего говорит сообщение начальника Уссурийской железной дороги от 24 июля:

«На перегоне Никольск — 89-я верста был разобран путь. Поезд № 35 дошел до 94-й версты и возвратился обратно на 89-ю версту...

На перегоне Озерная Падь — Дубининский красными взяты инструменты из казарм и разобран путь. Положение еще не выяснено. Поезд № 4 стоит в Никольске. Депо Пограничная с полуночи не выпустило ни одного паровоза в сторону Никольска вследствие забастовки...

23 июля, около 4 часов, на раз'езд Дубининский пришли 10 человек вооруженных красных, обыскали служащих, ища оружие, какого не нашли. Взломали кассу, похитили 111 рублей и разбили телеграфный аппарат, который заменен в 15 часов...»⁷.

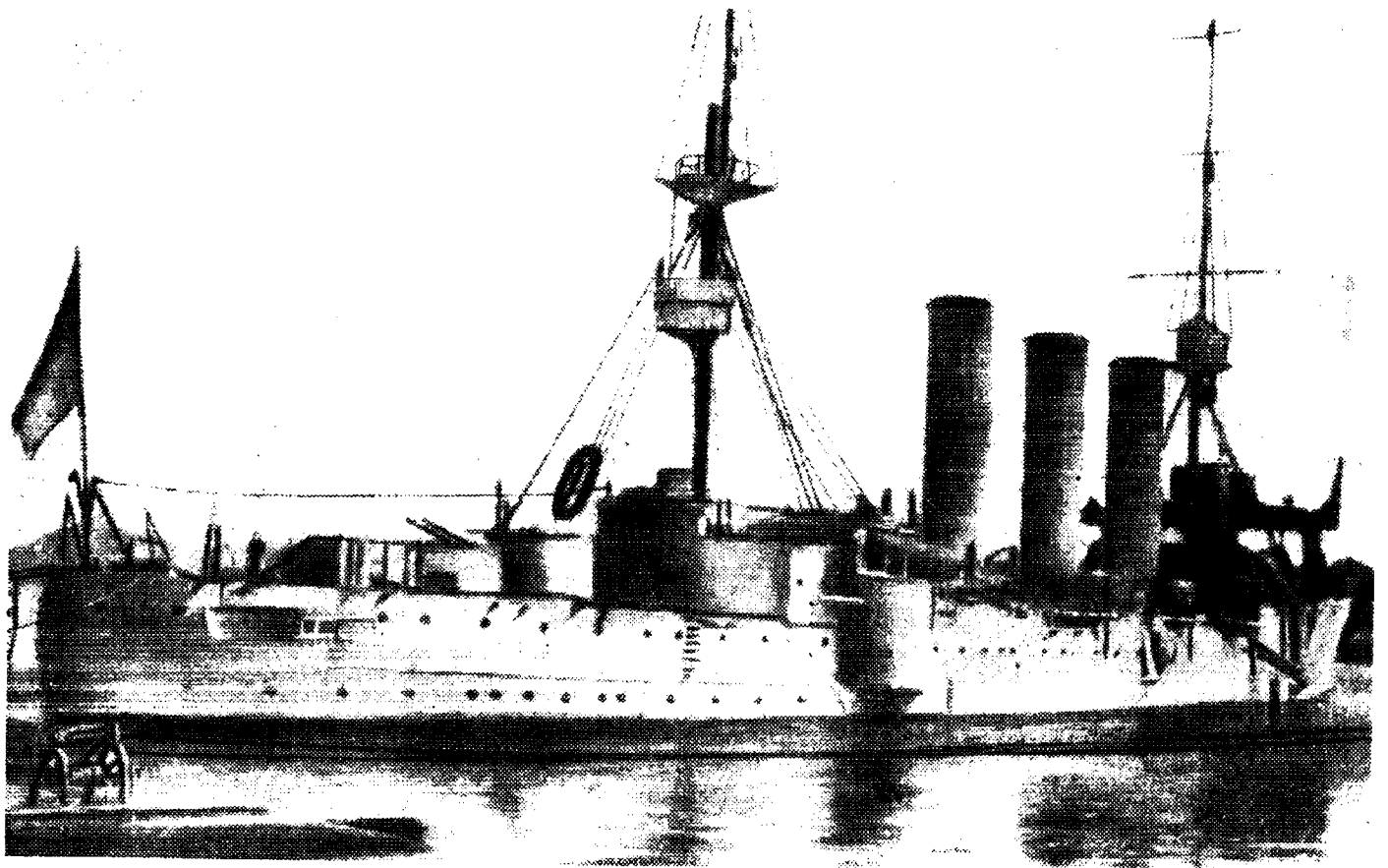
Несмотря на необычайный террор по отношению к бастующим железнодорожникам, белым и интервентам довольно долго не удавалось наладить нормальное движение на Уссурийской железной дороге.

Вплоть до последних чисел июля железнодорожный транспорт нахо-

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

Военное судно интервентов, обстреливавшее русское побережье Дальнего Востока. 1919 г.

дился в состоянии дезорганизации. Поддерживалось только частичное движение поездов, причем машинисты и поездная прислуга работали под конвоем колчаковских солдат. Но даже частичное движение поездов нарушалось действиями красных партизан, оперировавших в районе железной дороги.

Забастовка закончилась в самых последних числах июля. Закончилась она так же организованно, как и была начата, и эта организованность еще раз подтверждает то громадное влияние, которое имели большевики, руководившие забастовкой среди рабочих Уссурийской железной дороги.

Но радость белых и интервентов в связи с окончанием забастовки была преждевременна. Еще до окончания забастовки на Уссурийской железной дороге началась забастовка на КВЖД.

3

Забастовка на КВЖД также носила ярко политический характер и проходила под лозунгом — не допустить движения военных грузов в помощь Колчаку. Забастовкой руководила Харбинская большевистская организация. Железнодорожники предъявили администрации КВЖД экономические требования, неисполнение которых и

послужило формальным предлогом к забастовке.

Управляющий дорогой Лачинов в сообщении генералу Хорвату от 21 июля писал:

«От профессионального союза мастеровых и рабочих получил бумагу, что произошла стихийная забастовка, для прекращения которой необходимо выполнение следующих 7 пунктов: 1) уплаты жалованья по курсу иностранной валюты; 2) уравнивания прав поденных; 3) отмены принудительных сверхурочных работ и оплаты их, когда они проводятся по желанию, в двойном размере, ныне уплачивающихся в полуторном; 4) приема обратно администрацией уволенных членов союза, считая службу непрерывной; 5) исполнения требования уссурийцев от 3 июля; 6) уплаты за дни забастовки; 7) не оказывать на бастующих репрессий».

19 июля в главных харбинских мастерских не вышли на работу русские и китайцы, как поденные, так и штатные. В тот же день забастовали рабочие мастерских и депо на станциях Цицикар и Пограничная. 22 июля забастовала электрическая станция главных мастерских. 25 июля днем прекратили работу паровозные бригады, а также все остальные депо и рабочие

службы тяги по линии КВЖД. 27 июля к бастующим железнодорожникам присоединились рабочие судоходства.

Администрация дороги во главе с инженером Лачиновым и председателем Технического совета американцем Стивенсом приняла все меры к «мирному» улаживанию конфликта. Но все эти меры, как сознается в своем донесении управляющий дорогой Лачинов, ни к чему не привели. Забастовка разрослась, и к 25 июля движение поездов остановилось.

Стивенс добивался урегулирования конфликта путем частичного удовлетворения экономических требований рабочих.

Ввиду того что рабочие, в особенности китайские, отказывались принимать сибирские дензнаки, администрация пыталась путем разных манипуляций (частичная оплата китайских рабочих царскими дензнаками) разбить единый фронт русских и китайских рабочих.

Но попытки администрации произвести раскол потерпели полное фиаско.

Выдача части зарплаты царскими дензнаками ничего не дала. Согласно сообщению управляющего дорогой Лачинова, «китайцы заявили, что деньги должны быть хорошие, без дырочек, каковое требование явно неисполнимо, ибо все романовские деньги старые...»¹.

Когда об'явление о 100-процентной прибавке рабочим также не дало желательных результатов, администрация дороги 25 июля вывесила об'явление, предлагая возобновить работу не позднее 26 июля. «Невыход на работу, — гласило об'явление, — повлечет увольнение без уплаты за дни забастовки».

Ни китайские, ни русские рабочие не сдались на посулы администрации. Наоборот: забастовка приняла всеобщий характер.

Тогда за подавление забастовки взялась военная охрана дороги, находившаяся в ведении генерала Плешкова. Еще до об'явления забастовки

генералом Плешковым и хорватской жандармерией был разработан проект из'ятия большевиков из среды железнодорожников.

Плешков действовал самым решительным образом: предавал суду руководителей забастовки, увольнял всех забастовщиков со службы, выселял их из железнодорожных квартир и т. д.

27 июля он опубликовал воззвание, в котором взывал к патриотическим чувствам рабочих и служащих и квалифицировал забастовку как удар в спину белым армиям и как государственную измену, грозя расправиться с преступниками по законам военного времени².

Высший технический совет 31 июля выпустил со своей стороны воззвание за подписью американского инженера Стивенса, в котором предлагал немедленно вернуться на работу и давал обещание «рассмотреть жалобы служащих и найти справедливое для них решение».

Но вмешательство Союзного технического совета равно как и приказ генерала Плешкова об увольнении забастовщиков, предании их суду и призыве на военную службу не прекратили забастовки.

Забастовка все росла и из Харбина распространилась на узловые станции КВЖД: Хайлар, Хандоходзы, Бухеду и другие.

22 июля забастовочным комитетом была выпущена прокламация на китайском языке, призывавшая китайских рабочих не идти на уступки и требовать жалованья исключительно старыми деньгами.

В своих секретных сводках агенты охраны полковник Протопопов и капитан Геберлейн вынуждены признать тот громадный авторитет, которым пользовался Стаечный комитет в глазах рабочих. В секретном донесении капитана Геберлейна сообщается: «Настроение рабочих до получения ответа управляющего дорогой выжидательное. Тактика их всецело будет зависеть от приказаний Стаечного комитета»³.

¹ Б. архив канцелярии верховного уполномоченного на Д. В. генерала Хорвата.

² Б. архив канцелярии верховного уполномоченного на Д. В. генерала Хорвата.

³ Там же.

Другой охранник, полковник Протопопов, доносит: «На станции Пограничная забастовка продолжается. На общем собрании постановлено 28 июля на работу не выходить. Телеграмма генерала Плешкова оповещена всем. Настроение рабочих и служащих тяги такое, что они всецело подчиняются Харбинскому комитету, готовы приступить к работе в любое время по распоряжению последнего»¹.

В выпущенной русско-китайской рабочей организацией прокламации рабочих призывали дружно стать на защиту своих прав против японских оккупантов и буржуазного правительства Колчака. Рабочим предлагалось не принимать сибирских денег, так как «дни Сибирского правительства сочтены».

На китайцев это воззвание, по свидетельству Геберлейна, произвело огромное впечатление.

К этому времени начались аресты руководителей забастовки, но большинство из них не удалось поймать, так как они скрывались.

Генерал Плешков издал распоряжение о выселении из квартир 16 семей руководителей забастовки.

Но рабочие не сдавались. Дорога продолжала бездействовать.

Забастовщики к прежним требованиям присоединили новое—освобождение арестованных за участие в забастовке.

7 августа генерал Плешков издал приказ о введении в полосе отчуждения железной дороги военного положения, аналогичный приказу, изданному Хорватом в связи с забастовкой на Уссурийской железной дороге. Перечень репрессий за участие в забастовке включал также пункт о предании бастующих военно-полевому суду.

Согласно положению, русские власти не имели права учреждать военно-полевые суды в полосе отчуждения. Белые, однако, нашли выход.

Со станции Пограничная по линии КВЖД двинулся броневик под коман-

¹ Б. архив канцелярии верховного уполномоченного на Д. В. генерала Хорвата.

Группы рабочих, зверски замученных белогвардейцами на Дальнем Востоке. 1919 г.

дой полковника Вращеля; ему сдавались арестованные руководители забастовки. Вращель вывозил жертвы на русскую территорию и там расправлялся с ними. Таким образом в руки Вращеля попали Красницкий, Кузнецов и ряд других товарищей.

Попытки военной и гражданской администрации дороги пустить поезда встречали вооруженное сопротивление со стороны бастовавших. Управляющий дорогой Лачинов в своих донесениях называет ряд случаев обстрела поездов «забастовщиками-большевиками», взрыва железнодорожного пути и т. д.

Приезд полковника Вращеля с карательным поездом, жестокие репрессии и арест отдельных руководителей забастовки побудили Стачечный комитет издать распоряжение о прекращении забастовки.

Союзный технический совет во главе с инженером Стивенсом всячески поощрял репрессивные меры, применявшиеся к бастующим. Приводим характерное письмо Стивенса по поводу требования освободить арестованных забастовщиков. Письмо без даты, написано приблизительно в десятых числах августа:

«Положение с забастовкой медленно улучшается. Движение пассажир-

ских поездов почти нормально. Поведение вожаков забастовки вызывающее: они отказываются начать работы ранее освобождения арестованных. Я не могу одобрить такое освобождение из-под ареста: это будет признаком слабости. Сообщите председателю комитета, что если русские власти недостаточно сильны, я уверен, что китайские власти окажут вооруженную поддержку. Сейчас как раз время. Законное применение вооруженной силы разрешит вопрос...»¹.

Как же держались китайские власти в отношении забастовки? Имеющиеся материалы свидетельствуют о помощи, оказанной китайскими военными администрации дороги. Из сообщения генерала Плешкова явствует, что 1 августа, после долгих переговоров, получено согласие генерала Гао на оказание содействия в деле охраны служащих дороги, желавших стать на работу, и в ограждении дороги от нападения хунхузов.

Отношение Японии к забастовке на КВЖД со всей яркостью характеризует противоречия в лагере империалистических держав, проводивших интервенцию на Дальнем Востоке.

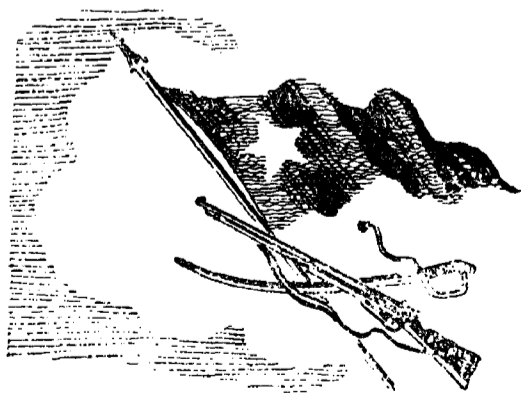
Япония, преследовавшая свои собственные цели, не была заинтересована в охране железнодорожной ма-

гистралли, находившейся под контролем американцев. Наоборот: она всячески стремилась усугубить беспорядок на КВЖД с тем, чтобы вытеснить оттуда американцев. Японцы натравливали хунхузские отряды, которые нападали на железнодорожные станции (Пограничная, Хандахэдзы), обстреливали поезда и т. п. Приведение дороги в неработоспособное состояние было выгодно для японцев, которые рассчитывали использовать создавшееся положение и прибрать дорогу к своим рукам.

* * *

Июльско-августовская забастовка 1919 года на Уссурийской железной дороге и КВЖД свидетельствует о подлинном большевистском руководстве Дальневосточного комитета РКП(б) и забастовочного комитета Уссурийской железной дороги, сумевших увязать железнодорожную забастовку с партизанским движением, парализовать железнодорожное движение почти на месяц, несмотря на неслыханный белый террор и кровавые репрессии и значительно затормозить посылку вооружения и амуниции на колчаковский фронт. Забастовка свидетельствовала о громадном влиянии и авторитете большевистской партии среди пролетариата Дальнего Востока, показавшего подлинные образцы пролетарской стойкости и солидарности.

¹ Б. архив канцелярии верховного уполномоченного на Д. В. генерала Хорвата.

К ИСТОРИИ МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Е. Леваковская

ДРЕВНЯЯ

МОНГОЛИЯ

История монголов до Чингис-хана

Монгольская народная республика расположена в центре Азиатского материка. Не даром некоторые ученые называли Монголию Древним теменем Азии. Она занимает огромную территорию — около полутора миллионов квадратных километров, — равную по величине Англии, Франции и Германии, вместе взятым.

Еще задолго до нашей эры по степям и горам Азии кочевало огромное количество совершенно обособленных друг от друга племен. Наиболее значительными из них были племена гуннов с их предводителем Аттилой, поднявшим на Западную Европу за три века до нашей эры неисчислимые полчища кочевников.

Несколько сот лет спустя гуннов сменили турки-огузы, которых в свою очередь сменили уйгуры (одно из северных турецких племен). После уйгуров, в конце IX века, власть перешла к киргизским племенам. И уже на смену киргизскому владычеству пришли монголы. Такова в общих чертах картина Центральной Азии до появления на исторической сцене Чингис-хана.

Самое слово «монгол» впервые появилось в китайских летописях в эпоху господства в Китае так называемой Танской династии (618 — 907 годы нашей эры), свыше тысячи лет назад. Тогда, по одной из версий, монголов называли «ши-вей-монгоу», в более

поздних летописях, X и XI веков, произношение этого слова уже приблизилось к современному — «мэнгу» и, наконец, «монгу-ли».

Но ни в одном из этих случаев понятие «монгол» не определяло еще единого народа, как определяет теперь.

В районе озера Буир, которое находится на теперешней границе Монгольской народной республики с Манчжурией, кочевали татары; по рекам Толе и Орхону — керейтские племена; между Алтаем и Хангайским хребтом — найманы. Вообще Центральная Азия в тот период была заселена огромным количеством не связанных друг с другом больших и маленьких племен, непрестанно передвигавшихся со своими стадами с места на место и не объединенных между собой никакой государственной организацией.

Между татарами и керейтами в Восточной Монголии, по рекам Онону и Керулену, кочевал род Борджигин. В XIII веке из этого рода произошел Чингис-хан, сделавший имя монгол известным всему миру.

В эпоху, предшествующую появлению Чингис-хана, в быту кочевников господствовал родовой строй, находящийся, однако, уже в стадии разложения. Техника производства была еще на очень низкой ступени развития. Кочевое скотоводство отдельных родов и племен, не обогащенное общим опытом, было чрезвычайно экстенсивным и полностью зависело от капризов природы. Выработка шерсти, войлоков, шкур была очень примитивной и требовала долгого и тяжелого труда. Оружие для охоты (лук, копье и пр.) было так же несовершенно. Каждый человек вырабатывал примерно столько, сколько было необходимо для поддержания его жизни. Поэтому эксплуатация одного человека другим, естественно, еще не могла возникнуть.

Деление на классы произошло позже, когда, заимствовав друг от друга и от более высоких по культуре стран Средней Азии и Китая опыт организованного выпаса скота, ряд улучшенных

Кочевник из племени Хуй Хэ.
Северная Монголия.
Китайское изображение VIII—IX века.

орудий производства, кочевник стал выработать больше продуктов, чем это было необходимо лично для него. В связи с этим стало выгодно иметь раба, чтобы отнимать у него этот выработанный им излишек продуктов.

Все члены рода (обычно связанные между собой родством) были равны и все имели право на родовое имущество. Добыча, взятая на охоте, делилась между всеми. Род имел выборного военачальника — старшину, который и разрешал все несложные вопросы общественной жизни. Род не являлся единицей, совершенно обособленной от других родов.

Обычно несколько кочевых родственных родов, объединенных общностью языка и территориально связанных друг с другом, образовывали племя. Племена иногда вступали в союз племен, и это было самым крупным объединением эпохи родового строя.

Главным занятием кочевых племен в описываемую эпоху (X—XIII века) являлось скотоводство, которое находилось на очень низком уровне развития, и охота. Племена кочевали в пределах своих земель, переходя с одного места на другое по мере того, как скот об'едал траву вокруг старой

стоянки. Скот давал кочевнику все необходимое для жизни: мясо, молоко, шкуры и шерсть для одежды, войлоки, средства передвижения, тетиву для стрел. Кочевник полностью зависел от своего стада, состояние которого было тесно связано с природными условиями. Поэтому совершенно понятно, что господствующей и, пожалуй, единственной религией азиатских кочевников той эпохи была религия, одухотворяющая силы природы. Такой религией у кочевников был шаманизм.

Монгольские кочевники верили в духов земли, неба, в духов предков (отсюда богатые похороны умерших, когда в могилу вместе с телом укладывалось любимое оружие, лучший конь и т. д., чтобы душа умершего ни в чем не нуждалась на том свете).

Посредником между этими духами и людьми служил шаман. Он предсказывал различные события, разговаривал с душами умерших, заговаривал болезни. Понятно поэтому, что шаман играл очень большую роль в жизни племени.

С течением времени техника производства постепенно совершенствовалась.

Большое значение в этом отношении имела торговля с кочевниками, которую развили китайские и среднеазиатские купцы. Улучшилось оружие, появились орудия и новые способы для ускорения производства войлоков, выделки шкур и даже для производства материй из верблюжьей шерсти (при Чингис-хане эти материи были известны даже за пределами Центральной Азии). Самое скотоводство, оставаясь в общем чрезвычайно экстенсивным, все же обогащалось обобщенным опытом отдельных скотоводческих племен и приспособлялось к климатическим особенностям отдельных районов и т. д. В результате этого у скота выработывался целый ряд ценнейших качеств, которые сохраняются и на сегодняшний день: неприхотливость, выносливость, способность быстро получать нагул после долгих голодовок и т. д.

В связи с ростом производительных сил росло и население. Сделались необходимыми более прочные союзы отдельных родов и племен. Война, кото-

рая раньше была только средством мести или, в крайнем случае, средством захвата чужих пастбищ и скота, постепенно становилась средством грабежа и овладения рабами. Должность военачальника в этих условиях сделалась постоянной.

Таким образом, к концу XII столетия родовой строй оказался накануне полного распада и создались все предпосылки для возникновения нового строя — феодального.

На рубеже этих двух эпох появился Чингис-хан, один из величайших полководцев в мировой истории.

Эпоха Чингис-хана Возвышение монголов

В 1155 году в роде Борджигин у кочевника-монгола Исугей-Батора родился сын. В честь побежденного вождя вражеского племени его называли Темучином. Тринадцати лет Темучин потерял отца. Став взрослым, он начал заниматься тем же, чем занимались многие из его соплеменников: организовал отряд и совершал налеты и грабежи.

Точных сведений об этом периоде его жизни история не сохранила. Есть версия, что молодой Темучин свыше десяти лет находился в плену у вражеского племени. В 1190-х годах он уже появился в монгольских степях во главе большого отряда. Благодаря его исключительным военным и организаторским способностям большинство совершаемых им набегов было удачно. Слава его быстро росла — он собирал вокруг себя все больше и больше сторонников. В 1199 году он вместе с керейтским князем разбил племя найманов, а в 1203 году разбил уже и самих керейтов. После этого Темучин подчинял своей власти одно племя за другим, покорил татар и царство Ся, находившееся в зависимости от Китайской империи.

В 1206 году Темучин созывает великий курултай — съезд военачальников, — который провозглашает его императором монголов под титулом Чингис-хана.

С этого, собственно, момента и начинается быстрое и неожиданное для современников Чингис-хана возвышение монголов.

Мужчина из племени Ду-бо.
Китайское изображение VII — X веков.

С начала XIII века по 1350 год монголами в разное время были завоеваны: Северный Китай, Тангутское государство (нынешняя провинция Ганьсу), Кара-Китай (Восточный Туркестан, западная часть Гоби и Шамо), Хорезм, Восточный Тибет, Персия, Южная Россия, Венгрия и Трансильвания. Кроме того монголы производили набеги на Индию, Польшу, Литву и другие страны.

Еще в царствование самого Чингис-хана, в 1224 году, произошла знаменитая битва кочевников с русскими на реке Калке, в которой монголы впервые разгромили русских князей.

В XIII веке монголы стали известны всему миру: их знали не только в Азии и Европе, но и на африканском континенте.

Имя Чингис-хана заставляло трепетать весь мир. Огромная армия кочевников, лавиной низвергаясь на цветущие страны, культура которых была гораздо выше культуры монголов, нередко оставляла за собой развалины городов, вытопанные посевы, горы трупов.

По некоторым преданиям, повидимому, весьма преувеличенным, походами Чингис-хана было уничтожено свыше десяти миллионов человек и

разрушены огромные, вошедшие в историю города Средней Азии: Бухара, Самарканд, Мерв, Герат и другие.

Войска Чингис-хана разделялись на десятки, сотни, тысячи, десятки и сотни тысяч. Сотня тысяч воинов называлась «тьмой», а их начальник — «темником». Каждый воин обязательно имел в обозе несколько запасных лошадей. Воины были защищены плетеными кожаными латами, наколенниками и шлемами. Вооружены они были луком, стрелами, топором, веревками и мечом. За войсками на десятки верст тянулись обозы с палатками, утварью, оружием.

Легче всего монголы побеждали в открытом бою, но они не останавливались и перед длительной осадой городов, из которых почти каждый являлся тогда укрепленной крепостью. При осаде городов в ход шли все средства: и подкуп, и обещание помилования, и серьезные технические работы, вплоть до отведения русла рек, для того чтобы лишить осажденных

воды. Осада продолжалась иногда месяцами. Нередко войска Чингис-хана вырезали все боеспособное население побежденных или сдавшихся городов, оставляя в живых лишь женщин, детей и ремесленников (лучших мастеров отправляли в монгольские степи).

Не даром европейские путешественники: Плано Карпини, посол Людовика IX — монах Рубрук и знаменитый Марко Поло, побывавшие в столице Чингисханидов (так впоследствии назывались сыновья и потомки Чингис-хана, правившие после него в Кара-Коруме), — отмечают необычайную роскошь этого города. В Кара-Коруме работали лучшие мастера всех земель, покоренных монголами и даже не подвластных им: русские и английские архитекторы, парижские ювелиры, китайские и турецкие ремесленники.

Побежденные города и государства платили монголам богатую дань. В монгольские степи текли золото, ковры, всевозможные предметы роскоши, лучшие вина. Каждый воин, сдавая хану определенную часть захваченной добычи, немалую долю привозил еще домой. Походы обычно продолжались по нескольку лет.

Чингис-хан умер в 1227 году, но с его смертью завоевания монголов не кончились. В 1237 — 1240 годах внук Чингис-хана — Батый — покорил Русь и производил набеги на Польшу и Венгрию. При четвертом после Чингис-хана императоре — великом хане Хубилае — монголы закончили покорение Китая, завладели Индо-Китаем и Тибетом.

В царствование того же Хубилая монголами была предпринята попытка покорения Японии, не увенчавшаяся успехом благодаря специфическому, островному положению Японии.

В 1271 году Хубилай перенес свою резиденцию из Кара-Корума в Китай и объявил себя китайским императором, положив начало Монгольской, или Юаньской династии.

Причины возвышения монголов

Объяснить победы монголов силой и талантом одной только личности Чингис-хана, конечно, нельзя.

Как говорилось выше, развитие

Чингис-хан. Китайское изображение. Гос. ист. музей.

техники в окружающих Монголию странах и накопление в них больших богатств создавали большую жажду наживы. Преимущества же монголов в военном отношении были настолько велики, что ни одна из этих стран не могла оказать им серьезного сопротивления, тем более что большинство государств, на которые обрушились полчища кочевников, были расшатаны внутренними противоречиями.

Ряд подвластных Пекину районов Китая не поддержал китайского императора в его борьбе с Чингис-ханом, а некоторые из китайских феодалов просто перешли на сторону кочевников.

Мухамед — владыка Хорезма — пришел к власти в результате длительной династической распри и не сумел устойчиво объединить весь Хорезм к началу войны с Чингис-ханом. Крупные города и районы Хорезма защищались от кочевников каждый порознь, на свой страх и риск, не поддерживая друг друга.

Русские князья, владевшие мелкими уделами и часто враждовавшие друг с другом, также не могли объединиться для совместной борьбы с монголами.

С другой стороны, в монгольских племенах и после объединения их Чингис-ханом еще долгое время сохранялась крепкая родовая солидарность, родственная спайка, делавшая каждый монгольский отряд единым целым.

Кроме того, объединив все монгольские племена под своим началом, Чингис-хан завел твердую централизованную власть. В эту эпоху мощь отдельных феодалов еще не достигла таких размеров, как впоследствии.

По первому зову хана каждый из них должен поступить в полное распоряжение начальника, имея коня, людей и оружие. Это давало Чингис-хану возможность установить чрезвычайно стройную военную организацию. Все мужское население было разбито на военные единицы по системе феодальных уделов, но сами феодалы в военном отношении полностью подчинялись хану.

Очень большое значение имело также и то обстоятельство, что кочевники обладали возможностью исключи-

Чингис-хан на троне.
Персидская миниатюра.

тельной (по тому времени) быстроты передвижения. Каждый монгол — и мужчина и женщина — с детского возраста привыкали к седлу, и огромные переходы, которые для любой другой кавалерии были бы просто невозможны, для кочевников не представляли трудности.

Большую роль играла также физическая выносливость и неприхотливость монголов, их закалка, благодаря которой воины могли по нескольку дней, не выходя из строя и не теряя боеспособности, питаться в походе только кровью своих лошадей, делая на шеях последних небольшие ранки.

И, наконец, необходимо отметить знаменитый закон Чингис-хана — «Яса», — который незыблемо вошел на многие десятки лет в быт монгольских кочевников. В письменном виде он не сохранился, но изустно, видимо, передавался из поколения в поколение и дошел до наших дней.

«...Если во время боя, — гласил «Яса», — у воина упадет лук или оружие, едущий позади обязан поднять упавшее и вернуть товарищу. За невыполнение — смерть.

...В битвах и походах никто не

должен есть пищу, пока не отведает ее тот, кто угощает ею.

...Запрещено считать что-либо нечистым. Все чисто. Все может быть употреблено в пищу.

...Перед сражением начальники обязаны осматривать войска и оружие, чтобы все было в порядке. За недосмотр — тяжелое наказание.

...Если начальник в нужде обратится за помощью не к своему хану, а к чужому, — смерть.

...Если в битве или походе кто-либо оставит назначенное ему место, — смерть».

Еще при жизни Чингис-хана «Яса» получил огромное распространение во всех монгольских землях. «Яса» включал в себя не только все правила, касающиеся военной подготовки и ведения войны, но и всевозможные наставления о ведении хозяйства вообще, о недопустимости загрязнения рек, о том, как нужно убивать животных с наименьшей потерей их крови, и т. д.

По «Яса», в завоеванных государствах допускалось сохранение прежней

религии и всех ранее существовавших порядков, только назначались монгольские наместники и страна обязывалась платить дань монголам.

Словом, «Яса» объединил и подытожил весь вековой опыт монгольских кочевников и их войн. Он прочно вошел в монгольский быт и сохранял большую силу даже после того, как экономические причины и определенная общественная обстановка, породившие его, уже исчезли.

Таковы были основные причины тех огромных побед, которые одерживали монгольские орды над окружающими их народами. Эти победы дали возможность монгольским ханам обсуждать на одном из курултайев подробный план завоевания всего мира, т. е. всего Европейского и Азиатского материков.

Но этот план так и остался невыполненным. Напротив, гигантский подъем монгольских племен сменился долгим периодом упадка. Монголия начала терять одну за другой завоеванные прежде земли, пока, наконец, не дошла до своих современных пределов и не подпала под тяжелый, продолжавшийся свыше двухсот лет гнет Китая.

Какие же причины привели монголов, так высоко поднявшихся на историческом горизонте, к этому упадку?

Падение монголов

Падение монголов, как и возвышение их перед этим, имеет свои глубокие исторические корни. Причины разложения, которое привело некогда могучий народ к долгим годам полурабского существования, годам глубокого политического и экономического упадка, возникли еще во время расцвета монгольского государства.

Бесперывные и победоносные войны сосредоточили в руках монголов огромные богатства. Все покоренные страны платили победителям колоссальную дань. Страна кочевников богатели, но собственное хозяйство монголов оставалось на чрезвычайно низкой ступени развития.

Огромные богатства, накопленные и вновь поступающие в страну, распределялись уже не поровну между всеми воинами, как распределялась до-

Сабутай — лучший полководец Чингис-хана. Китайское изображение. Гос. ист. музей.

быча при родовом строе. В империи Чингисханидов, начиная с самого Чингиса, как уже говорилось, господствовал военно-феодальный строй. Управление находилось в руках уже не выборного старшины, а группы постоянных начальников-феодалов. Понятно, что и богатства, награбленные в войнах, и захваченные пленники сосредоточивались главным образом в руках этих феодалов — военачальников.

И если в эпоху Чингис-хана мощь отдельных феодалов еще не достигла тех огромных размеров, которые она приобрела впоследствии, и в стране еще имели место остатки родового строя, родовая солидарность, родственные и племенные связи, то в описываемые годы, т. е. после 1260 года, положение резко изменилось: в руках феодалов накопились огромные богатства, мощь их сильно возросла.

Уже после четвертого хана Чингисова дома империя, основанная на военно-феодальной организации и не связанная экономическими узами, распалась на уделы и начались междоусобицы. Начался процесс распада централизованного, связанного родовыми узами государства — того государства, которое дало возможность Чингис-хану установить стройную военную организацию, сделавшую монгольскую армию сильнейшей на континенте. Каждый феодал все больше и больше стал заботиться о своих собственных интересах. Суровые и неприхотливые, вожди кочевников постепенно превращались в изнеженных, привыкших к роскоши и богатству властителей. Теперь многим уже казалось странным, что Чингис-хан, уже будучи императором, мог на коне, с саблей в руке, лично драться в боях как простой воин. Роскошь прочно вошла в быт монгольских феодалов.

Наряду с этим хозяйство всей страны в целом находилось на той же очень низкой ступени развития, оставаясь почти таким же, как и несколько сот лет назад, в то время как производительные силы в покоренных странах росли. Оседлое хозяйство Руси, Китая и других стран развивалось. Наступил момент, когда монгольский феодализм, построенный на основах примитивного кочевого хо-

Монгольские властители в Персии. Персидская миниатюра XIV века.

зяйства и внеэкономического принуждения побежденных, оказался не в состоянии удержать власть над культурными земледельческими народами, у которых уровень развития производительных сил был значительно выше монгольского.

Все эти причины, а также непрерывные междоусобные войны между отдельными феодалами, истощающие страну изнутри, привели к распаду Монгольской империи.

Переход Монголии в подданство Китая

Периодом наибольшего расцвета империи монголов было время царствования самого Чингис-хана и четырех первых ханов из его дома (с 1206 по 1259 год).

После смерти последнего из этих ханов — Мункэ — уже начались распри. В 1264 году великому хану Хубилаю в последний раз удалось преодолеть междоусобицу и твердо стать во главе Монголии и Китая. Он перенес резиденцию монгольских ханов в Пекин, положив начало Юаньской династии. С этого времени Монголией уже управляли из Китая, а представители царского рода, оставшиеся жить в стране, играли только роль главнокомандующих.

После Хубилая Монголо-китайская империя начала быстро приближаться к упадку. Росли и усиливались меж-

доусобицы из-за престолонаследия после смерти каждого хана. В 1369 году монгольская династия Юань была свергнута. Китаец Юань-Чжень, заняв столицу Китая, провозгласил себя императором и положил начало новой династии — Миньской.

Опасаясь монгольских ханов, императоры Миньской династии стали преследовать Чингисханидов. Последние опять перенесли свою резиденцию из Китая в Кара-Корум. Весь период с 1368 по 1644 год прошел в непрерывной вражде между монголами и китайцами. Монгольская империя быстро распадалась, теряя одну за другой завоеванные страны. Началась борьба между отдельными народностями и внутри страны. В 1544 году Даян-хан, умирая, разделил Монголию по числу своих сыновей на одиннадцать уделов.

С этого времени империя как целое уже не существовала. Страна фактически распалась на две части: северную и южную; последняя в 1582 году разделилась в свою очередь на юго-западную и юговосточную.

Начавшееся после Даян-хана дробление некогда великого государства продолжалось: югозападная часть раскололась на сорок два мелких удела, окончательно потеряла самостоя-

Угедей, сын Чингис-хана.
Персидская миниатюра из собрания Гуарт
в Париже.

ность и начала платить дань Китаю. Юговосточные уделы подпали под власть своих соседей — окрепших к тому времени воинственных манчжур. К 1640 году в Южной Монголии уже не осталось ни одного самостоятельного удела.

Северная Монголия, или, как ее иначе называют, Халха, в XVI и XVII веках также была раздроблена на мелкие уделы, числом свыше пятидесяти. Эти уделы вели совершенно обособленное друг от друга существование и управлялись князьями, которые самостоятельно заключали союзы, враждовали друг с другом и т. д.

Совершенно понятно, что при такой раздробленности и Северная и Южная Монголия в XVI и XVII веках окончательно утратили всякую способность сопротивления внешней опасности. Разобщенность и бессилие монголов привели к тому, что к 1640 году даже без войны большинство князей оказалось в полной зависимости от манчжуров, которые к тому времени стали уже фактическими хозяевами Китая, основав там свою императорскую династию.

В 1691 году, спасаясь от нападений чжунгаров, объединившихся под предводительством князя Галдана, халхасцы окончательно приняли китайское подданство и отдались под защиту Китая.

Начиная с конца XVII века вплоть до последних лет, предшествовавших монгольской национально-освободительной революции, т. е. двести с лишним лет, продолжался глубокий упадок Монголии. Из воинственного народа, некогда угрожавшего всему миру, монголы превратились в мирных пастухов, подвергавшихся эксплуатации и притеснениям со стороны китайских правителей. А страна из могущественнейшей империи Азии стала колонией некогда покоренного ею Китая. Значительную роль в упрочении господства Китая над Монголией в эпоху упадка Монгольской империи сыграла новая религия — ламаизм, сменившая господствовавший ранее шаманизм.

Проповедники ламаизма начали проникать из Тибета в Монголию со второй половины XVI века. К концу XVI

столетия ламаизм уже прочно обосновался в стране. Вскоре он стал общегосударственной религией Монголии, которой оставался вплоть до революции 1921 года.

Ламаизм являлся особой ветвью чрезвычайно широко распространенного по Азии религиозного учения — буддизма. Сохраняя с буддизмом общие религиозные догмы, ламаизм на практике был значительно менее требователен к своим последователям. Ламаистская этика мирилась с целым рядом так называемых «черных деяний» — смертных грехов — для буддиста (близость с женщиной, мужеложество и т. д.). Монгольские ламы очень часто имели даже семью, детей и тем не менее оставались ламами.

Сущность этого нового для монголов вероучения коротко сводилась к следующему.

Ламаисты верили, что существует высший бог — Будда — и много средних и мелких божеств, злых и добрых. Посредниками между богами и человеком являлись буддийские монахи — ламы.

Основной проповедью лам являлся призыв к покорности и непротивлению существующему строю. Ламаизм учил, что жизнь полна страданий, коротка и поэтому не стоит даже пытаться делать ее лучше. Чем больше страдает человек в этой жизни, тем счастливее будет после смерти его душа. Лама являлся прямым заместителем бога на земле, слово его было свято, и поэтому вполне понятно, каким авторитетом пользовалось ламство среди забитой, темной массы верующих монголов.

Ламы делились по сану на младших и средних. Высшее ламство почиталось населением святым. Представителем верховной духовной власти в Монголии был так называемый первый лама Боддо-Геген, в котором, по верованию ламаистов, воплощался сам бог.

Мы опускаем здесь вопросы перерожденчества («хубилганства») и другие вопросы ламаистской догматики, так как они являются слишком сложными для того, чтобы быть освещенными в короткой статье.

Китайские правители, превратившие Монголию в свою колонию, всячески

Батый, внук Чингис-хана, завоеватель Руси. Китайское изображение. Гос. ист. музей.

способствовали распространению в ней ламаизма, который призывал не к борьбе за освобождение угнетенных, а к полной покорности. Ламаизм проповедывал, что самым достойным занятием в жизни человека является не борьба за улучшение условий существования, а бездейственное созерцание и размышление на благочестивые темы. Ламаистское учение оказывало огромную помощь китайским властям и монгольским ханам в полном порабощении всей массы трудящихся монголов. Поэтому оно пользовалось особым покровительством монгольских князей Китая.

В 1586 году в Монголии был построен первый крупный ламский монастырь — Эрдени-Цзу; вскоре вся страна покрылась густой сетью монастырей. Число лам — монахов — быстро росло. Ламы жили несравненно лучше простого арата — кочевника, —

Храм Лулоса. Постройки в ламаистском монастыре. XVIII в.

и это привлекало поступающих в монастыри. Содержание многочисленных монастырей тяжелым грузом ложилось на плечи аратства, и без того задавленного бесконечными поборами и налогами в пользу князей и китайской казны.

С течением времени ламство превратилось в огромную армию, работающую на защиту интересов монгольских феодалов и китайских правителей.

Достаточно сказать, что накануне национально-освободительной революции число лам в Монголии, по приблизительному подсчету, равнялось почти одной трети всего мужского населения страны.

Эпоха китайского владычества

Итак, начиная с конца XVII столетия Монголия уже полностью и окончательно превратилась в колонию Китая. С этого времени все усилия китайского правительства были направлены на укрепление своего влияния в Монголии.

В 1719 году китайцами был проведен ряд мер, направленных к ограничению власти монгольских князей.

Было обнародовано постановление о запрещении заводить сношения с какими бы то ни было иноземными

властителями, так как Китай хотел сохранить Монголию только для своей эксплуатации.

Князьям был запрещен разбор тех уголовных дел, по которым присуждался смертный приговор; все важнейшие гражданские дела было предписано также представлять на рассмотрение в Пекин. Делопроизводство в Монголии было приказано вести на манчжурском языке.

В 1781 году китайцы издали «Положение об управлении Монголией», по которому на все руководящие должности должны были назначаться только манчжуры. К 1786 году монголы полностью и окончательно были отстранены китайцами от участия в управлении страной.

Духовным главой всей страны китайцы попрежнему оставили первого ламу Богдо-Гегена, фактически бывшего лишь орудием в их руках. Действительным правителем Монголии стал китайский генерал-губернатор Цзянь-Цзюнь, имевший резиденцию в г. Улысутая и двух помощников — амбаней — в городах Кобдо и Урге.

С течением времени монгольские феодалы потеряли всякое желание и возможность быть независимыми. Полная разобщенность их и упорная колонизаторская политика Китая, на-

правленная к ослаблению княжеского сословия в Монголии, сделали свое дело. Китайское правительство уравнило в правах ханов и простых уездных князей и постановило выплачивать тем и другим особое содержание из Пекина. Монгольские князья оказались, таким образом, в прямой материальной зависимости от Китая. Широко распространены были также и различные пожалования, награды, идущие от китайского богдыхана, вплоть до подкупов. Наконец, стал усиленно практиковаться обычай выдавать китайских принцесс замуж за монгольских князей. В этом случае хан получал почетный титул «зятя императора» и различные материальные преимущества.

Такая политика Китая привела к тому, что среди монгольских феодалов развились низкопоклонничество перед китайцами, интриги и борьба друг с другом. В погоне за наградами и отличиями князья растеряли даже те остатки единства и независимости, которые у них еще были. Монголия окончательно превратилась в колонию Китая. Китайский ростовщический капитал, китайский купец и чиновник стали полновластными хозяевами в ее экономике и политике.

Китайский ростовщический капитал ничуть не менял того чрезвычайно примитивного способа ведения скотоводческого хозяйства, который существовал в Монголии, вытягивая из него все соки.

Китайские купцы заботились только о том, чтобы монгольский кочевник полностью находился в зависимости от их лавок. Очень характерен в этом отношении тот факт, что в Монголию был запрещен даже ввоз металла, чтобы монголы не могли сами производить необходимые им вещи и оружие. Из Китая импортировались только готовые предметы домашнего обихода.

Арат мог купить необходимые ему чай, просо, табак, седло, любой предмет только в китайской лавке, где купцы брали с него втридорога, так же как он никому не мог продать шерсть своих овец, кроме китайского купца, который давал грошовую цену. Таким образом монгольское аратство

оказалось в полной зависимости от китайских купцов.

О том, какие громадные прибыли извлекал Китай из обнищавшего монгольского хозяйства, ясно говорят следующие цифры. К 1911 году только несколько хошунов по всей Монголии не были должны китайским фирмам. Одна только фирма «Да-Шен-Ку» в том же году угнала в Китай даже не за долги, а только за проценты на задолженность 70 тысяч лошадей и 500 тысяч баранов.

Двухсотлетний период китайского владычества создал и укрепил, таким образом, в Монголии систему тройного гнета для аратства.

Кочевник-скотовод имел на своих плечах китайских ростовщиков и чиновников, содержал своим трудом князя, и по закону арат обязан был оплачивать покупку лучших скакунов для княжеского двора, поездки князя в Пекин на поклонение богдыхану; существовала даже круговая порука, по которой араты обязаны были платить долги своего князя, если он их не платил, и, наконец, тот же арат должен был содержать всю огромную армию паразитов — лам.

В довершение всего с конца XIX столетия началась колонизация Монголии китайскими земледельцами. Лучшие земли были отданы колонистам, а монголы были оттеснены на худшие пастбища.

Стада — главный показатель благосостояния кочевника — перестали увеличиваться. Отсталые методы ведения хозяйства, полное отсутствие какой бы то ни было борьбы с социальными болезнями, бесконечные подати и поборы — все это привело к тому, что монгольское аратство дошло до крайней степени некультурности и обнищания.

Но тяжесть, которая легла на плечи монгольского арата и довела его до последней степени бесправия и нищеты, была слишком велика. И никакие ламские призывы к покорности, никакие плети монгольских феодалов и пытки китайских властей не могли остановить волны возмущения, которая нарастала в аратских юртах. В 1921 году это возмущение вылилось в на-

ционально - освободительную революцию.

Царизм в Монголии

Двести с лишним лет Пекин безраздельно властвовал над Монголией. Но с 1904 — 1905 годов положение несколько изменилось. Царская Россия, потерпев поражение в русско-японской войне, решила возместить свои неудачи на Дальнем Востоке укреплением влияния в Центральной Азии. С этого времени царизм стал вести энергичную борьбу за то, чтобы включить Монголию в сферу своего политического и экономического влияния. Началась борьба Китая и России за Монголию.

Царское правительство открыло в Монголии ряд русских консульств, послало торговую экспедицию, выдвинуло проект соединения Великого сибирского пути с центром Монголии — Ургой.

Китай в свою очередь принял меры к упрочению своего влияния. В Пекине было принято решение осуществить так называемый «китайский барьер». Сущность этого плана заключалась в следующем. Китайцы предполагали взять все земли вдоль северной границы Монголии с Россией под пашни, заселить их китайскими земледельцами-колонистами и тем самым создать своеобразный барьер, который оградил бы Монголию от России. В Харбине и Урге были созданы особые колонизационные бюро, которые организовали переселение китайских земледельцев в Северную Монголию.

Проект создания такой широкой земледельческой полосы в Северной Монголии вызвал резкое недовольство со стороны монголов, которым при экстенсивности их скотоводческого хозяйства были нужны огромные пастбищные угодья, чтобы хоть относительно сохранять свои стада, а массовое переселение китайцев и создание широкой земледельческой полосы означали сильнейшее сокращение пастбищ. Развитие земледелия в таких условиях и такими методами несло гибель скотоводческому хозяйству, а следовательно, и всей стране.

В этой обстановке агитация царских дипломатов, направленная против китайцев, имела большой успех. Летом 1911 года в Урге собрался съезд халхасских князей и высших лам, который обсуждал вопросы колонизации Северной Монголии. Во время съезда восемнадцать князей организовали заговор и отправили делегатов в Петербург просить русского царя принять Монголию под свое покровительство. Получив согласие, заговорщики стали готовить переворот.

Отделению Монголии от Китая также очень помогла происшедшая в 1911 году в Китае революция, во время которой была свергнута царствовавшая в течение двух с лишним веков манчжурская династия Дайцингов. Это обстоятельство помогло монголам юридически обосновать свою борьбу за отделение, так как в XVII веке монголы принимали именно манчжурское подданство, а не китайское.

18 ноября 1911 года в Урге без особого кровопролития произошел переворот. Китайский гарнизон сдался, ургинский амбань (губернатор) бежал в русское императорское консульство, а князья выпустили воззвание к монгольскому народу, в котором говорилось, что «...наша Монголия была издавна независимой страной. Поэтому мы хотим править снова по нашим прежним обычаям. С этого времени иностранцы (китайцы и манчжуры) не могут больше принимать участия в наших политических делах. Огненные мы отрешаем от должностей всех китайцев и манчжур, занимающих как высокие, так и незначительные места, как военных, так и гражданских, и повелеваем им немедленно выехать из Монголии¹».

Богдо-Геген был провозглашен великим ханом отделившейся от Китая автономной Монголии. Было образовано монгольское правительство с пятью министерствами. По всей стране произошли восстания против китайцев, и к осени 1913 года вся Монголия, и Южная и Северная (Внешняя и Внутренняя), оказалась фактически независимой от Китая.

¹ Цит. по книге Кулешова «Монголия и монгольский вопрос». СПб. 1912.

Начался период так называемой автономии.

В результате переворота царская Россия беспрепятственно проникла в Монголию и обосновалась там. Но мечты монголов о независимости не оправдались, так как царское правительство ставило себе целью не обеспечение независимости Монголии, а превращение ее в свою окраинную область с установлением там режима колониального управления. Кроме того царская Россия была заинтересована только в Северной, или Внешней, Монголии. Монголия же Южная, отделенная от Северной Гобийской пустыней, не имела для России большого значения. Поэтому в переговорах, которые велись с Китаем, царские дипломаты отстаивали главным образом Монголию Внешнюю. В 1915 году состоялось «Тройное соглашение об автономной Внешней Монголии», в котором участвовали представители России, Монголии и Китая. В результате вместо независимости всей Монголии было постановлено признать Внешнюю, Северную, Монголию автономной под суверенитетом Китая, а Барга и вся Внутренняя, Южная, Монголия так и остались во владениях Китая на прежних основаниях.

В автономной Монголии был учрежден так называемый институт советников царского правительства при

правительстве Монголии. Китайскому правительству, по договору, было предоставлено право иметь в Монголии своего представителя для наблюдения за тем, чтобы деятельность монгольских властей не нарушала суверенных прав Китая и его подданных в автономной Монголии.

Начавшаяся в 1914 году мировая империалистическая война помешала осуществлению планов российского самодержавия, и уже к 1917 году русский капитал потерял свое монопольное положение на монгольском рынке, уступая первенство китайскому торгово-ростовщическому капиталу. Царскому правительству и его советникам в Монголии не удалось провести значительных финансовых реформ, так как монгольские князья не желали расстаться с имевшимся у них правом бесконтрольно брать поборы с аратов, и в 1917 году в Монголии ликвидируется управление царского финансового советника.

Великая социалистическая революция в России открыла новую страницу в истории Монголии. Начинается героическая борьба трудящихся масс Монголии при поддержке Советской России за свою национальную независимость, борьба, приведшая в результате к образованию Монгольской народной республики.

А. Букштейн

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ВО ФРАНЦИИ В XVI ВЕКЕ (О восстании кроканов)

1

Крестьянские восстания во Франции не прекращались в течение всего XVI века. Великая крестьянская война 1525 года в Германии перекрестилась через границу и нашла отклик в западных провинциях Франции.

В 1548 году произошёл ряд крестьянских восстаний, вызванных возмущением против непомерного соляного налога (габель). Бордо и ряд других провинциальных городов оказались вовлечёнными в круг восстания. В Гиенне поднялось до 50 тысяч человек. Восстание было подавлено с обычной жестокостью.

С 1577—1578 годов начинается новая волна крестьянских восстаний. Первая вспышка произошла в провинции Дофинэ (округ Валентинуа). Местное дворянство, прибирая к своим рукам общинные земли, одновременно перекладывало на плечи крестьян и горожан всю тяжесть налогового бремени. Крестьяне округа Валентинуа (современный Валанс), предводительствуемые горожанами, подняли восстание и увлекли за собой соседних крестьян. В январе 1579 года восстали крестьяне окрестностей гор. Романа (в том же округе). Городские рабочие, солидаризовавшись с ними, снабдили их оружием и избрали своим цеховым мастером вождя крестьянской лиги суконщика Помье. Не ограничившись этим, рабочие выбросили буржуа из муниципалитета и заняли их место.

Четырехтысячная армия восставших двинулась ограждать страну от раз-

нуздавшейся дворянской своры. Движение приняло такой размах, что правительство, будучи бессильно остановить его, сделало крайнюю ставку на личное обаяние Екатерины Медичи — королевы-матери. Последняя, приехав в Дофинэ, устроила свидание с Помье, который, между прочим, отказался встать перед ней на колени. В конце концов Екатерина покинула провинцию, не выполнив своей миссии. Народ решительно не хотел покориться мародерским законам. Борьба возобновилась и длилась до 1580 года, когда крестьяне потерпели поражение после падения гор. Романа вследствие недостачи пороха и предательства Ледигьера (губернатора Прованса и Дофинэ), в критическую минуту отказавшего в помощи.

Одновременно происходили ещё более кровавые события в Провансе, где крестьяне на насилие отвечали насилием: разрушали замки, убивали господ, громили поместья.

Через несколько лет, в 1586 году, в Нормандии вспыхнуло «восстание готьеров», вызванное повышением налогов, бесчинствами бригаднов¹ и сеньоров. В результате предательства восстание было подавлено и крестьяне жестоко наказаны.

В том же году поднялась Бретань. Интересен тот факт, что крестьяне в своей ненависти к господам забыли о религиозной розни и одинаково избивали как католических, так и гугенотских дворян.

Восстание кроканов² в 1594—1596 годах было заключительным эпизодом крестьянского движения XVI века.

Характерно во всех этих движениях то, что в крестьянских жалобах оди-

¹ Солдатские грабительские шайки.

² «Ceux de cette fonction s'appellerent entr'eux tartavises et chassevoleurs et communement étaient appellés croquants» («Принадлежавшие к этой группе называли друг друга тартавизами и шассволе-рами («охотниками за ворами»), а общепринятое их название — кроканы»). Из регистра муниципалитета гор. Перигора. 1594—1595 годы. «Университетские известия». Киев. Февраль 1875 года. Лучший «Documents inédits», стр. 48. Подробную интерпретацию этого слова см. в большом словаре Larousse.

наково громко слышатся протесты как против дворянского произвола, так и против фискального (налогового) гнета со стороны формировавшегося абсолютизма.

Если к дворянину-узурпатору и королевскому фискальному чиновнику присовокупить ростовщика, игравшего большую роль в жизни крестьянина, и бриганда, — перед нами предстанут основные враги французского крестьянина в XVI веке.

Под непрерывным революционным напором крестьянства постепенно уменьшалась тяжесть феодальных повинностей, сокращались размеры барщины, натуральные сборы заменялись денежными. Наряду с этим происходил и процесс освобождения личности: исчезали серваж¹ и менморт². Личное

¹ Буквально — рабство; в средневековом смысле — крепостное состояние.

² Менморт (мертвая рука) — так называлось одно из ярких проявлений пережитков крепостничества, заключавшегося в том, что законным наследником имущества умершего крестьянина считался не его родственник, а сеньор-помещик. Рука крестьянина была мертва, что-

имущество крестьян становилось независимым от своеволия сеньора, и крестьянин получал фактическую возможность распоряжаться им по своему усмотрению.

Нужно отметить, что успешности борьбы крестьянства способствовало развитие капиталистических отношений. Буржуазия, становившаяся на путь экспроприации крестьянского хозяйства, была заинтересована в том, чтобы крестьянин был на деле хозяином своей земли и мог ее продать или отдать в покрытие долга. Наконец, сама абсолютная монархия, стремясь создать кадры налогоплательщиков, была заинтересована в ограничении феодальных обязанностей крестьянина по отношению к своему сеньору.

2

Однако развернувшееся крестьянское движение, особенно события 70—80-х годов XVI века, не могло не привести и к обратным последствиям:

бы передать свое достояние по наследству.

Расправа над восставшими крестьянами. Германия, XVI в.

С гравюры Ганса Вейдтца.

обеспокоенные этой массовой борьбой крестьянства, буржуазия и дворянство стали стремиться к усилению королевской власти. На почве этих устремлений состоялся между ними компромисс, приведший в 1594 году на французский престол Генриха IV Бурбона, короля Наваррского.

Начав борьбу за французский престол еще с конца 80-х годов (после смерти Генриха III), Генрих IV, при поддержке буржуазии, одержал победу над феодально-католической «священной лигой», за спиной которой стояла реакционная Испания. Когда Филипп II Испанский попытался подчинить себе Францию, посадив на престол свою дочь, французский парламент, состоявший из крупнейших бюрократов, одворянившихся выходцев из буржуазных кругов, решительно стал на сторону Генриха IV, вполне основательно опасаясь, что усиление Испании вернет политическое преобладание крупным аристократическим родам. Париж сдался Генриху IV. Определенную роль в этой сдаче сыграло и то, что Генрих, в угоду католическому дворянству, принял католичество. Известно его выражение по этому поводу: «Париж стоит обедни» («Paris vaut bien une messe»).

У крупных феодалов, захвативших значительные территории и распоряжавшихся ими подобно самостоятельным царькам, Генрих IV выкупал земли за наличные; именно эти платежи особенно опустошили королевскую казну.

Усиление королевской власти в лице Генриха IV создало условия и для более успешной внешней политики. Поддержанный Англией, Генрих IV вынудил Испанию подписать в 1598 году мирный договор, по которому Франция получала обратно все отвоеванные Испанией территории.

Этим открывалась эра «мирного» строительства абсолютной монархии и подготовки ее военной мощи для грядущих войн.

Генрих IV защищал интересы крупной буржуазии. Он выдвигал упразднение гильдий, стеснительных для торговли, и всячески содействовал развитию торговли, промышленности, строительству сухопутных и водных путей сообщения. Король решительно

ограничивал «физиократические» тенденции министра финансов консервативного Сюлли, считавшего, что основным источником национального богатства является земледелие и скотоводство. Склонность первого Бурбона к увлечению городской промышленностью не исключала, однако, трезвых взглядов на сущность крестьянской проблемы. Некоторое уменьшение налогового бремени для крестьянства при Генрихе IV было вызвано стремлением правительства гарантировать тот *existence minimum*, без которого крестьянство оказалось бы абсолютно неспособным к воспроизводству и несению миссии основного класса-налогоплательщика. Создание и укрепление абсолютизма было связано с ростом государственных расходов и ложилось тяжелым бременем на многострадальное французское крестьянство. Что же касается «доурицы в воскресном меню французского крестьянина», то эта демагогия не принимается теперь всерьез даже буржуазной, мало-мальски добросовестной и серьезной историографией¹.

Несмотря на некоторое снижение налогов положение крестьянства и при Генрихе IV продолжало оставаться крайне тяжелым. Предшествовавший период феодальной реакции с его феодальными войнами разорил крестьянские хозяйства. Крестьянское разорение не могло, конечно, ни исчезнуть, ни сколько-нибудь значительно уменьшиться от ничтожного снижения талии на 5 миллионов ливров. Кроме того процесс восстановления крестьянского хозяйства логически не мог развиваться параллельно с процессом восстановления государственного бюджета. Крестьянский и государственный бюджеты были связаны законом обратной пропорциональности, и снижение дефицита казны с 300 миллионов ливров в 1599 году до 196 миллионов ливров в 1610 году произошло за счет увеличения кос-

¹ Миф о «добром Генрихе», связанный с деятельностью Сюлли, направленной к развитию сельского хозяйства в интересах фиска, имел широкое распространение в буржуазной историографии, которая совместно с консервативно-дворянскими историками совершенно незаслуженно возвела Генриха IV на пьедестал «народолюбивого короля».

венных налогов на предметы первой необходимости, что только усугубляло экономический кризис в сельском хозяйстве. Французский экономист и публицист Кламажеран считает, что налоги на предметы первой необходимости были увеличены на $\frac{6}{5}$ миллиона ливров.

Состояние крестьянского хозяйства настоятельно требовало экстренных оздоровительных мероприятий и в первую очередь облегчения налогового пресса. Этого как раз абсолютизм сделать не мог. Крестьянство всегда оставалось объектом, а не субъектом политики Генриха IV. И мифом является утверждение, что «положительная деятельность» короля по упорядочению страны совпадала с интересами крестьянства.

«Народ сегодня так угнетен и столь подавлен, что он близок к падению под тяжкой ношей, что его обременяет; нет более средств, которые позволили бы ему подняться из той грандиозной нищеты, на какую он низведен. Бедствие происходит из того, что только лишь бедные выплачивают та-

лию, тогда как богатые освобождены от нее»¹, — писал современник.

Городская буржуазия большей частью освобождалась от уплаты налога, покупая дворянские должности. Города *in corpore* откупались от налогов, и талия все больше становилась специфически крестьянским налогом. Зачастую крестьяне не в состоянии были оплатить десятой части той суммы, которую с них требовали. И в этих случаях с ними поступали со всей жестокостью закона: у них отбирали живность, утварь, кровати, снимали окна и двери с петель и, наконец, сдирали крышу!

Советник парижского парламента Пьер Летуаль, писавший хронику царствований Генриха III и Генриха IV в 1608 году, записал сообщение, сделанное ему одним дворянином из Шампани: некий бедный человек, обремененный 5 детьми, увидя, что в счет уплаты талии у него забрали все вплоть до куска хлеба, запрятанного им в сенник, пришел в такое отчая-

¹ Цит. по Боннемэру «Histoire des paysans». V. II, p. 2.

Французские крестьяне.

С гравюры Лене

ние, что в неистовстве обрушился на своего ребенка, умертвил его, после чего наложил руки и на себя¹.

Если в первые годы правления Генриха IV, когда правительство было бессильно оградить своих подданных от покушений разнузданной дворянской своры², непосредственным антагонистом крестьян было главным образом дворянство, то уже к началу XVII века крестьянские восстания направлены в первую очередь против несправедливых государственных поборов. Эти восстания, замечает французский историк Авенель, не походили на средневековую жакерию, направленную против замков; теперь ненависть закипала против сборщиков налогов, обрушивалась на соляные склады, таможни, — словом, направлялась против государства. К такого рода восстаниям относилось и восстание кроканов.

Сигнал к восстанию подал округ Лимузен. Восставшие крестьяне обрывали виноградники, рубили леса, жгли усадьбы, убивали господ. Движение развернулось в Перигоре и затем, распространяясь все дальше, широкой лавиной охватило Гасконь, Сентонж, Лимузен, Пуату и Керси.

Подробную хронику событий в Перигоре дает Пальма Кайе³.

Повстанцы были вооружены самым причудливым образом: кто имел шпагу, кто аркебуз, кто алебарду, а кто попросту железную палку; одни пешие, другие на конях. Среди восставших было много демобилизованных солдат, поскольку армия, в военное время достигавшая 100—200 тысяч

человек, сократилась до 7 тысяч. Последние благодаря своему профессиональному опыту оказались очень полезными для движения. К восставшим вскоре присоединился мелкий городской люд⁴. Так, перигорский нотариус Ла-Шань писал многочисленные воззвания, в которых крестьяне приглашались на общую сходку в лес д'Абзак. Крестьяне откликнулись на призыв и отправили своих делегатов. После взаимных приветствий, с речью к прибывшим обратился Папюс Поллиак, фискальный чиновник гор. Дана. Он протестовал главным образом против увеличения талии, способа управления государственными финансами и против некоторых дворян. Оратор призывал жителей сельских местностей объединиться, с тем чтобы принудить врагов к повинности королю и «разрушить дома тех дворян, которые только и делали, что совершали набеги на быков и коров своих соседей»⁵.

В конечном счете, связь с городской «интеллигенцией» сыграла отрицательную роль, направив движение в легальное русло. Оппортунистическое руководство во главе с парламентским адвокатом Поркери (депутатом от гор. Монпасье) внушило восставшим мысль послать делегацию челобитчиков в королевский совет. Представ в Париже перед королевским советом, Поркери расписался в верноподданных чувствах представляемых им крестьян и принес жалобу на тяготы войны⁶, большую талию, которую выплачивали и королю и лигистам, на

¹ Pierre de Letoile «Collection des memoires. Ed. Michaud et Poujanlat.

² Мелкое и среднее дворянство вышло из эпохи феодальной анархии совершенно дезориентированным. С одной стороны его преследовал кошмар крестьянского бунта, с другой — оно наталкивалось на холодный кастовый эгоизм феодальной аристократии. Ему подчас казалось, что перспектива для него открывается лишь на большой дороге. Ну, конечно, больше всего доставалось крестьянам: «...они обесчестили всех женщин и девушек; умертвили в страданиях более 5 тысяч крестьян...» (Pierre de Letoile «Collection des memoires»).

³ Пальма Кайе — член парижского парламента, автор хроник, посвященных периоду последних Валуа и Генриха IV.

⁴ По регистру муниципалитета гор. Перигора, число восставших в Перигоре достигало 12—15 тысяч человек.

⁵ «...Несколько местных сеньоров, будучи сильными, принудили без малейшего повода платить... ренту, отбывать барщину, извоз и другие повинности и установили и взимали частным порядком вновь введенные налоги... отказывающихся усмиряли драконадами» (выборка из регистра тулузского парламента. 1594 г. См. «Университетские известия». Киев. Февраль 1875 год. Лучицкий «Documents inédits», p. 43).

⁶ «Военные люди... совершили злоупотребление, предприняли против сопротивляющихся... разорение, увод животных и другие жестокости и акты насилия... жили за счет народа... ничего не платя» выборка из регистра тулузского парламента 1594 г.).

Втрак крестьян.

О гравюры Лене. XVII в.

жричков и финансовых чиновников подконец выступил против дворян, виня их в жестоком и незаконном пашении с крестьянами. В конце ошения приносилось извинение за ганизацию вооруженной «ассамб-» без разрешения короля и испра- вался указ на увольнение лишних човников, особенно тех, кто управ- ! королевскими финансами. Кроме о делегация просила разрешения ирать синдика¹ среди сельских жи- ей.

Все предприятие кроканов с депу- ией в столицу было заранее обре- о на неудачу: создание должности тика было отвергнуто, установлен- на этот год размеры талии пол- тью сохранены; остальные жало- были переданы на рассмотрение tr'a des requets (парламентского эвника для жалоб, поступающих ля короля), т. е. надежно закон- ированы.

днако, в то время как в Париже

¹ Должностное лицо в деревне, обя- ое заниматься раскладкой налогов.

заседал королевский совет, и народ и дворянство одновременно нарушили перемирие.

Любопытен документ, приходящий- ся примерно на это время и состав- ленный во всяком случае после сходки в лесу д'Абзак. В нем приглашают на- селение «вооружиться, присоединить- ся и противостать с нами против па- губных замыслов регистраторов и изо- бретателей субсидий — воров — и их сборщиков и помощников... Не совер- шайте оплошности и не вооружайтесь для сопротивления, иначе вы увидите нас вплотную через три дня после по- лучения сего, с тем чтобы обуздать вас оружием без снисхождения как подстрекателей и сообщников указан- ных воров и изобретателей субси- дий»².

Составители воззвания, вне сомне- ния, знали цену союза, заключенного под угрозой вооруженного насилия, но крестьянство в сложном социаль-

² Цит. по «Lettres des croquahts». См. указанные выше «Университетские изве- стия».

Продавец хвороста.
О гравюры Абрама Босса. 1645 г.

ном организме абсолютистской Франции было настолько одиноко, что авторы стремились преодолеть изолированность любой ценой. Казалось, все сословия об'единились в стане врагов и трудно, невозможно было различить по ту сторону баррикад вероятного союзника. Что касается до буржуа, то в правление Генриха IV они были далеки от революции. Когда восставшие обратились в муниципалитет Перигора «столицы края и вождя 3-го сословия, чтобы ссудили пушками без поруки и залога для осады Гриньоля, в каковом засело множество воров...», им было отвечено, что «они должны вернуться по домам и возвращать знаки, что необходимо было обратиться к королю, который бы их рассудил, что пушки дать было нельзя, так как это было бы преступлением против

его величества — возить пушку по стране без приказа свыше»¹.

В тяжких условиях социального одиночества крестьяне решались на крайние меры, «делая вождей вначале добровольно, но потом... по принуждению»².

Но вернемся к течению событий. Итак, перемирие было нарушено, крестьяне окружили замок Сен-Марсаль, и хотя и тут нашлись советники, пытавшиеся умерить их негодование, тем не менее, повидимому, кроканы не разошлись и добились того, что виконт Бурдей связался с маршалом Буйон и, созвав ассамблею всех местечек, вынес резолюцию о прощении недоимок и ссуд, полученных ранее.

4

Что же определяло незначительные масштабы этого крестьянского восстания, восстания, анемичные формы которого не позволяют исследователю зафиксировать даже какой-либо из его этапов как кульминационный пункт событий, восстания, финальный эпизод которого дошел до нас лишь в мимоходом оброненном замечании Сюлли: «В 1596 году г. д'Абэн нанес решительное поражение 15 тысячам кроканов в Лимузене»³.

Мы говорили уже о социальном одиночестве кроканов. «Отдельные крестьянские восстания даже в том случае, если они не являются такими разбойными и неорганизованными, как у Стеньки Разина, ни к чему серьезному не могут привести. Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели»⁴. Прежде чем капитализм создал своего могильщика — пролетариат, — крестьяне находили союзника и вождя в лице городского плебса. Но кро-

¹ См. цит. выше регистр муниципалитета гор. Перигора.

² Там же.

³ Мемуары Сюлли за 1596 год.

⁴ Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, стр. 9. Партиздат. 1933.

каны, на несколько десятилетий предупредившие городские волнения, не имели не только вождей и союзников, но и сколько-нибудь многочисленных попутчиков. Это объясняется и экономической конкуренцией города и деревни, где в XVI веке зарождается кустарный промысел, являвшийся опасным конкурентом городских ремесленников.

Не благоприятствовала военно-политическому союзу города и деревни и неравномерность обложения. Таля становилась узко крестьянской проблемой. Крестьяне со своей стороны относились индифферентно к налогам, обременявшим города. Что же касается до «высокой» буржуазии — городского патрициата — «признанного вождя 3-го сословия», то она безумно боялась крестьянских волнений, поскольку земли вокруг города принадлежали ей. Таким образом, в лучшем случае вождем кроканов оказывался солдат; большей же частью приходилось удовлетворяться суррогатом из представителей чиновного люда.

Почва для революционных настроений, естественно, была: приводимые выше цифры Кламажерана далеко не учитывают всех денежных повинностей: система откупов, хозяйственных должностей создавала добавочную нагрузку к налоговому прессу. Кроме того еще сохранялась совершенно произвольная эксплуатация феодалами; ее усугубляла задолженность торгово-ростовщическому капиталу. Наконец, к этому присоединялась экспроприация крестьянского хозяйства городскими патрициями и дворянством мантии.

Но это еще не создавало революционной ситуации. Первым признаком революционной ситуации является «невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство; тот или иной кризис «верхов», кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов»¹. Был ли этот признак налицо? Нет, его не было. Абсолютистское государство Генриха IV было молодым организмом, с необломанными зубами и исто-

рической перспективой на полтора с лишним столетия. «Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы «низы не хотели», а требуется еще, чтобы «верхи не могли жить по-старому»². Вторым признаком революционной ситуации является «обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов»³. Был ли этот признак налицо? Нет, не было и его. В сравнении с непосредственно предшествующей эпохой феодальной анархии и квази-религиозных войн уменьшился и феодальный гнет и дворянский бандитизм. «Феодальный строй» оставался «...ассоциацией, направленной против поработенного, производящего класса»⁴, но наступила несомненная передышка. И эта передышка — пусть относительная—су-

² Там же.

³ Там же.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс «Немецкая идеология», стр. 14. Партиздат. 1933.

Представитель знати.
О гравюры Мерин. 1543 г.

¹ Ленин. Т. XVIII, стр. 244.

Придворный бал.

С гравюры Абрама Босса. 1645 г.

ществовала, и феодальная реакция вновь резко усилилась только перед великой буржуазной революцией. При Генрихе IV, правда, началась экспроприация крестьянства, но этот процесс находился еще в зачаточном состоянии, что же касается до усиления налогового гнета, то последний никогда не был таким универсальным революционирующим фактором, как феодальный гнет.

Верхушка деревни избавилась от обложения и даже приобрела на нем. Кулаки зачастую были теми самими «*comis*» (помощниками сборщиков), которым так доставалось от крестьян.

Отсутствие первых двух признаков снимало и третий: «Значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс, в «мирную» эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых, как всей обстановкой кризиса, так и самими «*верхами*», к самостоятельному историческому выступлению»¹.

Итак, общий протест крестьянских масс был слаб; из первой схватки с создавшимся абсолютизмом крестьянство ушло побежденным. Сведениями

о координации движений в городе и на селе мы не располагаем. Это, конечно, не окончательные выводы. Ошибочно предположение, что советскому историку достаточно заимствовать из исторической литературы какой-нибудь факт, уже использованный буржуазным ученым, и осветить его с марксистской точки зрения, чтобы тем самым заставить этот факт служить пролетарской революции. Буржуазный историк из бездны доступных ему фактов привлекал именно те, которые подкрепляли его концепцию, и игнорировал другие, оставляя их подспудом. Вот почему мы располагаем сегодня только глухими известиями о народных движениях при французском абсолютизме; вот почему советскому историку средневековья совершенно невозможно пользоваться западной исторической литературой как первоисточником для того, чтобы преодолеть тенденциозность буржуазной историографии и создать действительно объективную историю.

Много, вероятно, страниц истории кроканов еще остается не перелистанными. Предстоит кропотливая работа над скудным документальным материалом.

¹ Ленин. Т. XVIII, стр. 244.

В. Авдиев

ВОССТАНИЕ РАБОВ В ЕГИПТЕ за 2000 лет до н. э.

1

Еще за две тысячи лет до движения италийских рабов, восставших под начальством Спартака в I веке до нашей эры, в странах древнего Востока, в частности в Египте, вспыхивали крупные восстания рабов, вызванные жестокой рабовладельческой эксплуатацией. Древнейшие из этих восстаний восходят к эпохе перехода от родового строя к рабовладению, когда, по словам Ленина, «появилась первая форма деления общества на классы, когда появилось рабство, когда можно было известному классу людей, сосредоточившись на самых грубых формах земледельческого труда, производить некоторый излишек, когда этот излишек не абсолютно был необходим для самого нищенского существования раба и попадал в руки рабовладельцев, когда, таким образом, упрочилось существование этого класса рабовладельцев...»¹.

Одно из крупнейших известных нам восстаний бедняков и рабов произошло в Египте в XVIII веке до нашей эры.

Первые крупные общественные разделения труда, отделение земледелия от скотоводства и впоследствии от ремесла, вызвали в Египте крупный рост производительных сил. Избыточные продукты скотоводства, земледелия и ремесла, поступая на рынок, стали превращаться в товар. Развитие торговли, обогащая одних за счет

других, разрушало патриархальный уклад старой сельской общины, создавая на ее развалинах новые формы нового классового общества. Обедневшие и разоренные члены свободных сельских общин постепенно закабалались и превращались в рабов.

Рост производительных сил давал уже теперь возможность достаточно эффективно использовать в хозяйстве труд военнопленных, которых теперь поэтому стали обращать в рабство, а не убивать, как это делали прежде. Об этом ясно говорит древнеегипетское слово «живой мертвец» (секер-анх), которое служило для обозначения военнопленного. «Живыми мертвецами», очевидно, называли тех военнопленных, которых раньше убивали, а теперь стали сохранять, для того чтобы использовать их в качестве рабов в хозяйстве. Этот факт из истории древнеегипетского языка иллюстрируют известные слова Энгельса: «До сих пор для военнопленных не находили никакого употребления, поэтому их просто убивали, а еще раньше с'едали. Но на достигнутой теперь ступени «экономического» развития пленники приобретают цену, им оставляют жизнь и пользуются их трудом... Рабство было найдено»².

По мере роста производительных сил и развития рабства все больше увеличивалось количество избыточного продукта, что, в свою очередь, влекло за собой развитие торговли. Плодородная почва долины, орошаемая периодическими разливами гигантской реки Нила, и широкое развитие ирригационной системы давали египтянам возможность собирать огромные урожаи и даже вывозить избыточные продукты земледелия в соседние страны. В свою очередь, египтяне ввозили те виды сырья, которых в Египте было мало или совсем не было: главным образом металлы (медь, олово и железо) для изготовления оружия и орудий производства, а также дерево. Уже в древнейшей египет-

¹ Ленин. Собр. соч. Т. XXIV, стр. 369. М. 1932.

² Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг», стр. 128—129. М. 1932.

Обработка металла. Фреска из гробницы Рехмира. Египет. 2-е тысячелетие до нашей эры.

ской летописи, начертанной на камне, который хранится в Палермском музее, мы читаем о древнейших экспедициях египтян в соседние страны за необходимым им сырьем. Так, под годами царствования фараона Снофру (около 3500 лет до нашей эры) в этой летописи стоит: «Доставка сорока кораблей, груженных кедровым лесом»¹, который обычно привозился из Сирии.

А несколько далее, в той же летописи, под годами царствования фараона Сахура (около 3000 лет до нашей эры), мы читаем о том, что были привезены: из страны малахита... (6000)... Пунта, 80 000... мирры (6000)... электрума [естественного сплава золота с серебром. — В: А.] (2600)... досок².

— Медь, начиная с архаической эпохи, египтяне получали главным образом с Синайского полуострова и из восточной пустыни. В югозападной части Синайского полуострова были обнаружены древние медные рудники, тут же были найдены медная руда, большое количество шлака, остатки горна, разбитые плавильники, формы для отливки и множество надписей, восходящих к эпохе первых династий фараонов. Знаменитые ливанские кедры, которые тогда считались лучшим мачтовым и строевым лесом, египтяне получали из Сирии, по большей части из крупного сирийского торгового порта Библа. Раскопки, производившиеся на месте этого древнего города, обнаружили остатки большой

египетской колонии с развалинами египетских храмов, где было найдено множество египетских предметов, восходящих вплоть до эпохи Древнего царства, что ясно говорит о том, что уже начиная с этого времени Египет поддерживал торговые отношения с Сирией³.

Наконец, потребность в живой рабочей силе, т. е. рабах, заставляла египтян во время этих торговых и военных экспедиций захватывать большое количество рабов. Мы читаем об этом уже в надписях эпохи первых династий. Так, фараон Нармер «взял в плен 120 000 повстанцев» в ливийских номах западной Делити. Фараон 2-й династии Хасехемуи в «год битвы и поражения севера взял в плен 47 209 человек». Далее, в анналах Палермского камня мы читаем, что Снофру «опустошил страну негров». Доставил оттуда 7000 живых пленников и 200 000 голов крупного и мелкого рогатого скота. Наконец, вельможа 6-й династии Уна в своей надписи сообщает о том, что египетское войско вернулось после похода, «приведя с собой великое множество живых пленников».

Большие ирригационные работы, произведенные в Египте в начале второго тысячелетия до нашей эры, и осушение значительной части оазиса Фаюма увеличили количество пахотных земель в Египте, вызвав значительное развитие земледелия в стране. Это обстоятельство, так же как

¹ I. N. Breasted «Ancient Record's». V. I, p. 66.

² Там же, стр. 70.

³ Montet «Byblos et l'Egypte», p. p. 68—70. Paris. 1928.

и развитие различных ремесел обогатило Египет и послужило толчком к дальнейшему росту торговли в эту эпоху, называемую временем Среднего царства.

Торговые связи Египта с Сирией стали еще более прочными чем раньше. Торговые экспедиции и путешествия нашли свое отражение даже в художественной литературе и живописи; так, в «Рассказе Синухета» описывается путешествие вельможи Синухета в Сирию; на стенах одной гробницы в Бени-Хассане изображено 37 человек из племени «аму» (южная Сирия), которые во главе со своим вождем Ибша явились к египетскому вельможе, правителю пустынной области, неся ему свои товары и дары¹.

Одновременно с развитием торговли с Сирией усиливались также торговые связи Египта со странами, прилегающими к его южным границам. Уже при фараонах 11-й династии (около 2000 лет до нашей эры) египтяне колонизовали восточные оазисы и побережья Красного моря, открыв себе таким образом путь к тому морю, которое соединяло Египет с Аравией и с Восточной Африкой. При фараоне Сенусерта II египтяне покорили всю Нубию вплоть до Семне и Кумме и колонизовали эту страну, которая влекла их к себе своими природными богатствами и особенно золотыми рудниками. Завоевав Нубию и укрепив свою южную границу рядом крепостей, египтяне сделали попытку дальнейшего продвижения на юг, в области Восточной Африки, в страну, называемую Пунт, или «Страна богов» (Та-Нетер). Отсюда египтяне стали вывозить ценные для них колониальные товары: черное дерево, страусовые перья, слоновую кость, золото, электрум, мирру, и, наконец, рабов.

Описание одной такой экспедиции в Пунт сохранилось в надписи царского казначея Хену (около XXI века до нашей эры): «Мой господин послал меня снарядить корабль в Пунт, чтобы доставить ему свежие благовония от вождей Красной земли ради страха перед ним в высоких странах. Я вышел из Копта по дороге, указан-

ной царем. Со мной было войско юга от Оксиринха до Гебелена. Я пошел с войском в 3000 человек... Для каждого было 2 сосуда воды и 20 хлебцев на каждый день. Ослы были нагружены сандалиями. Я сделал 2 колодцев в кустах и 2 колодца в Идехте в 20 и 31 кубических локтя. Достигнув Черного моря, я выстроил корабль и отправил его со всем необходимым... Потом, вернувшись с моря, я исполнил поручение царя и доставил ему все дары, найденные мной в земле бога»².

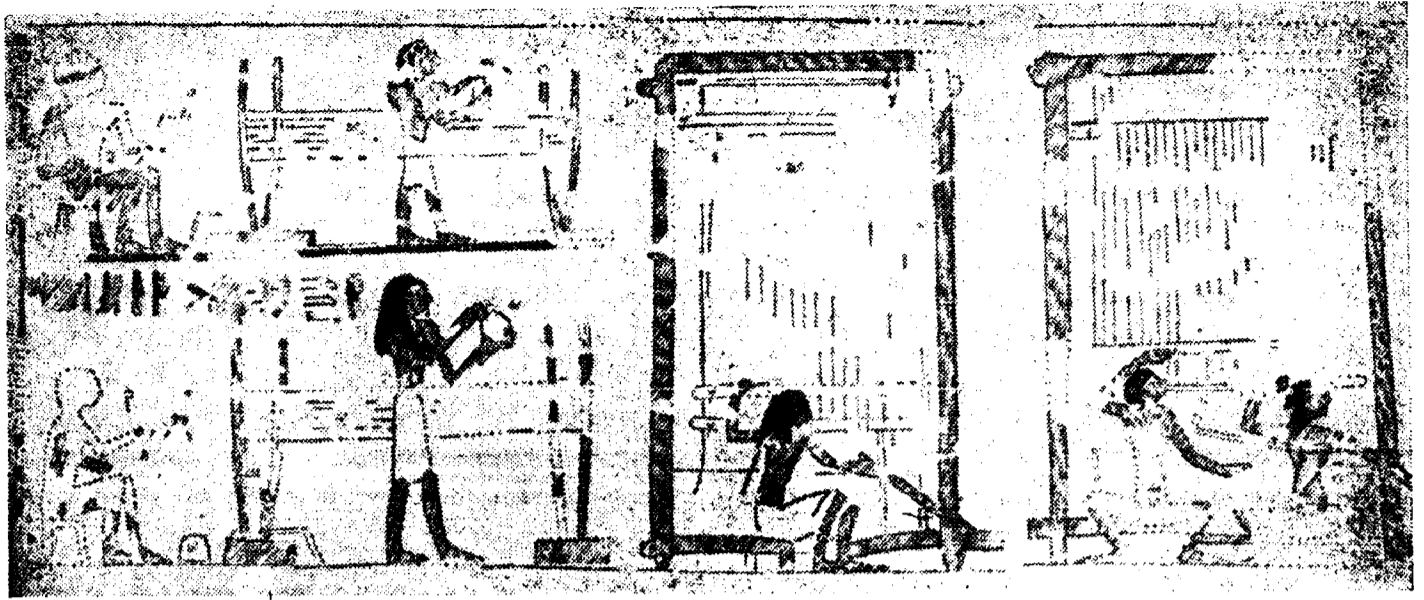
Наконец, в эту же эпоху египетская торговля стала постепенно проникать и в районы островов, расположенных в восточной части Средиземного моря. Египетские надписи этой эпохи сообщают о сношениях Египта с племенами ханебу, как называли египтяне народы, жившие на островах Средиземного моря. Это подтверждается также и раскопками. Так, в развалинах города Сенусерта II, близ его пирамиды, у входа в оазис

² Б. А. Тураев «История древнего востока». Т. I, стр. 215. М. 1935.

Фараон, побеждающий своего врага. Таблица Нармера. Каирский музей.

¹ Lepsius «Denkmäler». II, 133. Newberry. Beni Hasan, I, 28, 30, 31, 38.

Ткачи и ткачихи. Египет.

2-е тысячелетие до нашей эры.

Фаюм, были найдены черепки сосудов типа Камарес, изготовлявшихся на о. Крите.

Широкое развитие торговли, пока еще очень примитивной, вызвало к жизни целый ряд городов. С течением времени в этих городах стали образовываться и численно возрастать средние слои городского населения, состоящие из мелких ремесленников и торговцев.

Расширилась также военная деятельность Египта. Стремление к захвату рынков сырья и сбыта своих товаров, а также к завоеванию все новых масс рабов, необходимых в связи с ростом земледелия и ремесла, заставило египтян вести упорные войны с соседними народами, главным образом Сирии и Нубии. Результатом этих войн было обогащение аристократии и увеличение количества рабов в стране.

2

Жестоко эксплуатируемые своими господами, рабы и средние городские слои, угнетаемые правящей аристократией, образовали мощную социальную основу одного из древнейших известных нам из истории восстаний рабов и бедняков, описание которого сохранилось на хрупких листах одного из дошедших до нашего времени папирусов (Лейденский папирус № 344)¹.

¹ Текст этого папируса переведен и снабжен интересными комментариями в книге акад. В. В. Струве «Речение Ипу-

Насколько мы можем судить по плохо сохранившемуся тексту этого папируса, восстание произошло в Египте в ту эпоху, когда Египет был завоеван каким-то иноземным племенем, весьма возможно гиксами, которые, как мы знаем по целому ряду других надписей и свидетельств, явились в Египет из Азии и завоевали большую часть Египта в XVIII веке до нашей эры.

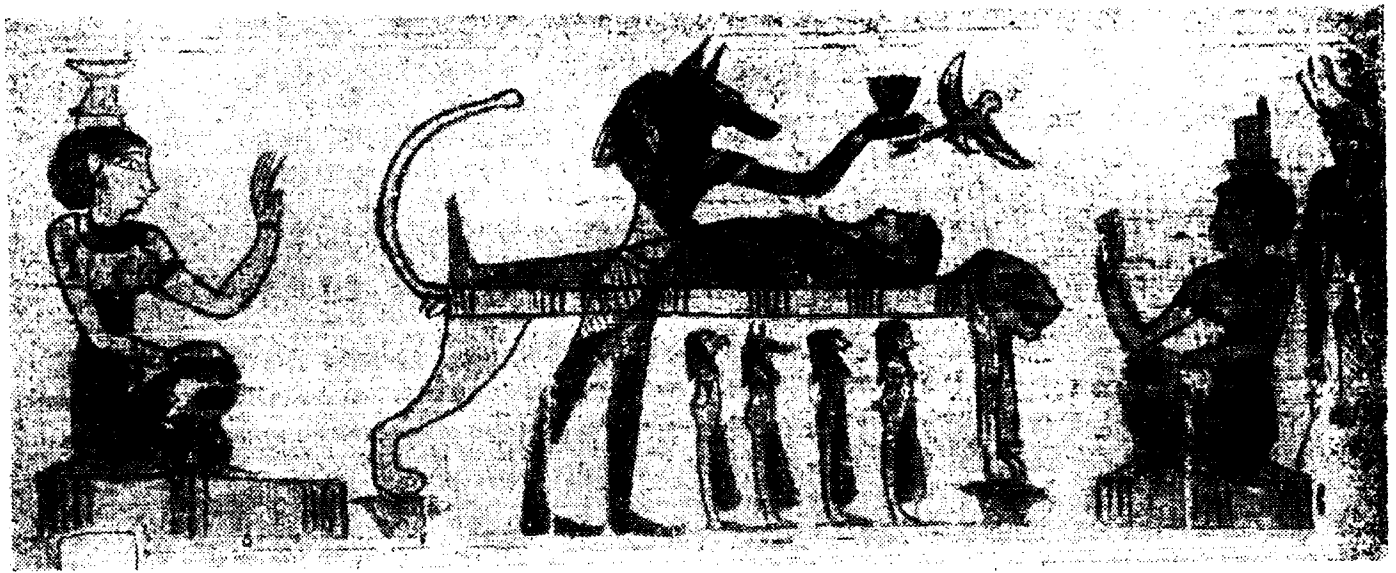
«Жители пустыни стали людьми (т. е. египтянами.—В. А.) во всяком месте»²,—говорит папирус об этих завоевателях Египта.

Египетские аристократы, стоя на своей «расовой» точке зрения, считали «людьми» только египтян, на всех же иноземцев они смотрели как на представителей низшей расы, как на будущих возможных рабов, предназначенных для того, чтобы работать на египтян. Поэтому, только завоевав Египет, эти «жители пустыни» смогли стать в Египте «людьми», т. е. получить равные права с египтянами.

В другом месте Лейденского папируса еще яснее говорится об этом завоевании и опустошении Египта иноземцами: «Вот пустыня (буквально — Красная земля.—В. А.) стала во всей стране. Области опустошены. Иноземное племя пришло в Египет... нег-

вера». М. 1935. В. М. Викентьев «Революция в древнем Египте». «Новый Восток». № 1. М. 1922. Текст папируса цитирую по научному изданию: А. Н. Gardiner «The admonitions of an egyptian sage from a hieratic papyrus in Leiden». (Pap. Leiden 344-recto). Leipzig. 1909.

² Pap. Leiden 344-recto, стр. I, строка 9.

Бальзамирование.

Папирус. Музей изобразительных искусств.

уже больше людей ни в одном месте»¹, — с горечью в сердце восклицает Ипувер, очевидно, представитель реакционной и патриотически настроенной египетской аристократии, от имени которого описывается восстание.

Именно в эту эпоху завоевания Египта иноземцами, в силу обострившихся социальных противоречий, трудящиеся массы восстали против своих вековых угнетателей и сделали смелую попытку подорвать их социально-экономическую мощь. Текст Лейденского папируса ясно вскрывает социальный характер этого восстания:

«Знатные люди в тоске, а бедняки полны радости. Каждый город говорит: давайте изгоним сильных из нашей среды»².

К беднякам из городов и деревень и к средним слоям городского населения присоединились и рабы.

«И вот все рабыни стали свободны в своих речах».

«...Рабы становятся господами рабов»³.

Восставшие свергают власть своих господ и захватывают их имущество, причем наиболее энергичным из них удается сосредоточить в своих руках довольно значительные богатства. Здесь перед нами блестящая иллюстрация к словам Энгельса: «Все бывшие до сих пор революции были революциями в целях защиты одного вида собственности против другого ви-

да собственности»⁴. Ипувер не жалеет красок для того, чтобы обрисовать грандиозное перераспределение собственности, которое характеризует этот древнейший известный нам в истории социальный переворот:

«И вот бедняки становятся владельцами драгоценностей. Тот, кто не мог себе сделать сандалий, владеет теперь сокровищами...»

«Золото и лазурит, серебро и малахит, сердолик и бронза, камень из Ибхата и... висят на шее у рабынь. А знатные женщины бродят по стране, и владычицы дома говорят: «Ах, если бы у нас было что поесть!...»

«Бьют палками тех, кто был одет в тонкие льняные ткани...»

«Вельможи голодают, они в отчаянии. А слугам прислуживают...»

«У хорошего человека бедняк отнимает его имущество... Тот, кто не мог раньше себе сделать саркофага, владеет ныне гробницей...»

«Вот что происходит теперь с людьми: тот, кто не имел раньше даже жижины, владеет теперь домом...»

«Тот, кто никогда раньше не спал внутри стен, стал теперь владельцем кровати. А владелец сокровищ проводит теперь ночи, страдая от жажды, в то время как тот, кто выпрашивал его подонки, стал теперь владельцем кувшинов, полных опрокидывающего (т. е. крепкого:—В. А.) пива...»

«Владелец роскошных одежд одет теперь в лохмотья. А тот, который

¹ Pap. Leiden 344-recto, III—1.

² Там же, II—7.

³ Там же, IV—13; VI—7; VI—8.

⁴ Ф. Энгельс «Происхождение семьи, частной собственности и государства», стр. 115. М. 1932.

Рабыня, размалывающая зерно.
Статуэтка. Каирский музей.

раньше никогда для себя не ткал, стал теперь владельцем тонкой льняной ткани».

«Тот, кто раньше себе никогда не строил даже лодки, стал теперь владельцем кораблей».

«Тот, кто раньше не имел даже тени, стал теперь владельцем тени. Тот, кто раньше не имел никакой собственности, стал теперь владельцем сокровищ. Вельможи хвалят его».

«Бедняки в стране стали богачами, а владельцы имуществ превратились в людей, не имеющих ничего»¹.

Это красочное в своей конкретной образности описание социально-экономического переворота, произошедшего в ту эпоху в Египте, дает нам яркое представление о его размерах и глубине. Вся страна всколыхнулась до самых низов. Разбуженные массы подняли грозное знамя восстания. Автор лейденского текста, как бы пытаясь в одной фразе охарактеризовать социальный смысл произошедшего переворота, говорит: «Страна перевернулась, как на гончарном круге»².

Но мало было свергнуть богачей и произвести перераспределение собственности. Для того чтобы закрепить за собой плоды своих побед, надо бы-

¹ Pap. Leiden, II—4, II—5, III—2, III—3, IV—8, 9, V—2, 3, VII—7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, VIII—1, 2.

² Там же, II—8.

ло сломать аппарат векового гнета и принуждения, то бюрократическое и деспотическое государство, которое в течение тысячелетий охраняло, интересы правящего класса рабовладельцев. Неслыханное в истории древнего Египта посягательство восставших масс на непререкаемый ранее авторитет аристократов, государственных учреждений, суда и даже самого обоготворяемого царя в ярких словах описано в тексте Лейденского папируса. Это ослушание власти начинается с отказа населения платить подати. За этим следует уничтожение документов, узаконявших жестокие формы вековой эксплуатации.

«К чему нужно казначейство без податей?» — восклицает возмущенный неповиновением масс Ипувер.

«Прекрасна судебная палата, но из нее расхищены документы». «Открыты канцелярии. Расхищены из них податные списки. Рабы становятся господами рабов. Чиновники убиты, их документы расхищены. Скорбно мне вследствие бедствий этого времени. У писцов счета урожая уничтожены документы. Зерно Египта стало общим достоянием. Свитки законов выкинуты из судебной палаты. Люди топчут их на перекрестках, а бедняки вскрывают их на улицах. Бедняк достиг положения, равного положению девяти богов. Разоблачены тайны судопроизводства Дома тридцати вельмож. В Великой судебной палате толпится народ. Бедняки ходят взад и вперед в Великих Домах»³.

Но своей высшей точки восстание достигло в тот момент, когда массы ворвались в царский дворец и свергли с престола царя. В своем протесте восставшие выбрасывали из царских усыпальниц мумии умерших царей, которых жрецы объявляли богами, для того чтобы внушить массам уважение к непререкаемому авторитету «безгрешного» царя.

Так восставшие сделали смелую попытку порвать с древним культом обоготворения царей и освободиться от той древней религии, которая им навязывалась жрецами.

С ужасом рассказывает об этом Ипувер:

³ Там же, VI—5, 6, 7, 12.

«Происходят события, которые никогда не происходили с древнейших времен. Бедняки похитили царя. Тот, кто был погребен, как сокол (бог Гор), лежит теперь на носилках. То, что скрывала в себе пирамида (гробница царя), теперь пусто.

И вот дело дошло до того, что несколько беззаконных людей лишили страну царской власти.

Люди восстали против царской змеи (диадемы—знака власти царя.—В. А.), умиротворяющей обе страны.

Тайны страны, границы которой были неведомы, разоблачены. Столицу разрушили в одно мгновение... Тайна царей Верхнего и Нижнего Египта разоблачена»¹.

Это восстание против царя и царской власти кажется египетскому аристократу настолько чудовищным и невероятным, что он пытается его объяснить тем, что якобы «несколько беззаконных людей» подстрекнули к этому делу, неслыханному в истории Египта, трудовые массы населения.

Совершенно так же пытается объяс-

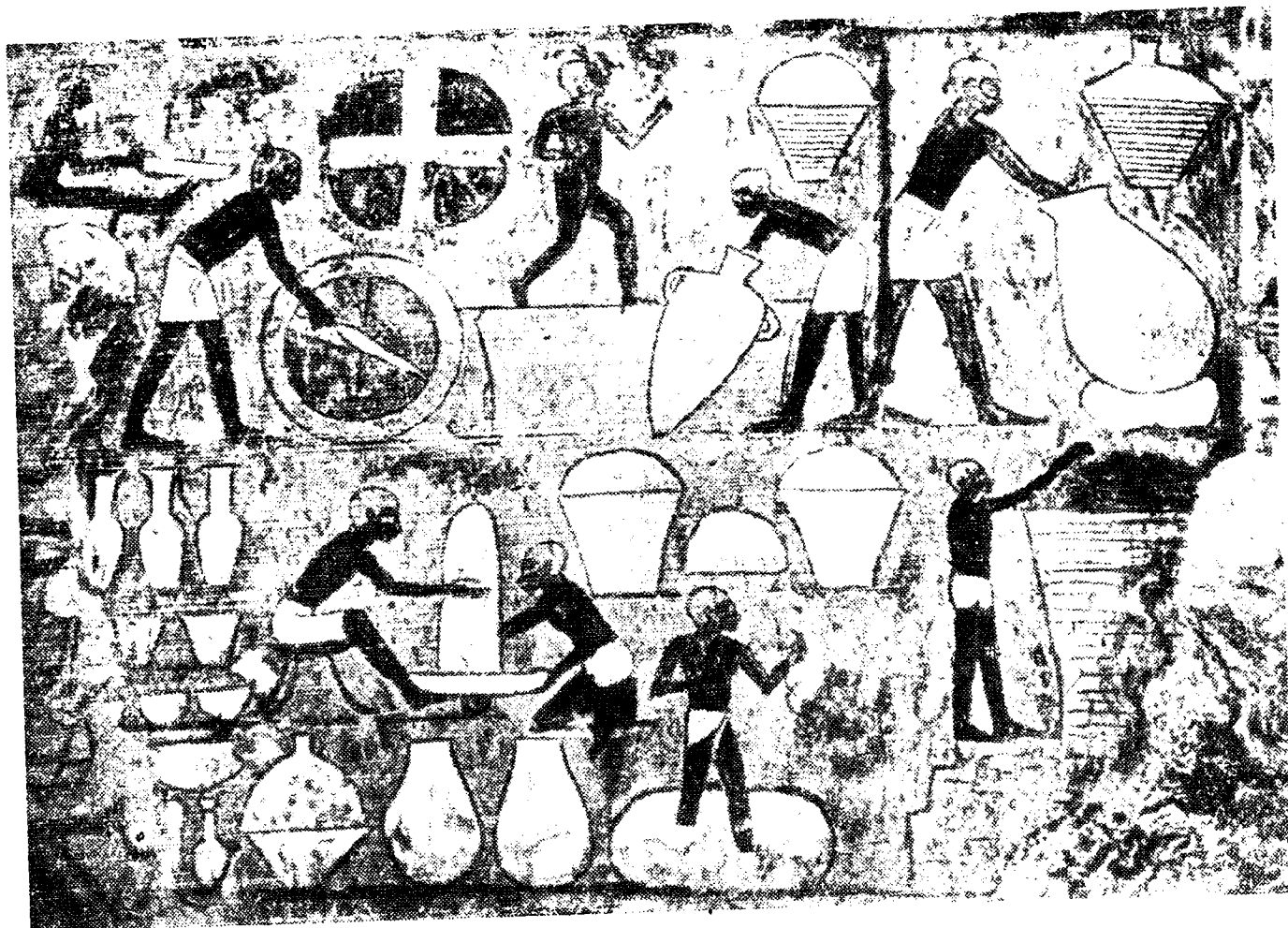
нить в своем «Поучении» восстание против царя Аменемхет I: «Неужели женщины подготовили сражение? Неужели борьбу подготовили внутри дворца? Неужели граждан обманули, введя их в заблуждение относительно этого дела?»².

Разрушение старого государственно-го аппарата, в значительной степени регулировавшего всю хозяйственную жизнь страны, и грандиозное перераспределение частной собственности, стихийно произведенные восставшими массами, должны были неминуемо вызвать острую экономическую разруху, конечно, несколько преувеличенную консервативно настроенным автором папируса. Последний не скрывает своего злорадства по поводу того, что восстание кончилось народными бедствиями и массовым голодом.

Уничтожение аппарата власти вызвало появление бандитских шайк во всей стране. Вся страна наполнилась грабителями: «Даже привратники стали говорить: «Пойдем и станем грабить»».

² А. Ерман «Literatur der Aegypten», S. 108. Leipzig. 1923.

¹ Pap. Leiden, VI—1, VII—6.

Выделка глиняных сосудов. Рельеф из гробницы Кенамона. 2-е тысячелетие до нашей эры.

Голова мумии.
Гос. музей изобразительных искусств. Москва.

Хозяйство страны стало приходить в упадок. Боясь потерять урожай, владельцы полей перестали вспахивать землю.

«Нил разливается, но никто уже больше не пашет. Каждый человек говорит: «Ведь мы не знаем, что творится в стране»¹.

Так как земледелие занимало преобладающее положение во всей экономике страны, то, естественно, что кризис в земледелии должен был вызвать общую экономическую разруху и повлечь за собой массовый голод. В описании этого восстания и его последствий мы читаем о том, что люди начинают питаться травой, отнимают пищу даже от свиньи и не гнушаются всякими отбросами; даже птицы больше не находят себе пропитания.

Такой же застой охватывает и ремесло. Ремесленники перестают работать. Замирает и торговля, которая так пышно расцвела в предшествующую эпоху экономического подъема Египта. Прекращение внешней торговли особенно больно ударяет по аристократии. Ипувер с горечью кон-

статирует: «Люди уже теперь больше не плывут на север, в Библию. Откуда нам достать кедры для наших мумий? Ведь в саркофагах из них хоронили жрецов и их смолой бальзамировали тела вельмож вплоть до страны Кефтиу (о. Крит. — В. А.). Но их теперь уже больше не доставляют. Ведь не хватает золота. Большим событием кажется, когда приходят из оазисов люди со своими праздничными благовониями, со свежими растениями и с птицами»², т. е. с теми товарами, которые, очевидно, доставлялись в Египет из близлежащих оазисов. В этих словах Ипувера ясно звучит ирония, так как торговля Египта с оазисами, конечно, занимала раньше незначительное место в общей системе внешней торговли Египта. В результате смуты, экономической разрухи и анархии, воцарившейся в стране, Египет потерял богатые рынки в Сирии и Нубии.

Но если волны этого восстания поколебали до самых основ устой рабовладельческого общества, частную собственность и государство, то вполне естественно, что одновременно с этим они должны были затронуть и третий устой древнейшего классового общества—патриархальную семью, которая в значительной степени способствовала сосредоточению в руках немногих аристократов крупных богатств и в то же время была оплотом жестокой рабовладельческой эксплуатации трудовых масс. На это значение патриархальной семьи, внутри которой зарождались древнейшие, еще скрытые формы патриархального рабства и которая в своем росте разрушала старый родовой строй, ясно указали в своих трудах классики марксизма. Так, Энгельс в «Происхождении семьи» писал:

«С утверждением фактического господства мужчины в доме пали последние преграды к его единовластию. Это единовластие было подтверждено и увековечено падением материнского права, введением отцовского права, постепенным переходом от парного брака к моногамии. Но это создало трещину в древнем родовом строе:

¹ Pap. Leiden, II—3.

² Там же, III—6, 7, 8.

отдельная семья сделалась силой и угрожающе поднялась против рода»¹.

Еще яснее вскрыто социально-экономическое значение патриархальной семьи в «Немецкой идеологии»: «Вместе с разделением труда,—в котором даны все эти противоречия и которое, в свою очередь, покоится на естественно возникшем разделении труда в семье и на распадении общества на отдельные, противостоящие друг другу семьи, дано и распределение, притом неравное, как количественно, так и качественно, распределение труда и его продуктов, т. е. собственность, зародыш и первоначальная форма которой имеется уже в семье, где жена и дети находятся в рабском подчинении у мужчин. Рабство в семье — правда, еще очень примитивное и скрытое — есть первая собственность, которая, впрочем, уже и в этой форме вполне отвечает определению современных экономистов, согласно которому она есть распоряжение чужой рабочей силой»². Целый ряд конкретных фактов из истории древнего Востока³ прекрасно иллюстрирует четкие характеристики древнейшей патриархальной семьи, данные в трудах основоположников марксизма. Мощная патриархальная семья действительно была оплотом классового строя в эпоху перехода от родового строя к рабовладению. Поэтому естественно, что во время великой смуты, разделившей на два враждебных лагеря все древнеегипетское общество, эта патриархальная, ранее крепкая и сплоченная семья должна была распасться на тех «больших» и «малых», о которых говорят некоторые древнеегипетские тексты: «Малые», т. е. младшие, поработанные члены патриархальных семей, воспользовавшись социальной смутой, смогли восстать против «больших», т. е. своих господ.

Возникают раздоры, и «отец смотрит на своего сына как на своего вра-

га»⁴, так как в патриархальной семье сын был прирожденным рабом своего отца.

«Человек бьет своего брата от своей матери»⁵, видя в нем также своего врага, может быть, потому, что он, старший сын, унаследовал от своего отца все семейное имущество и занял после его смерти положение господина и неограниченного владыки в патриархальной семье.

В другом, похожем тексте, также описывающем какой-то крупный социальный переворот, мы находим не менее красноречивое указание на эту жестокую борьбу, которая в годы смуты воцарилась в патриархальной семье:

«Я покажу тебе сына врагом, брата—противником и человека, убивающего своего отца»⁶.

Здесь рушился последний устой казавшегося столь прочным рабовладельческого общества. И под влиянием всех этих событий, которые казались аристократу непоправимыми бедствиями, неизбежно влекущими за собой полную гибель всей страны и всей древней тысячелетней культуры, в сердце его воцарялся великий, чисто психологический ужас, отчетливо переданный в ярких словах образного древнеегипетского текста:

«Порядочный человек ходит погруженный в скорбь вследствие того, что происходит в стране»⁷.

Этот великий психологический ужас толкает людей на самоубийство, заставляет их бросаться в пасть к крокодилу:

«Крокодилы и рыбы-афипа хватают людей: ведь они сами добровольно идут к ним навстречу, так как это зло (т. е. смерть) для них ничто. Людям говорят: «Не иди сюда, смотри: здесь вода». Но люди ступают по земле как рыбы. Боязливый человек не отличает земли от воды, охваченный ужасом»⁸.

⁴ Pap. Leiden, I—5.

⁵ Там же, V—10.

⁶ В. В. Струве «Papyrus, 1116—В и пророческая литература Египта». Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук. Т. I, стр. 215. Л. 1925.

⁷ Pap. Leiden, I—8.

⁸ Там же, II—12, 13.

¹ Ф. Энгельс «Происхождение семьи, частной собственности и государства», стр. 163. М. 1932.

² К. Маркс и Ф. Энгельс «Немецкая идеология», стр. 22—23. М. 1933.

³ В. Авдиев «Рабовладение на древнем Востоке», стр. 16—18. «История в средней школе» № 2. М. 1934.

В эти годы непрерывных смут реакционно настроенному аристократу жизнь кажется настолько невыносимой, что, по его мнению, всем людям смерть должна казаться желанной избавительницей от страданий. Резко преувеличивая бедствия страны, видя все в черном свете, аристократ вкладывает свои собственные мысли и переживания в уста изображаемых им людей, говоря, что

«...и великий и малый одинаково говорят: «Я хотел бы умереть». Даже маленькие дети говорят: «Он (т. е. отец) не должен был давать мне жизнь»¹.

Панический ужас наводит на аристократа шумящая толпа, которая должна была раньше смиренно молчать и лишь гнуть спину. Люди сняли печать молчания со своих уст и стали громко, во всеуслышание, заявлять о своих правах. Бряцание оружия и гул битвы наполнили своими отзвуками весь Египет, некогда хранивший торжественное молчание городов мертвых и пышных гробниц. И этот шум восставшего народа невыносим для ушей аристократа, привыкшего к тишине царского дворца. Он казался ему грохотом гибнущего мира.

«Слишком много шума в годы шума!» — восклицает он.

«Нет конца шуму. О если бы земля замолкла, и прекратился бы шум, и не стало бы больше смятения!»².

«Погибло все!» — с ужасом и в смертельном страхе перед надвигающейся лавиной восклицал человек, который в этом восстании видел для себя и своего класса неминуемую гибель.

Но еще не пробил час смерти этого рабовладельческого общества, ибо еще не созрели социально-экономические предпосылки для его крушения.

Еще слишком крепки были пережитки старого родового строя и недостаточно обострились социальные противоречия в новом классовом обществе. Этот социальный переворот привел лишь к перераспределению собственности, обогатив одних и разорив других. И для защиты новых собственников снова понадобились старые формы государства и старые формы классового угнетения. Средние слои городского населения воспользовались смутой для личного обогащения. А рабы, вынесшие на своих плечах всю тяжесть социальной борьбы, еще не были достаточно организованы для того, чтобы добиться улучшения своего материального и политического положения. Рабы остались попрежнему рабами, и когда аристократы, опираясь на средние городские слои, обогатившиеся во время смуты и начавшие уже страдать от экономической разрухи, восстановили в стране старый государственный аппарат — старую машину угнетения и насилия, — рабы, разобщенные и несплоченные, принуждены были снова подчиниться своим вековым угнетателям.

Так окончилось одно из древнейших известных в истории восстаний бедняков и рабов, которое явилось предвестником тех великих революций рабов, которые значительно позднее, в эпоху Римской империи, потрясли до самых основ рабовладельческое общество, той великой революции рабов, которая, по словам Сталина, «ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся. Но вместо них она поставила крепостников и крепостническую форму эксплуатации трудящихся. Одни эксплуататоры сменились другими эксплуататорами»³.

³ Речь И. В. Сталина на I всесоюзном съезде колхозников-ударников 19 февраля 1933 года. «Вопросы ленинизма», стр. 527. Партиздат. 1934.

¹ Pap. Leiden, IV—2, 3.

² Там же, IV—1, 2, VI—1.

Д. Сверчков

ФЕЛИКС ДЗЕРЖИНСКИЙ

Высокий, чуть сутуловатый, в гимнастерке, худое, изможденное лицо, усталые веки, под которыми горят неукротимой энергией вдумчивые, бесконечно добрые, серые глаза, открытый лоб, прорезанный двумя складками между бровей, узкая борода клинушкой — таков был внешний облик Феликса Эдмундовича Дзержинского. Приветливый, чуткий, исключительно скромный, никогда не думающий о себе, не отступающий ни перед какими трудностями, неутомимый, беззаветно преданный партии и революции борец — таким остался Дзержинский в памяти всех, кто встречался и работал с ним.

1

Феликс Эдмундович Дзержинский родился 11 сентября 1877 года в семье мелкого польского помещика, в Ошмянском уезде, Виленской губернии.

Уже в самом раннем возрасте Дзержинского волнует бесправное положение широких народных масс. Безудержный произвол самодержавия и жестокая эксплуатация трудящихся звали его на борьбу. Будучи в седьмом классе гимназии, он вошел в социал-демократический кружок самообразования. Здесь перед ним открылся тот путь, который он искал и на который он отныне твердо становится.

Восемнадцать лет от роду, он накануне выпускных экзаменов бросил гимназию, оставил семью и ушел жить в рабочие кварталы.

Приняв решение лично изучить условия жизни рабочих, он пошел в трущобы, в сырые подвалы, где ютились рабочие семьи, изучил еврейский язык, собрал огромный материал о положении рабочих и наметил отправные пункты для работы социал-демократической организации в Вильно. Здесь в тот период имела значительное влияние теория «экономизма», утверждавшая, что борьба рабочих не должна выходить за пределы требований об увеличении заработной платы, сокращении рабочего дня и улучшении условий труда, обходя все политические вопросы.

Дзержинский вступил в жестокую борьбу с этой «теорией». Он понимал, что без коренного изменения государственного строя никакие существенные улучшения положения рабочих невозможны. Ему пришлось столкнуться и с противодействием верхушки тогдашней рабочей среды, которая видела роль интеллигенции только в распространении грамотности и общих знаний.

Широкая агитация Дзержинского среди ремесленников Вильно совпала с периодом подъема забастовочного движения. Молодой агитатор сделался авторитетным в рабочей среде. Полиция начала усиленно искать его. «Яценку» — Дзержинскому — пришлось скрываться. Он переехал на работу в Ковно.

Здесь Дзержинский все силы отдает на создание социал-демократической организации. Он знакомится с рабочими, дает им сначала научно-популярные книги, обсуждает их содержание с ними и этим путем выявляет наиболее сознательных и передовых из них. Затем организует стачки с требованиями увеличения заработной платы и сокращения рабочего дня. Вместе с тем он настойчиво доказывает необходимость политической борьбы и объединения рабочих с крестьянами в целях низвержения царизма. Он раздает рабочим запрещенные брошюры и прокламации, устраивает за городом сходки.

За Дзержинским начинается поли-

цейская охота. 17 июля 1897 года его арестовывают на улице и заключают в ковенскую тюрьму.

Жандармы пытаются «воздействовать» на Дзержинского всеми средствами, вплоть до избиений, но он остается непоколебимым.

После почти года пребывания в тюрьме его выслали на три года в Вятскую губернию под надзор полиции. В конце июля 1898 года его привезли в город Нолинск, где он поступил набойщиком на махорочную фабрику и немедленно начал вести пропаганду среди рабочих. Его сослали на 500 верст севернее, в село Кайгородское. Но Дзержинский и здесь продолжал свою работу и очень быстро приобрел большой авторитет среди крестьян. Пока велась переписка полиции с губернатором о его продолжающейся противоправительственной деятельности, Дзержинский бежал из ссылки и приехал в Вильно.

Нолинский уездный исправник доносил вятскому губернатору:

«28 августа 1899 г. Феликс Эдмундович Дзержинский, состоя под гласным надзором полиции в Кайгородском селе по обвинению в государственном преступлении, самовольно отлучился из места настоящего своего жительства вниз по течению реки Камы, будто бы в г. Нолинск...»¹.

В эти годы Ф. Э. Дзержинский — уже вполне сложившийся революционер-марксист. Еще из тюрьмы в 1898 году он написал резкое письмо противникам вхождения литовской социал-демократии в единую революционную социал-демократическую рабочую партию России и клеймил их националистические взгляды.

Из нолинской ссылки он писал сестре в 1898 году:

«Ты знала меня ребенком, подростком, но теперь, как мне кажется, я уже могу назвать себя взрослым с установившимися взглядами человеком, и жизнь может меня лишь уничтожить подобно тому, как буря валит столетние дубы, но никогда не изменит меня. Я не могу ни изменить себя, ни измениться. Мне уже невозможно вернуться назад. Условия жизни дали мне такое направление, что

течение, которое меня захватило, для того только выкинуло меня на некоторое время на безлюдный берег, чтобы затем с новой силой захватить меня и нести меня с собой все дальше и дальше, пока я не изношусь в борьбе, т. е. пределом моей борьбы может быть лишь могила»².

Так писал Дзержинский на двадцать первом году своей жизни. Он был неправ только в одном: он никогда пассивно не отдавался течению. Наоборот, он был одним из тех, кто направляет это течение в надлежащее русло, кто углубляет его, кто не опускает рук перед временными неудачами, кто в поражениях ищет опорных пунктов для победы в следующей схватке.

2

В Вильно полиция уже слишком хорошо знала Дзержинского, и ему пришлось уехать в Варшаву. Там он поселился по фальшивому паспорту и снова повел огромную организаторскую работу.

В конце декабря 1899 года в Вильно состоялось совещание по вопросу о слиянии польской и литовской социал-демократических организаций. Дзержинский явился главным организатором этого совещания, в результате которого родилась социал-демократическая партия Польши и Литвы, принявшая программу Российской социал-демократической рабочей партии и явившаяся впоследствии союзницей В. И. Ленина в его борьбе против меньшевиков. Эта партия вплоть до Великой Октябрьской революции 1917 года руководила революционным рабочим движением в Польше и Литве.

23 января 1900 года Дзержинский вновь попал в руки жандармов и провел почти два года в знаменитом десятом павильоне Варшавской крепости без свиданий и без всякой связи с родными и товарищами.

20 октября 1901 года его отправили в ссылку на пять лет в Восточную Сибирь. По дороге в Виллюйск в июле 1902 года Дзержинский снова бежал и благополучно добрался до Берлина.

¹ «Бесстрашный солдат великих боев», стр. 47. М. 1932.

² Н. Зубов «Феликс Дзержинский», стр. 16—17. М. 1933.

В Берлине было организовано совещание, на котором присутствовали Роза Люксембург, Тышко, Мархлевский, Варский, Ганецкий и Дзержинский. «Я ополчился против бездействия партии в Польше», — говорил Дзержинский. Была разработана программа работы, решено было издавать свой орган «Червоны штандар» («Красное знамя»). Совещание поручило Дзержинскому организацию издательства в Кракове, переправу через границу людей и литературы, связь и работу на местах.

Дзержинский раз'езжал по всей Польше, сам перевозил литературу, организовывал подпольную партийную технику, инструктировал и руководил партийной работой. Меньше всего он думал о себе и об опасности, которой подвергался в случае ареста.

После раскола РСДРП на большевиков и меньшевиков Дзержинский прилагает все силы, чтобы социал-демократия Польши и Литвы работала по программе Ленина.

В январе 1905 года Дзержинский совсем переехал из-за границы в Польшу и повел работу в качестве члена главного правления социал-демократии Польши и Литвы, став во главе революционного движения. Понимая, что дело идет к вооруженному восстанию, он работал над созданием военной организации партии.

17 июля 1905 года его вновь арестовали — в лесу, где собралась партийная конференция, — отвезли вместе с другими делегатами в Варшаву и заперли в, знакомый уже, десятый павильон цитадели.

Октябрь 1905 года освободил его из застенка, но революция 1905 года была разбита. Среди интеллигенции наблюдается отход от революционной работы. Дзержинский с еще большей энергией укрепляет революционные партийные организации, проводит ряд городских и местных конференций.

В 1906 году его делегируют на Об'единительный с'езд Российской социал-демократической рабочей партии и выбирают членом Центрального комитета в качестве представителя социал-демократии Польши и Литвы. В августе, сентябре и октябре он работает в Петербурге. 26 декабря 1906 года его вновь арестовали — в Вар-

Ф. Э. Дзержинский. 1897 г.

шаве, на совещании по вопросу о проведении выборов в Государственную думу.

В подследственной тюрьме «Павияк» он организовал школу, занимался с арестантами-учениками, подбирал арестантов-лекторов, шутливо называл себя «инспектором».

Для пред'явления ему обвинения не оказалось достаточно материалов, и 27 мая 1907 года жандармы вынуждены были выпустить его под залог. Материала для обвинения у жандармов не оказалось потому, что находившимся на свободе товарищам удалось организовать исчезновение из его дела в жандармском управлении некоторых бумаг, захваченных при обыске...

8 апреля 1908 года его вновь арестовали — на улице — и вновь заключили в десятый павильон Варшавской крепости. При аресте у него нашли нелегальную литературу, написанные им заметки по поводу происходившей 4 апреля районной партийной конференции и другие документы.

1907—1910 годы — эпоха мрачной реакции. Партийная организация разгромлена. Интеллигенция почти целиком отошла от революционной борь-

бы. Началась проповедь ненужности нелегальной партии и необходимости использовать для борьбы с правительством только легальные организации. Часть товарищей стала склоняться к анархизму, увлекалась мистицизмом. Будущее революции казалось для многих окутанным непроглядным туманом.

Но эти настроения были чужды запертому в каменный мешок Дзержинскому. В тюрьме он вел дневник, к счастью, сохранившийся среди наиболее драгоценных документов революции.

Запертый в одиночке, в то время когда кругом свирепствовали военно-полевые суды и бессудные расстрелы, он писал:

«31 декабря (1908 г.)... Сегодня последний день года. Уже пятый раз встречаю в тюрьме новый год (1898, 1901, 1902, 1907 — впервые одиннадцать лет тому назад). В тюрьме созрел я — в муках одиночества и в тоске о мире и жизни. Однако сомнение о «деле» никогда не заглянуло мне в глаза, и теперь — когда в потоках крови похоронены на долгие годы, быть может, все недавние надежды, когда пригвождены они к столбам виселицы, когда многие тысячи борцов за свободу загнаны в темницы или брошены в снежные тундры Сибири, — теперь я горд. Вижу эти бесчисленные массы, которые уже заколыхались, подкопали старые устои, внутри этих масс готовятся новые силы для новых боев. Я горд, что я с ними, что я вижу их, чувствую, понимаю их и что лично много с ними перестрадал.

Здесь, в тюрьме, часто бывает плохо, бывает страшно. Однако... если бы мне заново пришлось начать жизнь, я бы ее начал таким же образом: это не голос обязанности, но органическая необходимость. Благодаря тюрьме «делу» стало для меня чем-то осязаемым, реальным, как ребенок для матери, — кровью и плотью, ребенком, который меня никогда предать не может и поэтому всегда доставляет радость. Тюрьма лишила меня многого, очень многого, не только нормальных условий жизни, без которых человек становится несчастным среди наиболее несчастных, но и са-

мой приспособленности к использованию этих условий, лишила меня уменья плодотворной умственной работы, ибо многолетнее пребывание в тюрьме не могло пройти бесследно. И когда в сознании своем, в сердце своем я взвешиваю то, чего лишила и что дала мне тюрьма, — хотя я не мог бы определить, на какой стороне перевес, — я твердо знаю, что не проклинаю ни судьбы моей, ни долгих лет тюрьмы, ибо все это разобьет ту великую тюрьму, которая находится вне этих стен. Это не игра мысли, не резонерство. Это результат неудержимой жажды свободы и полноты жизни, тоски по красоте и справедливости... Там теперь товарищи и друзья пьют за наше здоровье, а я здесь, в одиночной камере, думаю о них: да здравствуют и пусть куют оружие и будут достойны своего дела!»

Какими горячими словами, какими яркими красками можно обрисовать облик Дзержинского лучше, чем он сделал это сам в скупых, но глубоких строчках своего дневника, написанного в тюремном каземате под звон кандалных цепей и прощальные приветствия товарищей, шедших на виселицу?!

Эпоха свирепой реакции, карательные экспедиции, военно-полевые суды, бессудные расстрелы, леса виселиц, широкая волна провокации, разгром революционных организаций заставили многих партийных работников отойти в сторону от революционного движения. Многих, но не Дзержинского. Сидя в каземате Варшавской цитадели, окруженный смертниками, которых вешали ночью во дворе крепости, он писал: «...сомнение о «деле» никогда не заглянуло мне в глаза...»

Он жил верой в будущий подъем революционного движения, которого не может не быть, так как ничего не изменилось в рабском положении трудящихся, так как самодержавие и капитализм обречены на гибель, так как зажатый ими в кровавые тиски пролетариат неизбежно явится их могильщиком.

3

25 апреля 1909 года Дзержинского приговорили к лишению всех прав со-

стояния и ссылке в Сибирь на поселение навсегда. 31 августа он был отправлен в Енисейскую губернию. Через два месяца пути его привезли в Тасеевку. Там он пробыл семь дней и бежал через Варшаву за границу.

Со всеми последствиями эпохи реакции столкнулся Дзержинский и за границей, где он вступил в ожесточенную борьбу с малoverами и оппортунистами. Невзирая на опасность Дзержинский снова множество раз ездил из-за границы в Польшу, восстанавливал порвавшиеся партийные связи, возрождал разгромленную партийную организацию, работал над возобновлением выпуска партийной литературы.

Его старались удержать за границей, предостерегали об опасности ареста, но он продолжал свою полную риска плодотворную деятельность.

«Мои дорогие, — пишет он, — сообщаю вам, что уезжаю отсюда (из Кракова) в Польшу через 6—7 дней. Прошу вас, не уговаривайте меня: не послушаюсь...»

1 сентября 1912 года Дзержинского в шестой раз арестовывают в Варшаве и сажают в тюрьму. Одновременно с ним арестовывают в разных концах Польши целый ряд других участников организации. В руки жандармов попал богатый улов. Они готовятся создать крупнейший судебный процесс.

Но следствие требует долгих месяцев. Жандармы не желают удовлетвориться тем, что Дзержинский сидит в тюрьме в качестве подследственного заключенного. Налицо его побег из ссылки на поселение. И Дзержинского решают судить пока за побег, а после окончания следствия по основному делу предать суду вторично.

Через двадцать месяцев после заключения, 29 апреля 1914 года, Дзержинского приговорили к трем годам каторги за побег. Судьи знали, что этот приговор — только прелюдия к другому, гораздо более суровому.

Началась империалистическая война. С первых ее месяцев царское правительство предусмотрело возможность сдачи Варшавы немцам и озабочилось о сохранении в своем распоряжении политических преступников. Последние, в том числе Феликс Дзержинский, были перевезены в Орел.

Дзержинский был в хорошем на-

Ф. Э. Дзержинский.
Орловская каторжная тюрьма. 1914 г.

строении. Социал-демократия Польши и Литвы с первых же дней войны заняла по отношению к ней правильную, резко отрицательную позицию. В ответ на царскую мобилизацию в Варшаве была организована рабочая демонстрация под лозунгом «Да здравствует революция!»

Опасаясь реальных выражений симпатий по адресу отправляемых в Орел узников десятого павильона, полиция распространила слух, что это везут пленных немцев. В дороге Дзержинского и его товарищей лишили воды и пищи. Многие от голода падали в обморок. Дзержинский организовал протест, в результате которого арестованные получили воду, хлеб и махорку.

В марте 1915 года Дзержинский очутился в знаменитом своими зверствами Орловском каторжном центре. Бодрое настроение не покидало его. Изредка тайным путем ему удавалось переслать письмо на волю к друзьям. Он писал:

«То, что стало вам известно насчет наших условий, все это правда. Эти условия попросту невозможны. Последствием их является то, что каждый день кого-нибудь вывозят отсю-

да... в гробу. Из нашей категории умерло уже 5 человек в течение последних 6 недель, все от чахотки. Трое из них уже давно получили поселение (после отбытия каторги осужденных переводили на поселение в деревни Сибири. — Д. С.), но их не вывозили потому, что в течение семи месяцев не было времени привести в порядок их «бумаги»... И если бы я мог писать о том, чем я живу, я не писал бы ни про тиф, ни про капусту, ни про вшей, — но про нашу тоску о ныне от нас оторванных идеях, но тем не менее остающихся для нас в самом деле хлебом нашим насущным... Когда я думаю о том, что сейчас творится, о повсеместном будто бы сокрушении всяких надежд, я прихожу к выводу для себя, что жизнь зацветет тем скорее и сильнее, чем сильнее сейчас это сокрушение... Я стараюсь смотреть вперед и видеть то, о чем сегодня никто не говорит...»¹.

В отправленном тайно письме нельзя было называть вещи своими именами: письмо могло послужить в случае провала новым документом для обвинения и репрессий,—но Дзержинский очень прозрачно дает понять, что его волнует, говорит о своей бодрости, о своих надеждах, которых лишены были многие, находившиеся на свободе, но которые горели яркой уверенностью у закованного в кандалы и запертого в Орловский централ Феликса Дзержинского.

В 1916 году, незадолго до окончания трехлетнего срока каторги, жандармы перевезли Дзержинского в Москву и предали суду за партийную работу периода 1910—1912 годов. Суд прибавил ему еще шесть лет каторги.

4

Февральская революция 1917 года распахнула двери тюрем. Дзержинский, проведенный в тюрьмах одиннадцать лет своей жизни, вышел на свободу.

Но в февральской революции он видит только первый этап на пути к ниспровержению всего буржуазно-капиталистического строя. Он становится

самым активнейшим членом партии большевиков, одним из первых он подхватывает лозунг В. И. Ленина «Вся власть советам». Дзержинский—член Военно-революционного комитета. Он готовит Октябрьское восстание. Во главе подготовки — пятерка: Сталин, Свердлов, Дзержинский, Урицкий, Бубнов.

25 октября (7 ноября) 1917 года Великая пролетарская революция свергла Временное правительство и на его место поставила Совет народных комиссаров во главе с В. И. Лениным.

Но буржуазия не сложила оружия: используя помощь всего международного капитала, она бешеными темпами ведет подготовку к пражданской войне. Старый государственный аппарат ответил на создание советской власти отчаянным саботажем. Были пущены в действие все средства, чтобы лишить едва родившуюся рабочую власть всякой возможности управлять страной. Наряду с этим готовились вооруженные силы для контрреволюционных восстаний, возникали подпольные организации, охватывавшие своими щупальцами Петроград, Москву и крупнейшие центры нашей страны, велись переговоры с иностранными капиталистами, от которых получались значительная денежная помощь и обещания вооруженной поддержки.

В порядок дня стал вопрос о срочном создании специального органа борьбы за сохранение завоеваний Октября, органа, беспощадно пресекающего всякие попытки возврата к прошлому рабству.

20 декабря 1917 года Совет народных комиссаров принял постановление о создании Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией.

Ответственной за эту комиссию партия доверила Феликсу Эдмундовичу Дзержинскому.

Задача организации ВЧК была невероятно трудна. Для подготовительной работы история не отпустила буквально ни одного часа. Нужно было сейчас же, немедленно, приступить к огромной, напряженнейшей работе. На ВЧК была возложена обязанность борьбы с саботажем, охватившим почти всю интеллигенцию, борьбы со спекуляцией, быстро развивавшейся на

¹ Н. Зубов «Феликс Дзержинский», стр. 45—46. М. 1933.

почве недостатка продуктов, а главное — с контрреволюцией, основными силами которой являлись десятки тысяч находившихся в Петрограде и Москве царских офицеров и чиновников. Организовавшиеся «комитеты спасения родины и революции», объединили всех врагов советской власти, начиная от Милюкова и кончая меньшевиками и эсерами. Помимо этого ВЧК приходилось бороться с бандитами, грабителями, хулиганами и погромщиками.

Организация аппарата ВЧК представляла крайне сложную задачу. Партия большевиков выделила для ВЧК преданнейших своих членов, но, конечно, опытных людей для такой работы не было. В затруднениях играло значительную роль и то обстоятельство, что вначале к большевикам примкнули левые эсеры, объявившие себя сторонниками власти советов, но на деле подготовлявшие борьбу против диктатуры пролетариата. Стоявший во главе Народного комиссариата юстиции левый эсер Штейнберг всеми средствами старался подчинить себе ВЧК и пользовался каждым случаем, чтобы дискредитировать ее и умалить предоставленные ей права.

По первоначальному постановлению Совета народных комиссаров, ВЧК должна была заниматься только предварительным расследованием преступлений против революции и не имела сама судебных и карательных функций. При неналаженности судебного аппарата жизнь заставила ВЧК взять в свои руки и судебные функции и выносить приговоры в тех случаях, когда следствие давало исчерпывающий материал для установления виновности привлеченных.

Тов. Дзержинский справился со всеми трудностями, и к моменту переезда правительства из Петрограда в Москву, в марте 1918 г., ВЧК уже имела сплоченный штат сотрудников, выработанные методы работы и пользовалась широчайшими симпатиями трудящихся.

В Москве ВЧК столкнулась с наличием в городе многочисленных вооруженных отрядов анархистов и просто бандитов, грабивших население. Эти отряды состояли не только из всякого сброда, но и из белогвардейцев, старавшихся всеми способами вызвать

Ф. Э. Дзержинский.
За работой над материалами ВЧК. 1922 г.

у населения недовольство советской властью.

Беспощадную борьбу с этими элементами ВЧК начала немедленно по переезде в Москву. Так, в первый же день переезда группа работников ВЧК зашла в столовую, где на них напали бандиты, пытались разоружить их и убили одного чекиста. Тов. Дзержинский приказал разыскать и арестовать бандитов, что было немедленно выполнено. В тот же вечер коллегия ВЧК приговорила их к расстрелу.

В очень скором времени была осуществлена ликвидация этих шаек, и Москва избавилась от бандитов, называвших себя анархистами, но состоявших в большинстве из белогвардейцев.

Следующим славным делом ВЧК было раскрытие и ликвидация в мае 1918 года крупной контрреволюционной организации — «Комитета спасения родины и свободы». Выяснилось, что эта организация охватывает значительные слои служащих продовольственной милиции, вооруженных винтовками из советских складов, что она имеет широкие разветвления и построена по военному образцу, т. е. в состоянии организованно выступить на открытую борьбу по данному сигналу. Руководил этой организацией Савинков.

Несколько месяцев спустя была рас-

крыта и ликвидирована организация иностранных послов во главе с Локкартом, служившая связующим звеном между иностранным капиталом и русскими белогвардейцами. Здесь ВЧК встретила с огромными затруднениями: ее неопытным сотрудникам пришлось иметь дело со стройной организацией, имевшей свой шифр, свои пароли, свою дисциплину. Тов. Дзержинский сам работал над расшифровкой паролей и адресов и руководил этой работой, участь и уча других.

Успехи ВЧК вызвали бешеную ненависть врагов советской власти против нее и прежде всего против тов. Дзержинского.

Но беспощадный к классовому врагу, тов. Дзержинский был необычайно чуток к тем, кто попадал в лагерь контрреволюции вследствие заблуждения, в результате обмана и политической темноты.

Никто никогда не слышал от Ф. Э. Дзержинского ни одного намека на тяжесть работы в ВЧК. Тов. Радек рассказывает: «Когда мы собирались в 1920 году, во время борьбы с белой Польшей, на фронт, надеясь на победу, Дзержинский говорил мне: «Когда победим, я возьму Наркомпрос»¹.

5

6 июля 1918 года левые эсеры подняли восстание против советской власти. Они начали с убийства германского посла Мирбаха, надеясь этим актом возобновить борьбу против Германии под предлогом противодействия германскому империализму, а на самом деле — против Октябрьской социалистической революции и ее завоеваний. Одним из ближайших участников мятежа оказался заместитель председателя ВЧК левый эсер Александрович. Он выдвинул на пост начальника отряда ВЧК своего единомышленника Попова. Мирбах был убит левым эсером Блюмкиным, входившим в отряд Попова. Ловозеровское восстание постигла судьба всех контрреволюционных попыток борьбы против власти рабочего класса.

Однако это восстание, убийство Мирбаха и факт заговора внутри аппарата ВЧК заставили тов. Дзержин-

ского потребовать на заседании Совнаркома своего отстранения от должности председателя ВЧК и назначения над собой следствия. Совнарком согласился на его требование. Была назначена следственная комиссия под председательством тов. Стучки. Через неделю Дзержинский снова занял прежний пост и очистил от левых эсеров ВЧК, аппарат которой с этого времени стал монолитным и единым.

С марта 1918 года тов. Дзержинский работал над улучшением органов ВЧК на местах.

В конце 1918 года такие факты, как покушение на Ленина и бешеное развитие белого террора в пограничных областях, потребовали увеличения аппарата ВЧК. Проникновение контрреволюционеров в войска вызвало создание фронтовых ЧК; вслед за ними были организованы и транспортные ЧК.

Забываясь об авторитете ВЧК, тов. Дзержинский требовал от ее работников исключительной честности и установил правило, по которому чекист отвечал за преступления гораздо строже чем все остальные граждане. Мерой наказания для сотрудников ВЧК за использование служебного положения в личных целях был определен расстрел.

Тов. Дзержинский отдавался работе в ВЧК так, как он отдавался всякому делу, куда его посылала партия. «Его настолько захватывает дело,—писал тов. Лацис, — что он просиживает ночи в помещении ВЧК. Ему некогда сходить домой. Он спит с перерывами тут же, в кабинете, за ширмой, где приспособлена для него кровать. Он и столуется тут же, и курьер приносит ему в кабинет еду, обыкновенную, какой питаются все сотрудники ВЧК»².

Наступил 1919 год. Кольцо белогвардейского фронта сжималось вокруг Москвы все теснее. Внутри красной столицы работали враги. В окрестностях Москвы для помощи Деникину были организованы две дивизии вооруженных контрреволюционных сил.

Но ВЧК бдительно стояла на своем посту: она раскрыла заговор «наци-

¹ Сборник «Страж Октября», стр. 92—93. Гиз. 1926.

² Сборник «Ф. Э. Дзержинский». Статья тов. Лациса.

онального центра», ликвидировала подпольную организацию анархистов, объединившихся в своей ненависти к советской власти с левыми эсерами, очистила Москву от контрреволюционных элементов.

Могучая Красная армия разгромила белогвардейцев на всех фронтах. Славная ВЧК под руководством тов. Дзержинского ликвидировала внутренние попытки заговоров против советской власти. Деятельность ВЧК расширяется теперь в новую, на первый взгляд, неожиданную, сторону: тов. Дзержинский берет под свое руководство борьбу за восстановление транспорта, за здоровую советскую торговлю, за преследование контрабанды, за защиту и поддержку советских изобретателей и борьбу с детской беспризорностью. Колонии, организованные по указанию тов. Дзержинского (как например Болшевская), являются гордостью нашего пролетарского государства.

К этому времени очень остро стал вопрос о транспорте, без правильной работы которого нельзя наладить хозяйственную жизнь страны. И снова партия вверяет этот важнейший участок тов. Дзержинскому. Его назначают народным комиссаром Путей сообщения с сохранением за ним руководства ВЧК, преобразованной в Обьединенное государственное политическое управление.

Старое министерство путей сообщения еще сохранялось почти в полной неприкосновенности со всеми своими бюрократическими подразделениями, вовсе не приспособленными для нужд нового пролетарского государства. Сюда тов. Дзержинский бросает свой исключительный организаторский талант. Но, продумав схему новой организации управлений железных дорог, он не проводит ее в жизнь прежде, чем не обсудит с массами железнодорожников, работающих на местах, прежде, чем не выслушает их свободную критику.

1921 год. Поволжье охвачено жестоким голодом. Враги советской власти ликуют: если не удалось раздавить советскую власть оружием, авось, это сделают голод и тифозная вошь... Тов. Дзержинский открывает борьбу с этими новыми врагами. Создаются специальные чрезвычайные комиссии по

Ф. Э. Дзержинский. 1926 г.

борьбе с тифом. Дзержинский требует введения чистоты в вагонах и вокзальных помещениях, устанавливает штраф за каждый брошенный на платформу окурок.

В роли чрезвычайного уполномоченного ВЦИК и Совета труда и обороны он едет в Сибирь, чтобы помочь организации вывоза оттуда хлеба в голодающее Поволжье. Мы, в то время железнодорожники Омской дороги, употребляли все усилия, чтобы увеличить количество сдаваемых по Тюмени и Челябинску пуженых хлебом вагонов до 250 в сутки. Какая это ничтожная часть нынешнего оборота вагонов по этим же пунктам, но с какими невероятными трудностями нам пришлось встретиться тогда, чтобы хоть приблизиться к этой намеченной тов. Дзержинским цифре!

Как опытейший организатор-большевик, тов. Дзержинский не оставляет без внимания ни одной мелочи, которая помогла бы ускорить ремонт паровозов и вагонов и достичь намеченной цифры вывоза хлеба. Зная, какую огромную роль в деле организации масс играет печать, он создает ежедневную газету «Сибирский гудок», зовущую на борьбу за выполнение требований страны, бичующую бюро-

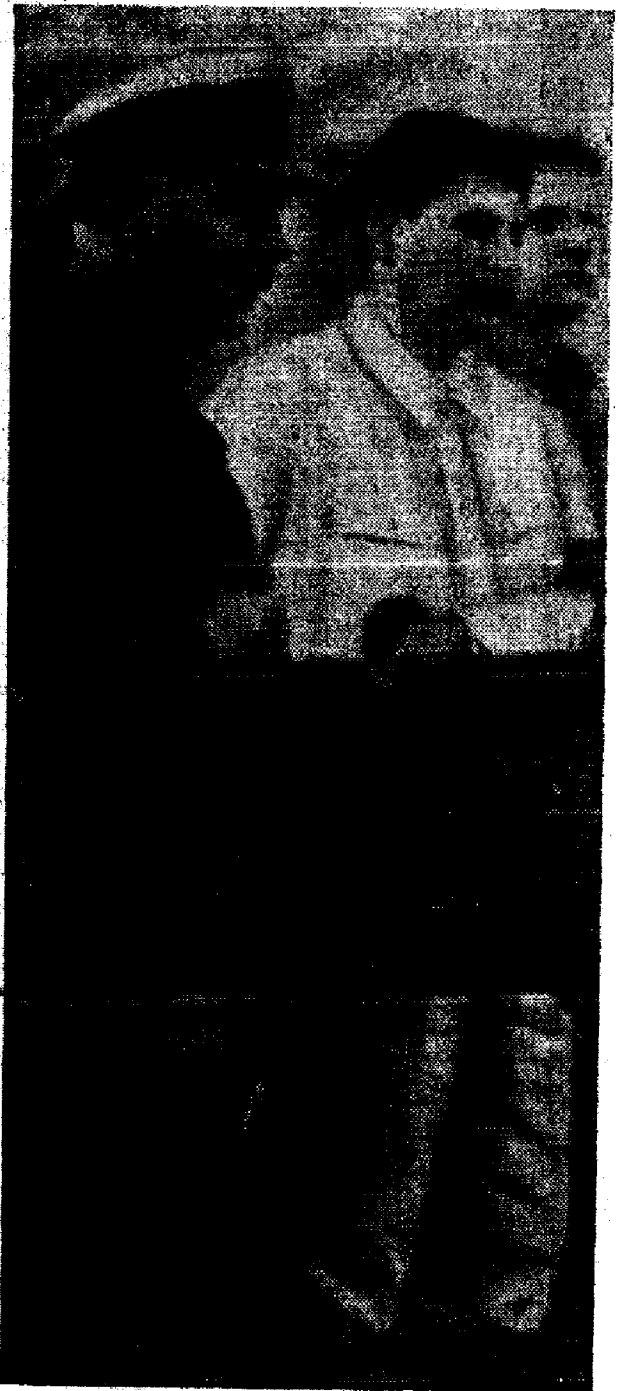
кратизм, разгильдяйство и косность железнодорожного аппарата. Он сам указывает темы, интересуется каждой мелочью, поддерживает каждое начинание.

Железные дороги испытывали жесточайшие затруднения из-за недостатка топлива, и Дзержинский приказывает пересмотреть нормы расхода топлива в целях их возможного сокращения. Один товарищ, машинист по профессии, работавший в участковом комитете союза железнодорожников, по своей инициативе берется проверить нормы расхода топлива на маневровые паровозы. Проработав 48 часов подряд, он получил цифру расхода, гораздо более низкую, чем это предписано НКПС. Тов. Дзержинский назначил общее собрание специалистов Сибирского округа путей сообщения и Омской железной дороги и поставил на нем доклад этого товарища. Доклад окончился полным разгромом существовавших норм.

Параллельно с неустанной работой по выполнению задания ВЦИК и СТО тов. Дзержинский ознакомил сначала коммунистов, а потом и беспартийных специалистов с планом реорганизации управлений железных дорог и развернул программу создания на каждой дороге отдельной полноправной хозяйственной единицы во главе с правлением, отвечающим за ее работу. Но выступать на собраниях с докладами он не любил и поручал это своему ближайшему помощнику тов. Н. Н. Зимину, а сам только участвовал в прениях и дополнял его доклады.

Конец 1921 и начало 1922 годов были посвящены этому обсуждению, и только после этого тов. Дзержинский провел свой план в жизнь, дав этим огромный толчок к восстановлению в кратчайший срок почти совершенно разваленного пражданской войной и интервенцией железнодорожного транспорта.

Чтобы наладить работу транспорта, тов. Дзержинский использовал весь аппарат ОГПУ, переведя оттуда на работу в НКПС целый ряд испытанных работников и приказывая руководителям дорог обращаться в органы ОГПУ за помощью во всех случаях жизни дороги. Вместе с тем тов. Дзержин-

Товарищи Сталин и Верошилов на похоронах Ф. В. Дзержинского. 1926 г.

ский наметил упразднение института комиссаров на дорогах. «Упразднение института комиссаров никоим образом не должно обозначать умаления роли коммунистов, — писал он мне 15 апреля 1922 года, когда я был комиссаром Петроградского округа путей сообщения. — Без преданных делу коммунистов транспорт пропадет. Надо вам уже сейчас наметить кандидатов на все административно-хозяйственные должности, где не требуется специальной квалификации».

Смысл своей реформы тов. Дзержинский объяснял в другом письме ко мне, от 20 апреля 1922 года, так: «В своем докладе ЦК (посылаю его вам)

я отметил ту роль, которую коммунисты должны сыграть на транспорте. Эту роль во что бы то ни стало надо обеспечить: они должны быть хозяевами на дороге. Эту задачу надо осознать твердо и дать ее вам, местным руководителям и местным партийным центрам. Наш центр (НКПС) должен места раскрепостить — это главное. И места должны воевать активно за эти свои права. Наша линия сейчас по отношению к спецам и красным спецам на транспорте не простая, она очень сложная, отсюда в переходное время неустойчивость и пустые надежды саботажников и паника коммунистов. Из этого выйдем. Необходима только спокойная уверенность вверху, у тех, кто на местах будет проводить линию, т. е. у вас. Наша реформа происходит в самое горячее для транспорта время — мне приходится разрываться на тысячу частей, — отсюда невозможность заняться целиком уяснением вместе с вами новой линии. Но ведь мы с вами в Сибири многое совместно передумали. И не надо бояться некоторой неувязки переходного времени. Спецов-саботажников, игнорирующих коммунистов, надо бить самым решительным образом. Вы же должны намечать коммунистов из бывших комиссаров на административно-хозяйственные и технические должности и быть самому хозяином у себя. Овладейте целиком административным отделом, подбирайте красных спецов, поощряйте лояльных и работающих, свяжитесь и инструктируйте транспортный отдел ОГПУ, чтобы работали на вас, наметьте себе линию и шаг за шагом упорно проводите ее... Еще раз повторяю: ответственность за то, чтобы саботажные спецы не с'ели красных, — на вас. Ожидаю вашу работу по обеспечению влияния партии на транспорте».

Такие письма тов. Дзержинский находил время — при своей невероятной загруженности — писать целиком собственноручно. В приводимой выписке со свойственной ему сжатостью и четкостью изложена целая программа работы, и нам оставалось только следовать по намеченному им пути.

Наряду с твердыми требованиями, предъявлявшимися тов. Дзержинским ко всем работникам транспорта, он

был исключительно заботлив к их бытовым нуждам. Каждая встреча с ним, каждый доклад ему были настоящим праздником, после которого чувствовались новые силы и новая энергия для преодоления всех трудностей.

6

Восстановительный период жизни транспорта был закончен в кратчайший срок, перекрывший самые оптимистические предположения. Это было бы невозможно без проведенной тов. Дзержинским работы.

Тогда стало возможным поставить перед СССР во весь рост задачу социалистической индустриализации страны, освобождения от иностранного импорта, постройки новых фабрик и заводов, и снова партия направляет Дзержинского на этот важнейший и ответственный фронт. Он был назначен председателем ВСНХ.

Промышленность наша тогда еще далеко отставала от довоенного уровня. Дзержинский и здесь предпринял целый ряд организационных мероприятий, в результате которых промышленность за короткое время его руководства повысила свою продукцию в три раза, превзошла довоенный уровень в целом ряде отраслей, производительность труда рабочих увеличилась в полтора раза, и в такой же мере возросла и заработная плата.

И в ВСНХ тов. Дзержинский смотрит далеко за пределы своего ведомства: он обращает особое внимание на оздоровление рынка, на правильную работу товаропроводящей сети, создает тесную связь промышленности с кооперацией. Он борется за предоставление низовым ячейкам промышленности возможно больших прав с возложением на них и ответственности за развязывание местной инициативы, за величайшую экономию государственных средств, за чуткое отношение к рабочим-изобретателям, за заботу о специалистах. «Страна рабоче-крестьянского советско-коммунистического строительства должна быть также страной коллективного творчества в области техники и улучшения методов труда», — писал он в своем циркуляре от 11 апреля 1925 года.

Перед нашей страной во весь рост становилась задача охвата всех сто-

рон жизни новыми формами производственных отношений. Должна была начаться перестройка и сельского хозяйства путем введения в нем коллективных форм труда, применения машин и полной ликвидации кулачества как остатка капиталистических отношений в деревне. Эта опромная задача требовала от ВСНХ, во главе которого стоял Ф. Э. Дзержинский, быстрой подготовки к индустриализации всей нашей страны. Теперь эта индустриализация, по гениальному плану товарища Сталина, в основном уже осуществленная, открыла необозримые перспективы для дальнейшего роста опромных производительных сил СССР и сделала нашу страну одной из сильнейших в мире, подняв на величайшую высоту нашу обороноспособность и обеспечив этим длительную передышку, необходимую нам для развития социалистического строительства.

Проведение этой сталинской программы встретило жесточайшее сопротивление со стороны троцкистов, прикрывавших левыми фразами защиту отживших капиталистических отношений, и правых оппортунистов, вставших на защиту кулаков и очень быстро объединившихся с троцкистами.

И здесь Ф. Э. Дзержинский как вернейший ученик Ленина и преданнейший соратник Сталина бросился в бой, отдавая свои последние силы на защиту генеральной линии нашего партийного руководства.

«Задачи, стоящие перед нами, могут быть успешно разрешены лишь при одном условии, если эти задачи станут задачами самых широких пролетарских масс», — писал Феликс

Эдмундович в одной из своих записок, и этим правилом он руководствовался при всех обстоятельствах, употребляя все усилия для того, чтобы каждый его шаг был ясен и понятен массам и находил у них поддержку.

20 июля 1926 года на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) Ф. Э. Дзержинский произнес свою последнюю речь, полную все той же величайшей страстности, неиссякаемой воли к преодолению труднейших препятствий, уверенности в победе и непримиримости по отношению к малейшим попыткам борьбы против сталинского руководства.

Уже во время этой речи усталое сердце Феликса Дзержинского начало ослабевать, а через несколько минут перестало биться.

* *
*

Пролетариат всего мира обнажил голову, когда пришла тяжелая весть о смерти Феликса Дзержинского.

В жаркий, летний день мы хоронили его на Красной площади, возле мавзолея его учителя — В. И. Ленина.

Он лежал в гробу, и лицо его в первый раз было спокойным, в первый раз разгладились глубокие складки между бровей, и усталые веки навсегда закрыли его глубокие приветливые стальные глаза.

Но он живет и будет жить во многих будущих поколениях, так как в исходной точке каждого из наших нынешних и будущих величайших достижений, каждой из наших побед лежит и его энергия, и его непреклонная убежденность, и его созидательная сила, и его преданность ленинско-сталинской партии.

В. Краснов

„ХОДЫНКА“

(1896 — 1936 годы)

I

В мае 1896 года в Москве по случаю коронавания последнего царя, Николая II, устроен был «народный праздник» — гулянье на Ходынском поле, около летних лагерей гарнизона Москвы.

Размах приготовлений к празднику был неслыханно великолепен: Москва была украшена флагами, цветами, триумфальными арками и светящимися транспарантами с бесконечно повторяющимися надписями «Боже, царя храни». На всех магазинах, церквях и домах богачей красовались вензеля с именами царя и царицы.

Впервые для иллюминации было широко использовано электричество. Все башни, стены, дворцы и соборы Кремля были обведены электрическими проводами, и по ночам на них ярко сверкали электрические лампочки. Для водружения этих лампочек на Спасскую башню и Ивановскую колокольню были вызваны отважные матросы. Два матроса разбились насмерть, упав с Ивановской колокольни, двое мастеровых сгорели заживо в башне Кутафья, что около манежа, из-за спешки и неумелого обращения с проводами.

На Воробьевых горах зажигались вензеля с именами царя и царицы в несколько тысяч лампочек.

Все это небывалое великолепие ошеломляло не только москвичей, но и тысячи иностранцев, послов и гостей царя из различных стран, приглашенных присутствовать на коронации «божьей милостью» Николая II.

По улицам Москвы раз'езжали европейцы в нарядных мундирах, гости с Востока в цветистых вычурных костюмах, офицерство и генералитет.

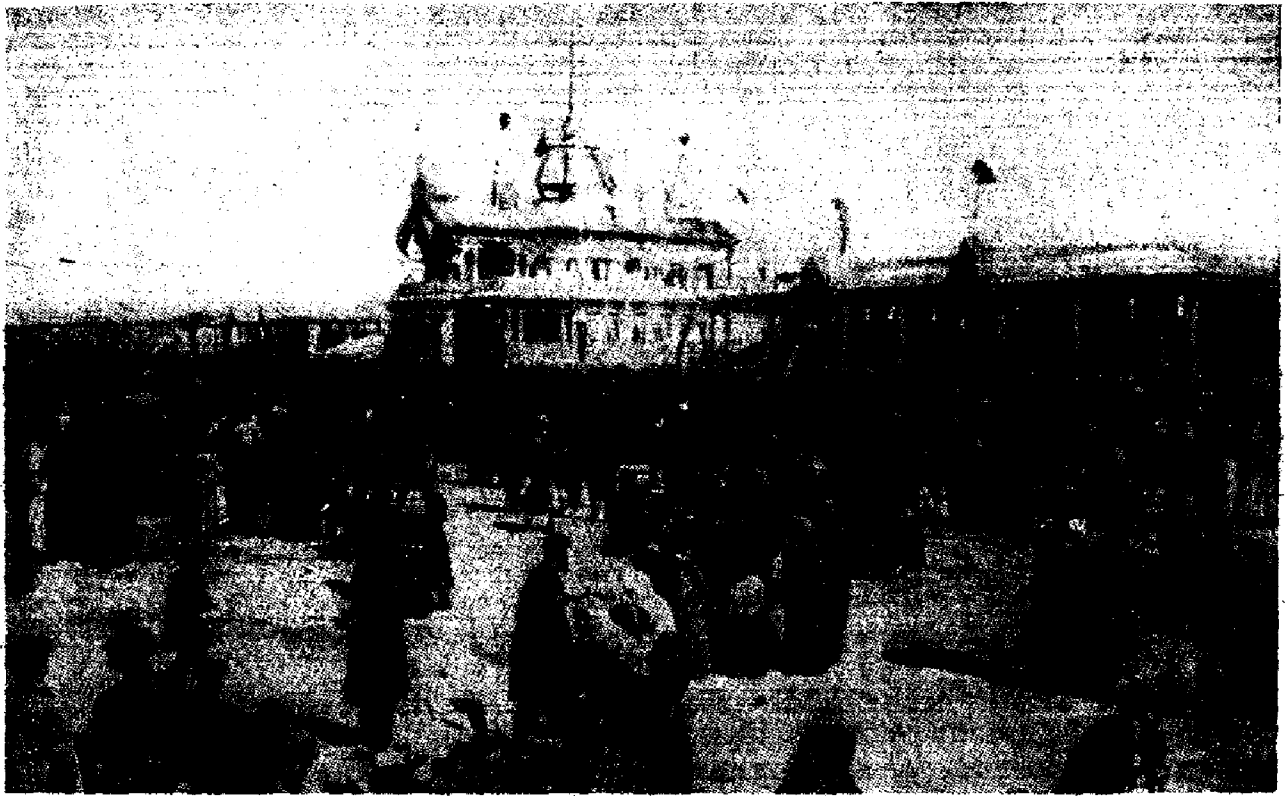
Среди народа ходили самые фантастические толки про предстоящее гулянье; особенно усилились эти слухи после того, как Кремль зажегся огнями в «пробную иллюминацию». Говорили, что из земли будут бить фонтаны всяких вин, «какие только царь пьет», будут раздаваться подарки и гостинцы невиданные, билетики на выигрыш лошади или коровы, — а уж разных фокусов, театров, музыки и песен будет досыта и бесплатно. Будто бы привезли царю диковинных птиц из Индии и Китая, ученых попугаев, слонов и обезьян для представления в цирке. И народ собирался тучами. Приезжали с семьями из других городов, из сел. По одной только Курской дороге в утро катастрофы прибыл народ на 25 поездах.

Ко дню коронавания Ходынское поле действительно было застроено тысячей буфетов-будок с гостинцами царя «православному народу», но подарки эти заключались лишь в эмалированной кружке, двух-трех пряниках, пирожках и кусочке колбаски, засохших, заготовленных с зимы — за полгода вперед (когда комендант Петровского дворца, где жил царь, накормил этой колбаской свою любимую собачку, она тотчас издохла). Поодаль были десятки сараев с бочками пива и меда — вот и все царское угощение.

2

На Ходынку народ повалил с вечера накануне. С вечера же пришлось прекратить всякое движение по центральным улицам Москвы. Тысячные толпы вливались на Ходынку и тонули в ее бескрайней ширине. С первой же минуты люди на Ходынском поле, предоставленные самим себе, наполнили шумом движения и веселья огромное поле. У всех компаний и семейств, которые сходились тут, была своя закуска, водка и музыка. К вечеру разгорелись огни по всему полю; костры жгли до самого восхода солнца.

С рассветом наступило затишье.

Толпа на Ходыньском поле 18 мая 1896 г.

Толпа все прибывала, стремясь с краев пробраться к середине. У всех чувствовалось изнеможение от все нараставшего многолюдья. Стало тесно и тягостно, не хватало воздуха. Негде было присесть, нужно было все время двигаться, так как остановиться в этом, непрестанно движущемся потоке было невозможно — волей-неволей приходилось поспевать за другими. Все были в поту, с трудом дышали. Тяжелая испарина, подымавшаяся над толпой, доводила людей до одурения. То и дело в самой гуще толпы кого-нибудь тошнило от духоты, тесноты и водки... Некоторые падали, толпа перешагивала через упавших, и движение и толчея продолжались. Падающих становилось все больше. Их растаптывали миллионы ног. От веселья не осталось и следа. В воздухе не умолкал дикий крик растаптываемых, цеплявшихся за ноги еще стоявших.

Около двух часов продолжалось при палящем солнце колыхание из стороны в сторону миллионной массы людей, выталкивавшей из себя тысячи людей, которые падали на землю или застревали вверху между плеч у соседей. Люди стремились вырваться из тисков и, как по болотным кочкам, шагали по головам стоявших к будкам, между которыми были проходы

на поле гулянья. На крышах будок виднелись дети, которых пустили по головам толпы, для того чтобы спасти их. Войти в проход можно было десятерым, а выйти — одному, он кувырком вылетал оттуда. Сплошь да рядом проход оказывался наглухо забитым раздавленными, и толпа медленно вдавливала передних, достигавших будок, прижимала их к стенкам, мяла и давила, ломала ребра, руки и ноги.

Но самое жуткое наступило тогда, когда в толпе мелькнуло несколько узелков и пронеслось роковое «дают». Задние ряды бешено полезли вперед. Стоял сплошной крик и гул. Около будок творилось нечто невообразимое. С обеих сторон наседали толпа, устилая свой путь трупами. На тех, кому удавалось вырваться из тисков прохода, было страшно смотреть: с налитыми кровью, выпученными глазами, с позеленевшими лицами, с продранной одеждой.

Но люди погибали на Ходынке не только от того, что их давили и душили в толпе: перед самыми будками все было изрыто ямами. Тут были глубокие овраги с колодцами на дне. Ямы эти остались с того времени, когда на Ходыньском поле устраивались выставки (Французская — 1882 года, Ремесленная), при которых были

рестораны с погребями, колодцами, уборными. Оставшиеся после них ямы не были засыпаны, ничем не огорожены, и люди, срываясь с берега оврага, валялись в них и тут же проваливались в колодцы, помойки и нужники.

Большого надругательства над народом, большого отсутствия какой-либо заботы о его жизни трудно себе представить.

Характерно и то, что несмотря на соседство Ходынки с лагерем войск Московского гарнизона генерал-губернатор Москвы не направил солдат на Ходынку для очистки поля и для наведения порядка в движении полуторамиллионной предоставленной себе толпы. Это не было сделано даже тогда, когда уже ясно было, что в давке гибнут сотни и тысячи людей.

На всем Ходынском поле было поставлено всего лишь два бака с водою по 50 ведер каждый. Людям, лежавшим в глубоком обмороке, не оказывалась медицинская помощь, для них не было даже воды. Между тем у каждого из 50 тысяч солдат, находившихся вблизи места гулянья, имелась фляжка с водою.

В полдень на неубранное от трупов поле гулянья пожаловал сам царь со свитой при гrome оркестров музыки, криках «ура» и «боже, царя храни», чтобы присутствовать на представлении оперы «Жизнь за царя». Рабочие кричали ему: «Поезжай на панихиду», «Убери вперед мертвых». А сцена театра была забросана картузами, в которые густо напакостили, благодаря царя-батюшку за его гостинцы...

3

Виновных в происшедшей на Ходынке бойне не оказалось. Кой-кого сместили с места, понизили в чинах. Особым секретным циркуляром министра внутренних дел печати предписывалось не касаться и не задевать ни генерал-губернатора, князя Сергея Александровича, ни графа Воронцова-Дашкова, организатора праздника.

Судебное следствие установило, что число пострадавших на Ходынке равнялось 2690 человек; из них 1389 умерло и 784 человека оставалось в тяжелом положении. Это явно уменьшенная цифра. После Ходынки умирали тысячами спустя полгода, и год, и два. Вернувшись полуживыми с Ходынки, люди «дышали на ладан» и медленно, мучительно умирали от разных вывихов, переломов, заворота кишок и просто от чахотки. «Он умер от Ходынки!..»—долго говорили в народе о таких смертях.

Царь «расщедрился» и назначил по тысяче рублей пособия на семью погибшего кормильца. Образовалась высокая комиссия из графов и князей; она разбирала по косточкам всякое прошение, и мало кому посчастливилось получить эту тысячу. Но даже те, кто ее получали, немного от этого имели, так как эти деньги клали на пенсионную книжку с выдачей по 40 рублей в год.

Для многих рабочих Ходынка была той болезнью, проболев которой умнеют и растут. Она подорвала у них прежде всего веру в царя.

Студенты в ряде городов (Харькове, Киеве, Одессе) устраивали демонстративные панихиды по жертвам Ходынки, которые правительство стремились сорвать организацией официальных панихид.

Не прошло и десяти лет после Ходынки, как рабочие России в 1905 году ответили царю октябрьской всеобщей стачкой и вооруженным восстанием. В Москве, на Пресне, близ Ваганькова кладбища, где были погребены жертвы Ходынки, выросли баррикады.

Ходынка, «Цусима», 9 января, расстрел московского вооруженного восстания, черная реакция, расстрел рабочих на Лене и неслыханный разгром русской армии в империалистическую войну — вот вехи кровавого пути последнего царя России — Николая II.

Дело судебного следователя по особо важным делам Кейзера о расследовании беспорядков на Ходынском поле 18 мая 1896 года¹.

ПРОТОКОЛ

1896 года мая 31 дня и июня 6 дня судебный следователь по особо важным делам Кейзер, в камере своей, допрашивал нижепоименованных в качестве свидетелей, с соблюдением 443 ст. уст. угол. судопр., и они показали:

Я, Тимофей Игнатьев Захаров, крестьянин Рязанской губернии, Зарайского уезда, Беспятовской волости, деревни Секифина, 32 лет, православный, грамотный, живу 1-го участка Пятницкой части по Пятницкой улице в доме бывшем Кунина. В 12 часов ночи 17 мая я отправился к месту народного гулянья на Ходынское поле, с целью ожидать раздачу гостинцев. Мне удалось пробраться очень близко к будкам, в середине того ряда, который тянется от шоссе, вдоль оврага. В 3 часу утра, или может быть в четвертом, я находился от буфетов в расстоянии приблизительно шагов 10. В виду страшной тискотни я решил, что в толпе, здесь, оставаться опасно, и стал продираться назад. В овраге было гораздо свободнее, хотя и тут была масса народа, наполнившая весь овраг. На противоположном склоне оврага я присел отдохнуть. Около 4-х часов утра, я видел, как двое мужчин, бежавших в толпе, спешившей по направлению к будкам, — сбегая со склона оврага упали один вслед за другим, в имеющийся здесь колодец, от которого я находился на расстоянии четырех сажен, почему мне было хорошо видно, как эти двое людей падали в колодец. Я не видел, чтобы они сами выкарабкались из колодца, а равно не знаю, вытащил ли их кто-нибудь оттуда. Сидел я на этом месте около получаса и в это время не видел, чтобы упавшим в колодец кто-нибудь из народа помог выбраться.

Сам я не мог им помочь, потому что был страшно измучен и опасался упасть сам в колодец. Стоявшие в овраге за колодцем, к буфетам, видя сбегавший по склону народ, кричали ему: «Тише колодец колодец», но бежавшие ни остановиться, ни обратить внимания на крики — не могли. Посидев недалеко от колодца, как я вам говорил, около получаса, — я отправился домой. Был я в тот же день опять на Ходынке в 3 часа дня, разыскивая своих рабочих: я хозяин водопроводного заведения. Был я около того колодца, в который на рассвете упали двое мужчин. Колодец был окружен полицией, казаками и народом, так что я к нему и не проходил.

Я, Василий Егоров Пузырев, крестьянин Московской губернии и уезда, Озерцкой волости, дер. Перепечиного, 53 лет, православного вероисповедания, грамотный, живу в дер. Перепечиной, в 6-м стане Московского уезда. Я с сыном своим, Николаем Васильевым, отправился из деревни нашей в Москву, чтобы быть на народном празднике. Выехали мы вечером 17 мая, ехали всю ночь и в половине второго прибыли в Москву. Поставив лошадей на постоялом дворе, мы направились на Ходынское поле, где через овраг пробрались в толпу, стоящую между оврагом и рядом будок, идущим от шоссе. Против меня приходилась середина ряда, было пять часов утра, когда я проходил через овраг, то хотя он и был полон народа, но большой тесноты не было и народ стоял вразброд, так что мы прошли и поднялись на гребень оврага без всякого труда. После, с гребня, нам было видно, что и в овраге сгущается народ. В нашем месте теснота, давка началась с раздачей гостинцев, до того было настолько свободно, что некоторые даже сидели на земле. Было же это за четверть часа до начала раздачи, которая началась приблизительно в 6-м часу утра. Узнали мы об этом потому, что в передних рядах, в протянутых руках толпы появились узелки. Тут толпа двинулась вперед к будкам. Сделалось страшно тесно, не хватало возможности дышать, я тянулся кверху из толпы. Передо мной были две женщины средних лет, упавшие от дурноты на землю, они как стояли — так и сели на землю. Я сделал усилие, чтобы миновать их, но от напора толпы не мог удержаться и упал на них, а рядом со мной упал мой сын. На нас стала падать масса людей и я чувствовал, как по нашей куче идет народ. Кто-то даже стоял на моей голове минуты три и я хотел его ущипнуть, но не мог освободить руки. Лежали мы минут десять в куче. Больше мы бы не перенесли и умерли бы, если не от тяжести людей, то от недостатка воздуха. Освободил нас какой-то господин, палкой разогнавший народ. Когда мы поднялись, то я заметил, что из нашей кучи человек пять осталось на месте мертвыми. Две женщины, которые первые упали, были в числе мертвых. Я спустился в овраг и лег в яму, в холодный песок, от чего немного пришел в себя. Затем мы с сыном отправились домой. У колодца я не был.

Я, Владимир Евгеньевич фон-Глазенап, старший помощник пристава 2 участка Сретенской части, ротмистр, 45 лет, лютеранин, живу в нашем участке по Сретенке в доме Шагаевой, в Ащеуловом переулке. 18 мая к 5 часам утра я прибыл на Ходынское поле, к тому месту между левой эстрадой и буфетами, где по приказу был назначен сборный пункт наше-

¹ Централархив, Д. П. Дело № 81, лл. 19—23, 53—58, 194—195.

Жертвы ходынской катастрофы.

му наряду. К моему району относились буфеты, идущие вдоль оврага. Когда я прибыл к сборному пункту, то я нашел, что наряд наш уже собирается. Я любопытствовал узнать, что делается в буфетах и отправился к идущему вдоль шоссе ряду, где в будках осматривал узелки. Внутри площади был народ, но много ли его было, сказать не могу, так как он был разбросан по всему, громадному полю. Около 6 часов утра началась раздача; народ бросился в проходы и в одном из них я был застигнут толпой. Лица людей в толпе были какие-то бессмысленные, тупые. Я обратился к движущейся толпе с увещанием не спешить, проходить между буфетами понемногу, но я видел, что толпа моих слов не понимает. Находился я посередине этого ряда в эту минуту. Толпа меня вынесла через проход. Тут, в течение десяти, пятнадцати минут продолжалась страшная свалка, после которой, когда толпа немного раздалась, я увидел на земле много мертвых. Казаки и городовые, со сборного пункта, бросились в толпу, но сомневаюсь, чтобы они могли тогда оказать какую-либо помощь или даже просто пробиться в середину толпы. В этой давке мне казалось, что я слышу треск костей. Народ, заметив мертвых, вскоре притих и им овладело страшное возбуждение против полиции. Один бестактный поступок полицейского — повлек бы за собой для него неизбежную смерть. Я слышал крик народа: «Разорвать на части Власовского». Вообще всю полицию толпа страшно ругала. Я стал обходить мертвых, как только немного толпа по-

редела. Мертвые лежали везде, но преимущественно их было много на неровных местах, в ямах, рывтинах и канавах, которыми покрыта местность, за крайними к Москве буфетами, идущими от шоссе по направлению к Ваганьковскому кладбищу. В 7-м, 8-м часу утра я спустился в овраг. Мне кто-то из публики сказал, что поблизости колодец, в который попадали люди. Я подошел к колодцу в овраге, расположенному у правого его склона, если стоять лицом к шоссе. Об этом колодце я до этой минуты не имел никакого понятия. Около колодца стоял народ; тут же лежало на земле много трупов, вытасненных, как мне сказали, из колодца, который народ нашел наполненным трупами. Полиции здесь не было. Я заглянул в колодец и увидел, что в нем лежат трупы, на глубине не более двух аршин от отверстия. Кто-то из народа сказал: «Один из покойников, ваше благородие, убежал». Из рассказов публики я узнал, что среди мертвых, вытасненных из колодца, попался один человек, оказавшийся живым. Я около колодца пробыл не более трех минут и отправился по своему ряду буфетов, через который надо было пропускать народ, прибывавший из Москвы. Дела тут было очень много, так как являлись фабричные со своими старостами, которым, кажется, было назначено являться не раньше девяти часов утра. Затем вторично около колодца в овраге я был часа в два дня. Около него толпился народ, стояли жандармы и пожарные, бросавшие в колодец арканы, вероятно, как я заключил, для извлечения трупов. К ко-

Эпилог «Ходынки»: опознавание близких на Ваганьковском кладбище. С карт. В. Моковского.

лодцу я тогда не подходил, а потому и не видел, как вытаскивали из него тела. Начальника моего района, барона Будберга я в первый раз увидел после свалки, которой сопровождалась раздача подарков. Никакой другой свалки или раздачи я после 8 часов утра не видел. Больше показать ничего не имею, показанное готов подтвердить под присягой.

Я, Николай Петрович Иловайский, полковник, командир 1 Донского казачьего полка, 51 года, православный, под судом не был, живу 2 уч. Суцевской части, на даче Овсянниковой. 17 мая вечером я был на парадном спектакле в Большом театре и, уезжая оттуда, узнал от полицеймейстера Свешникова, что обер-полицеймейстер послал полковника барона Будберга с сотней казаков из манежа на Ходынское поле. Нужно вам сказать, что полк мой, состоящий из 6 сотен на коронационное время, был предоставлен в распоряжение Московского генерал-губернатора, его императорского высочества Сергея Александровича, в помощь полиции. Состоя в распоряжении его императорского высочества, я получал все распоряжения от московского обер-полицеймейстера. Таким образом, по распоряжению последнего, на время коронации, две сотни: 1 и 2, были помещены в Городском манеже и этими 2 сотнями полковник Власовский распоряжался непосредственно без всякого сношения со мной. Узнав от Свешникова о командировании одной сотни на Ходынку, я из театра заехал прямо в манеж, увидал, что сотня уже готова к отправлению. Я поздоровался с людьми и велел им ехать на Ходынку переменными аллюрами, сказав, что я и сам туда приеду. После этого я поехал по Моховой и по

Тверской на свою дачу. На всем пути мне приходилось обгонять целые толпы людей, двигавшиеся по направлению к Ходынке. Толпа была по всей дороге так велика, что в некоторых местах движение экипажа затруднялось и можно было ехать не иначе, как шагом. В виду движения такой массы народа на Ходынку, и думая, что быть может полиции, для охранения порядка, понадобится содействие и тех двух сотен казаков, которые по телеграмме зав. управл. канцелярией Москов. об. полицеймейстера Вансяцкого, отправленной в 6 ч. 15 м. вечера, должны были явиться на Ходынское поле к 5 час. утра, я, приехав домой, по телефону сказал в деревню Татарово, месторасположение двух сотен моего полка, чтобы 2 сотни, вместо 5 часов утра, ехали немедленно на Ходынку, взяв с собой по гарнцу овса для лошадей и остановились бы у Петровского дворца, куда и я приеду. Получив около 2 часов ночи известие по телефону, что 2 сотни из Татарова выступили, я с вестовым отправился к Петровскому дворцу и, подъезжая к Ходынскому полю, увидел огромную массу народа, занимавшего уже даже место бывшей выставки. Проехав далее, в каком именно месте я не помню, лошадь моя вдруг остановилась. Я ударил ее плетью; она сделала скачок, зацепилась, вероятно, ногами за канат и упала. Затем я потерял сознание и, что было дальше, не знаю, так как пришел я в чувство уже у себя дома, через сутки. Вызвав по собственной инициативе ранее назначенного времени две сотни, я хотел, по приезде на место, передать их в распоряжение барона Будберга, но за моим падением привести в исполнение этого не мог, и эти две сотни, как я узнал впоследствии,

Похороны жертв «Ходынки».

О карт. В. Мокковского.

так и простояли без дела, но до которого часа не слышал.

Показанное готов подтвердить под присягой.

Я — Иван Кириллов Макушенко, запасный старший унтер-офицер, 39 лет, православный, под судом не был, состою околоточным надзирателем при Московском обер-полицеймейстере. Я был дежурным с 9 часов утра 17 мая по 9 часов утра 18 мая. Когда московский обер-полицеймейстер приехал вечером из театра с парадного спектакля, 17 мая, то тут на подъезде принесли распечатанную телеграмму из канцелярии. Эту телеграмму передали мне, а я отнес ее обер-полицеймейстеру. Он спросил у меня: «Что там такое?» И я ему доложил, т. е. прямо прочитал содержание телеграммы. Он мне на это ничего не сказал и я телеграмму взял обратно. Выходя из столовой, где я докладывал содержание телеграммы, так как обер-полицеймейстер то время ужинал, я встретил управляющего, которому и передал телеграмму. этой телеграммой управляющий пошел обер-полицеймейстеру. Я забыл сказать, что еще ранее, чем принесли депешу по возвращении обер-полицеймейстера из театра, со мной по телефону, сидящему в этой комнате, где я вою, говорил секретарь министерства императорского двора, который просил известить обер-полицеймейстера, что по полученным сведениям на Ходынском собирается уже народ, почему он и просит, чтобы обер-полицеймейстер сделал надлежащее распоряжение. Об этом в то время я тотчас же доложил обер-

полицеймейстеру в столовой, где он ужинал, но он мне на это ничего не ответил. Вот тут после этого принесли телеграмму, а затем, когда я, доложив содержание телеграммы, передал ее управляющему, то тут вскоре приехал полковник Руднев, который тоже пришел в столовую к обер-полицеймейстеру. Вскоре после этого все разошлись. Ночью, часу в 4-м, пришел дежурный полицейский чиновник Флеров и сказал, что по телефону с Ходынки передают, что стекается много народа и просят распоряжения. Только что я пошел будить камердинера Лукашева, как тут же раздался звонок по телефону в самом кабинете обер-полицеймейстера. Подойдя к телефону, я узнал, что говорят с Ходынки, но кто именно, не знаю. Говоривший просил передать немедленно обер-полицеймейстеру, что собирается масса народа, которая угрожает буфетам. Обо всем этом я просил камердинера доложить обер-полицеймейстеру. Камердинер, выйдя из спальни обер-полицеймейстера, сказал, что обер-полицеймейстер приказал обо всем этом передать по телефону полковнику Рудневу. Это приказание я передал дежурному офицеру Флерову, сойдя к нему в нижний этаж, и он при мне начал звонить к полковнику Рудневу, но что он ему говорил, не знаю, так как я тут же ушел наверх. Когда я вернулся наверх, то минут через 20 опять раздался телефонный звонок в кабинет. Я подошел; у меня спрашивали, сделано ли распоряжение о наряде. Кто спрашивал не знаю. Я ответил, не докладывая об этом обер-полицеймейстеру, что распоряжение сделано. Вскоре после это-

го, времени определить не могу, опять пришел дежурный Флеров и просил доложить обер-полицеймейстеру, что на Ходынке огромное скопление народа, угрожающее царскому павильону и имуществу. Я снова разбудил камердинера и передал ему слово в слово, что мне сказал Флеров, для доклада обер-полицеймейстеру. Камердинер сходил к обер-полицеймейстеру в спальню и, выйдя оттуда, сказал, что ведь распоряжение насчет казаков сделано, и велел подтвердить Рудневу, но о чем подтвердить, он не сказал. Я сходил вниз к дежурному и сказал ему о приказании обер-полицеймейстера. В 7-м часу утра к телефону вызвал меня секретарь министра двора и сказал, чтобы я к телефону пригласил обер-полицеймейстера. Я доложил об этом через камердинера и, о чем разговаривал с секретарем обер-полицеймейстера, я не знаю. Вскоре после этого, а может быть и перед этим, полковник Руднев просил меня по телефону доложить обер-полицеймейстеру о необходимости присылки фур, так как есть подавленные люди. Обер-полицеймейстер приказал бранд-майору сделать распоряжение об отправке пожарных леек, а в участке сказать о присылке докторов и фельдшеров. Тут же обер-полицеймейстер велел запрягать лошадей и сам поехал на Ходынку. Показанное готов подтвердить под присягой.

Доклад министра внутренних дел Горемыкина к годовщине Ходынской бойни¹.

В ряду общественных явлений последнего времени заслуживают внимания неоднократные попытки разных лиц, большей частью из числа учащейся молодежи, либерального и социалистического образа мыслей, пользоваться днями воспоминаний или годовщин известных событий для устройства демонстраций противоправительственного характера. Такими в последние годы являлись столетние годовщины разных событий польской

¹ Централхив. Д. П. Дело № 14. лл. 27—28.

жизни конца прошлого столетия, годовщины смерти писателей или людей известного лагеря, рабочие праздники, а в последнее время печальное событие прошлого года во время народного праздника на Ходынском поле и самоубийство слушательницы женских курсов Ветровой.

По некоторым данным наблюдения, а также по полученным из Москвы и Харькова сведениям, есть основание предполагать, что приближающаяся годовщина Ходынской катастрофы 18 мая послужит в разных местах основанием к возобновлению демонстраций, подобных произведенной уже в полугодовой день означенного события 18 ноября в Москве.

Обращаясь к ближайшему обсуждению этого обстоятельства, я находил бы весьма целесообразным предупредить это явление на той же почве, на которой оно может возникнуть, и полагал бы по высочайшему вашему императорскому величеству повелению, отслужить в означенный день официальную панихиду на Ваганьковском кладбище, в присутствии властей и войск. Устраняя повод к демонстрации, панихида эта даст возможность всем желающим благомыслящим людям принять в ней участие, а полиции—основание устранить всякие попытки к демонстративному нарушению порядка. Что же касается других городов, то разрешение служить там официальные панихиды представляется, по моему мнению, излишним.

Всеподданнейшим долгом поставляя себе доложить об изложенном вашему императорскому величеству, приемлю смелость испрашивать по сему поводу высочайших вашего величества указаний.

* * *

На подлиннике доклада сделана надпись: «Его величество, одобрив это предложение, соизволил повелеть снестись с Московским генерал-губернатором в Царском селе. 1 мая 1897 г. Мин. Вн. дел Горемыкин».

2 мая 1897 г.

П. Гайду

ГЕОРГ САМУЭЛИ. Матиас Ракоши. Жизнь и борьба героя международной пролетарской революции. С предисл. Бела Куна. Перев. с венгерской рукописи М. Куписко. «Молодая гвардия». 1935. 173 стр.

Уже почти одиннадцать лет тянется процесс Матиаса Ракоши, арестованного 22 августа 1925 года политической полицией венгерских фашистов. С тех пор идет неустанная борьба за жизнь и освобождение этого выдающегося революционера, мужественного, железного коммуниста, подлинного большевистского вождя. В этой борьбе принимают участие широкие круги рабочего класса, сознательные массы трудящихся, прислушивающиеся к голосу своей совести интеллигенты всего мира.

Этот процесс — не только процесс Ракоши. Венгерская буржуазия стремилась посадить на скамью подсудимых всю славную венгерскую советскую республику, а также загнанную в подполье, но продолжающую свою борьбу коммунистическую партию Венгрии и все мировое коммунистическое движение. Даже Советский союз был привлечен к этому процессу в качестве обвиняемого. Но Матиас Ракоши, один из вождей венгерской компартии, народный комиссар венгерской советской республики, бывший секретарь Коммунистического интернационала, превратился из подсудимого в обвинителя, прижавшего к стене подлинных обвиняемых в этом процессе — венгерских фашистов.

Пятикратное судебное разбирательство, проходившее под сенью виселицы, пять судебных процессов, на которых днями и неделями приходилось выдерживать подлинные бои с подлостью и хитростью фашистских органов насилия, каждый раз оканчивались блестящей победой Матиаса Ракоши.

Почти одиннадцать лет провел Ракоши в заключении. Большую часть этого времени он находился в одиночной камере. Около шестидесяти дней голодал. Почти столько же провел в холодной, сырой темной камере в подzemелье, без постели и теплого платья. Бесчисленные варианты дисциплинарных наказаний, кандалы, цепи, сокращение и без того голодного пайка, лишение предоставляемых даже грабителям и убийцам «льгот», побои, пытки, грязь, вши, самые утонченные виды моральных пыток, болезни, полная потеря здоровья — все это не сломило его.

Эти годы тов. Ракоши был совершенно отрезан от внешнего мира; только иногда попадали к нему книги, а в редких случаях удавалось ему короткое время побыть вместе с прошедшими за эти годы через тюрьму коммунистами или услышать несколько мимоходом оброненных слов при минутной встрече — вот и вся информация, которую Ракоши получал извне. Какими же твердыми убеждениями, знаниями и чувством ориентировки должен был обладать этот выдающийся революционный борец, чтобы несмотря на это на всех пяти судебных процессах построить свою защиту на широких, хорошо обоснованных политических, совершенно правильных формулировках и превратиться из обвиняемого в обвинителя, голос которого был слышен далеко за стенами зала и даже за пределами фашистской Венгрии!

Не случайно сами фашистские правители упоминают имя Ракоши рядом с именем Димитрова. Борьба Ракоши мобилизовала миллионы. И не только в Венгрии и Советском союзе, но и во всем мире движение трудящихся против угнетателей, против фашистов, против войны самым тесным образом связано с именем Матиаса Ракоши.

Тов. Ракоши дает классический пример великой преданности коммуниста делу освобождения пролетариата. В противоположность трусливому поведению на суде предателей Каменева и Брандлера он показал блестящий образец того, как должен вести себя перед классовым судом буржуазии революционер-большевик.

До сих пор о борьбе Матиаса Ракоши были известны только отдельные факты. Теперь все эти материалы впервые собраны воедино. Книга Георга Самуэли заполняет давно ощущавшийся пробел. По ней как по первоисточнику трудящиеся Советского союза и в первую очередь молодежь могут получить почти полное представление о личности Ракоши и его героической борьбе.

Автор дает прежде всего исчерпывающий ответ на вопрос, поставленный Бела Куна в предисловии к книге: что дало Матиасу Ракоши силу выдержать эту героическую, длящуюся более 10 лет борьбу? Что дало ему возможность несмотря на все страдания и мучения с такой энергией бросить правду в лицо нынешним властителям Венгрии: обвиняемые — это вы, вы изменники народа, вы те, кто предал маленький народ, борющийся за свое освобождение, за свое право национального самоопределения, вы нанесли ему удар в спину, подставили ему ногу, вы «нынешние правители, вы временные люди», господство которых несмотря на их подлость, их бешеную

ярьость будет сметено тем классом, к которому я принадлежу, за который я борюсь, — «подлинным хозяином-пролетариатом». Что дало Матиасу Ракоши силу с таким героизмом и мужеством, с такой политической четкостью, вместо личной защиты провозглашать с трибуны, отвоєванной им у суда, программу венгерской пролетарской революции, указывать окончательный коммунистический путь для выхода из кризиса?

Вся жизнь Матиаса Ракоши является ответом на этот вопрос. Это путь коммуниста — борца и вождя. Об этом пути рассказывает книга Георга Самуэли.

Восемнадцать лет тов. Ракоши был уже вождем студенческого движения левого направления в Венгрии. Наряду с этим он не прекращал серьезной, углубленной учебы. По окончании учебы следуют годы работы в социал-демократическом движении Венгрии, Германии, Англии. Разражается мировая война, Матиас Ракоши попадает в плен в царскую Россию. Наступают февраль и октябрь 1917 года в России. Тов. Ракоши становится под знамена Великой пролетарской революции. Вскоре он возвращается на родину, в Венгрию, чтобы там продолжать то, что начала Великая пролетарская революция в России, — первый этап мировой революции.

21 ноября 1918 года основывается компартия Венгрии. Ракоши благодаря своим дарованиям и знаниям быстро выдвигается в первые ряды и всюду, куда бы его ни направляли, он с неиссякаемой энергией выполняет задания, данные ему партией.

Великой школой для венгерского пролетариата явились четыре месяца борьбы венгерской компартии под руководством товарищей Бела Кун, Тибора Самуэли, Матиаса Ракоши, Отто Корвина и других крупных большевиков. Венгерская компартия не стала сектой: она всегда шла во главе масс, никогда не отрываясь от них и двигаясь вместе с ними и во главе их по революционному пути. Она вынудила венгерскую буржуазию и ее социал-демократических приспешников к отступлению и, наконец, к полной капитуляции. Террор и тюрьмы венгерской кереңщины были сметены массами, боровшимися за советскую власть и освобождение своих подлинных вождей. 21 марта 1919 года — день венгерской пролетарской революции — освобождает и тов. Ракоши из тюрьмы, куда он был брошен вместе с другими руководителями коммунистической партии Венгрии 21 февраля 1919 года.

Четыре с половиной месяца — короткий, но имеющий мировое историческое значение период доблестной венгерской пролетарской революции под руководством коммунистов. Венгерские коммунисты совершили две основных ошибки: 1) объединились с социал-демократической партией еще до предварительного осуществления политического единства на

основе единства боевого действия и 2) не по-ленински решили земельный вопрос. Однако несмотря на ошибки героическая борьба венгерских коммунистов войдет славной страницей в историю мировой революции.

Почетное место среди этих коммунистов занимает Матиас Ракоши. Он был сначала заместителем народного комиссара торговли, затем народным комиссаром социалистического производства. Когда существованию венгерской советской республики стала угрожать интервенция зарубежных империалистов, он пошел на фронт и защищал венгерскую пролетарскую революцию с оружием в руках на самых опасных участках. Защита венгерского Донбасса — Шальготарьян — связана с его именем. Затем, он становится во главе органа внутренней безопасности «Красной охраны», которую начинает реорганизовывать в коммунистическом духе.

1 августа 1919 года под ударами внешней и внутренней контрреволюции пала венгерская советская республика. Ракоши эмигрировал в Австрию. Но и в эмиграции его жизнь — продолжение большевистской борьбы. Тюрьма, концентрационный лагерь, покушение со стороны венгерских белогвардейцев, преследования социал-демократическим правительством Отто Бауэра и Карла Реннера, высылка.

В 1921 году Ракоши прибывает в Москву в качестве делегата венгерской компартии на II конгресс Коминтерна. Он проводит активнейшую борьбу с оппортунизмом, социал-демократией и «левым» сектантством и выступает на основе подлинной большевистской самокритики с признанием ошибок венгерской пролетарской революции.

Ракоши избран секретарем Коминтерна.

Три следующих года он проводит в тяжчайших условиях подполья, борясь за большевизацию компартий Италии, Германии и Чехословакии, разоблачая правых оппортунистов и «левых» сектантов.

Затем Матиас Ракоши снова в рядах венгерской компартии в качестве ее секретаря. В течение 10 месяцев он отдает все свои силы на восстановление разстроенных рядов партии, на организацию широкой массовой борьбы. Активизация партии в масштабе всей страны является заслугой Матиаса Ракоши наряду с Бела Кун.

Провокатор выдает его. 22 августа 1925 года его арестовывают. 14 сентября 1925 года происходит первый судебный процесс перед чрезвычайным трибуналом. Если бы суд вынес ему смертный приговор, он был бы повешен в течение двух часов, как это было в сентябре 1933 года с двумя другими видными деятелями КПВ — Имре Шалмай и Александром Фюрст. Ракоши и его товарищи по работе, среди которых в первых рядах стоят Зольтан Вейнбергер, вождь вен-

герского комсомола, и Игнац Гегеш, впоследствии убитый венгерскими фашистами в тюрьме, не защищали себя, а выступали обвинителями.

Все, что есть честно во всем мире, поднялось на их защиту и вынудило венгерское правительство к тому, чтобы чрезвычайный суд вынес постановление о передаче дела в обычный суд. Это не означало, что опасность виселицы миновала. Каждое судебное разбирательство грозило Ракоши смертным приговором.

12 июля 1926 года состоялся второй суд, вынесший приговор: 8½ лет каторжной тюрьмы. 13 января 1927 года по рассмотрении апелляции приговор был подтвержден и вступил в законную силу.

В 1926 году венгерское фашистское правительство не посмело привлечь Ракоши к суду за «преступления», совершенные во времена коммуны. Однако за это время изменилось международное положение. В Германии к власти пришел Гитлер. Правительство Хорти хочет выступить, чтобы бок о бок с Гитлером выступать против Советского союза. Венгерские фашисты попирают ногами даже собственные законы. Когда Ракоши отбыл свое наказание, когда он преодолел «сухую гильотину», они выдвинули против него новое обвинение.

24 апреля 1934 года тов. Ракоши должны были освободить. Вместо этого его перевели из одной тюрьмы в другую.

21 января 1935 года — первый день суда. В июле 1935 года — апелляционный суд. Прокурор требовал смертного приговора, но венгерское фашистское правительство, опасаясь возмущения мирового общественного мнения, не решилось приговорить его к смертной казни и осудило Ракоши на пожизненное заключение, рассчитывая таким образом убить его медленной смертью.

Снова одиночная камера, принудительные работы, тягчайшие тюремные условия. Так мстят Матиасу Ракоши фашисты за его удивительное мужество коммуниста, за его бесстрашное выступление перед судом.

И борьба продолжается. Фашистские палачи не смогли и не смогут сломить тов. Ракоши. До тех пор пока в его слабом теле бьется его великодушное сердце, он будет коммунистом и, следовательно, непреклонным борцом за дело революции.

Брошюра Самуэли немного примитивна. Во многих местах слишком скупо изложены фактические события, в других — недостаточно обрисовано политическое положение. Нет также четкой оценки буржуазного радикального движения перед мировой войной. Бледен рассказ о борьбе КПВ перед победой

пролетарской революции и тех ее моментов, в которых Ракоши играл большую роль. Слишком лаконично описана борьба КПВ в течение тех 10 месяцев, когда Ракоши стоял во главе ее. Нужно было также подробнее остановиться на проводимой во всем мире кампании за сохранение жизни Ракоши.

В книге есть также несколько юшибок, относящихся к переводу.

Все эти погрешности могли бы быть легко устранены при втором издании книги, которое, несомненно, потребует в самом скором времени, так как эта книга привлечет десятки тысяч читателей, особенно среди молодежи.

Несмотря на указанные недостатки книга представляет большой интерес, так как даже простое описание фактов героической борьбы и большевистской выдержки тов. Ракоши делает ее интереснее самого увлекательного романа. И наиболее увлекательной является помещенная в виде приложения речь Матиаса Ракоши на четвертом процессе.

Проводимая в Венгрии борьба против фашизма и войны, борьба во главе которой стоит КПВ, не прекратилась после заключения Ракоши в тюрьму, как надеялись венгерские фашисты. Каждый раз, когда венгерской охранке удавалось схватить кого-нибудь из крупных деятелей венгерской компартии, венгерские фашистские газеты трубили на весь мир, что КПВ «окончательно уничтожена». Так было, когда арестовали Золтана Санто, который после этого отбыл 8½ лет тюремного заключения; то же повторилось, когда в руки охранки попали Имре Шаллай и Александр Фюрст, осужденные на виселицу; так же утешали они себя при всяком следующем аресте видного коммуниста.

Но борьба продолжалась. Недавно, в конце января 1936 г., у венгерской политической полиции снова был «хороший улов»: она арестовала Сигизмунда Киш, Стефана Шебеш, Георга Пиклер и ряд других работников КПВ, а также несколько десятков рабочих и интеллигентов. Венгерские фашисты хотят привлечь первых трех к военному суду по обвинению в шпионаже и государственной измене за то, что они стояли во главе руководимой КПВ борьбы за мир и против войны. Их обвиняют в шпионаже и государственной измене те, кому Матиас Ракоши бросил эти обвинения в своей пламенной обвинительной речи.

Борьба продолжается, и в этой борьбе имя Матиаса Ракоши — знамя, с которым массы идут в бой. И это имя должны знать и трудящиеся Советского союза, которые уже давно оставили позади себя все муки капитализма и построили под руководством партии Ленина — Сталина социалистическое общество.

Е. А. КОСМИНСКИЙ. *Английская деревня в XIII веке.* Издательство Академии Наук СССР. 1935. 279 стр.

Вышедшая в свет в конце прошлого года большая работа Е. А. Косминского об английской средневековой деревне— крупное достижение советской исторической науки. В своем предисловии автор указывает, что книга подготавливалась им в течение многих лет. В основу ее легли материалы лондонского Публичного архива, а также большое количество опубликованных материалов. «Источники требовали очень длительной предварительной обработки,—пишет автор.—Мне пришлось изучить описи более чем 2 тыс. вотчин» (стр. 5.) В настоящей книге освещена лишь часть вопросов, стоящих в плане исследования тов. Косминского.

Кроме критики источников («Сотенные свитки», «Посмертные расследования», отчасти «Отчеты старост») в ней дан анализ различных типов английского средневекового манора¹ и особенное внимание уделено вопросу о развитии феодальной ренты под влиянием роста товарно-денежного хозяйства. Ряд других важнейших проблем: социальное расслоение крестьянства, проблема свободного держания (фригольд), проблема коммутации—должен составить содержание второго тома исследования.

Постараемся определить, что нового вносит автор в постановку проблем английского феодализма и в их разрешение.

1

Первые две главы книги: «Проблема и метод» и «Сотенные свитки» 1279 года—носят вводный характер: в них, с одной стороны, дается историография вопроса, с другой—анализ основного источника, использованного автором.

Излагая подробно взгляды представителей «классической школы» английского феодализма—Сибомы и Виноградова, тов. Косминский вскрывает недостатки их концепции. Представление о средневековой Англии как о стране, сплошь покрытой крупными манорами, является необоснованным, навеянным односторонним, ограниченным материалом, привлеченным этими историками. Их исследования касались преимущественно крупных церковных маноров юговосточных графств, экономика которых значительно отличалась от экономики севера и запада. Источниками, использованными Сибомом и Виноградовым, были обычно манориальные описи (экстенты) и протоколы вотчинных су-

дов, ярко рисующие юридическую сторону поместья, но мало говорящие о его связи с внешним миром.

Последующие английские историки обнаружили значительные сдвиги в приемах и технике исследовательской работы. Ими был значительно расширен круг источников, в частности, привлечен такой богатый, но весьма сложный источник, как «Отчеты старост» («Ministers Accounts»), дающий возможность изучить динамику манора и рост его связи с рынком. Исследователями произведено монографическое изучение истории отдельных графств, районов и даже отдельных маноров; характерным методом новейших исследований становится метод статистический.

В результате новейших работ Стентона, Дугласа, Джолифа едва ли не целая половина Англии оказалась не подходящей под типично манориальную характеристику. «На место малоподвижной совокупности однообразных по своей структуре, изолированных маноров выдвинулись разнообразие, изменчивость, сложные связи и обусловленности» (стр. 19). Совсем по-новому поставлены вопросы связи манора с рынком (работа Граса) и проблема коммутации (Грей). Однако «работа последних десятилетий поставила перед нами ряд важнейших проблем, но не дала окончательного на них ответа. Мы знаем, что вотчинный (манориальный.—В. С.) строй несомненно сложнее, чем его рисовали классики манориальной теории. Мы знаем, что ряд районов Англии дает своеобразные местные варианты аграрных отношений, не вполне подходящие под манориальную характеристику. Но мы очень мало знаем о характере феодальных рент в Англии... Действительно ли отработочная рента преобладала в Англии XIII века? Действительно ли манор был господствующей клеткой социальной ткани?» (стр. 26—27).

Ответить на эти вопросы и ряд других вопросов, связанных с английской средневековой деревней, можно, по мнению тов. Косминского, только привлекая новый массовый источник. Таким источником являются прежде всего «Сотенные свитки», до сих пор еще сравнительно мало использованные исследователями. «Сотенные свитки» явились результатом всеобщей правительственной переписи, произведенной при Эдуарде I, в 1279—1280 годах, по окончании так называемой «Баронской войны» 1258—1267 годов. Несмотря на то что из описи сохранилось не более 1/10 всего расследования, это все же «очень большой фрагмент, охватывающий более 700 населенных мест». «Сотенные свитки» описывают и церковные и светские владения, и мелкие и крупные. Произведенная единовременно, с четким разделением по виллам², сот-

¹ Манор — английская разновидность феодальной вотчины, получившей особенное развитие в Англии в XII—XIII веках.

² Виллой в средневековой Англии называлось село в отличие от самого поместья — манора.

ням и графствам, перепись дает возможность широко применять метод подсчетов (см. стр. 28).

В качестве дополнения к «Сотенным свиткам» тов. Косминским привлечен еще другой источник — «Посмертные исследования». Этот источник уже применялся новейшими исследователями (например Греем). В нем содержатся описи владений светских вассалов короля еще с 30-х годов XIII века. В то же время он и территориально охватывает более широкую площадь. Если сохранившиеся «Сотенные свитки 1279 г.» относятся к району преимущественно Средней Англии (графства Оксфордшир, Бекингемшир, Кембриджшир, Гентингдоншир, Бедфордшир, Варвикшир), то материал «Посмертных исследований» далеко выходит за пределы этого района, касаясь в большей или меньшей степени всей Англии (36 графств из общей цифры 40).

Каковы выводы, к которым пришел автор в результате работы над этими сложными, «суммарными и сомнительными», но зато массовыми источниками?

2

В противоположность классическому «типичному» манору, с обязательным крупным доменом (барская земля), обрабатываемым руками и инвентарем крепостных, с вилланской землей, занимающей большую часть надельной земли манора, и с незначительным фригольдом, сотенные свитки рисуют поместную жизнь в более разнообразных и пестрых красках. Сплошь да рядом в манорах отсутствует вилланская земля, этот характерный признак манора. Многие маноры знают одних свободных держателей. Встречаются вотчины без домена и вотчины без свободных держателей. Характерное для классического манора совпадение поместья-вотчины с селом часто отсутствует в источнике. Исходя из различной комбинации домена, вилланской земли и свободных держаний, тов. Косминский делит все маноры на восемь групп (см. стр. 81—83).

Однако, делая количественный подсчет в соотношении различных типов маноров, тов. Косминский подчеркивает, что в исследуемом им районе Средней Англии преобладали все же крупные маноры и притом первых двух категорий, т. е.: а) маноры с доменом, вилланской землей и свободным держанием и б) маноры с доменами и вилланской землей, но без свободных держателей. «Вероятно, не менее 80% всей доступной учету территории было занято манорами типа «а» и «б» (стр. 83).

Но одно графство часто резко отличается от другого. Если в Гентингдоншире господствовали крупные крепостнические, преимущественно церковные маноры, то, например, Южный Кембриджшир изобилует свободными держаниями, будучи похожим в этом отношении на восточные графства—Норфок и Сеффок (см. стр. 97).

По некоторым отдельным сотням процент фригольдеров составляет 40—50 и даже выше (см. стр. 110). На исследуемых манорах сказалось несомненное влияние кельтской аграрной системы, особенно на границе с Уэльсом и на севере Англии, граничащей с Шотландией.

Центральным вопросом своего исследования тов. Косминский считает вопрос о феодальной ренте, выяснению которой посвящены остальные три главы монографии: «Отрабочная и денежная рента в Средней Англии», «Феодальная рента по посмертным расследованиям» и «Борьба за ренту в XIII веке». Исходя из марксовой теории феодальной ренты, изложенной в 47-й главе III тома «Капитала», автор поставил задачей выяснить на конкретном примере английской средневековой деревни развитие всех трех видов ренты: отработочной, ренты продуктами и денежной.

Какая из этих рент была преобладающей в Англии? Материал «Сотенных свитков» говорит, что рента продуктами играла сравнительно незначительную роль, составляя в среднем не более 2—3% вилланских повинностей (см. стр. 117). Иное дело — отработочные ренты. Если взять вилланские держания в Южном Кембриджшире, то в переводе на деньги отработочные ренты составляли 725 фунтов 7 шиллингов 9 пенсов, в то время как денежные ренты равнялись 474 фунтам 17 шиллингам 4 пенсам. Но если к денежным рентам вилланских держателей прибавить ренты свободных держателей, то в том же Южном Кембриджшире денежные ренты будут преобладать над отработочными: отработочная рента — 729 фунтов 19,5 шиллинга, денежная — 819 фунтов 15,5 шиллинга, рента продуктами — 36 фунтов 4 шиллинга 8,5 пенса (см. стр. 121). «Вопреки все еще господствующему представлению о типичном маноре этой эпохи, нам приходится говорить о ведущей роли денежной ренты в английской деревне второй половины XIII века» (стр. 131). Даже в отношении вилланских рент преобладание барщины характерно лишь для восточных графств. В западном районе — Оксфордшире и Варвикшире — наблюдается преобладание денежных рент и у вилланов.

Подсчитывая размеры домениальной земли и сравнивая полученные результаты с количеством барщин, автор приходит к выводу, что уже в конце XIII века барское хозяйство не могло удовлетвориться одним несвободным трудом, «что 30% всей домениальной земли в изучаемом нами районе вовсе не было обеспечено несвободной рабочей силой» (стр. 147). «Нам приходится отказаться от классической характеристики английской деревни XIII века как деревни крепостной и барщинной (правильнее было бы сказать: «...целиком крепостной и барщинной». — В. С.), или, вернее, значительно видоизменить эту характеристику. Крепостни-

чество (вилланство) преобладает главным образом в крупных вотчинах, там же всего сильнее развита и барщинная система, всего более четко этот тип выступает в крупных церковных вотчинах, которые и дали основной материал для классической теории» (стр. 153).

3

Особенный интерес представляет последняя глава книги—«Борьба за ренту в XIII веке». Здесь тов. Косминский пересматривает целый ряд установок, имеющих место в буржуазной историографии, в частности в работах Петрушевского. Прежде всего в главе дана, правда, краткая, характеристика английской феодальной монархии XI—XIII веков, причем автор подчеркивает ее классовую природу и роль в закреплении крестьянства: «Уже норманское завоевание вызвало общее ухудшение положения крестьянства и усиление его эксплуатации... Оно укрепило главное орудие классового гнета — феодальное государство... Царствование Генриха II... представляет новый шаг по пути организации и сплочения феодального государства и угнетения трудящихся классов... Резкая граница, которую реформа Генриха II провела между свободными и крепостными, привела к новой нивелировке крестьянства, направленной на закрепление еще промежуточных слоев, лежащих между свободой и крепостью» (стр. 201—202). Процесс усиления крепостной зависимости продолжался в XII—XIII веках, и правительство в лице королевских судов помогало лордам закрепощать свободных и полусвободных крестьян (см. стр. 209—213).

Тов. Косминский дает правильную оценку и так называемой юридической теории вилланства, согласно которой вилланы приравнивались к римским рабам: «Юридическая теория вилланства — плод нового этапа в развитии феодальной эксплуатации, связанного и с ростом феодальной государственности» (стр. 207). Вопреки утверждениям о том, что в «манориальном обычае мы имеем дело с настоящими правовыми нормами, что не воля лордов, а настоящий гражданский процесс регулировал отношения внутри манора» (см. стр. 204, где дается изложение концепции Петрушевского), тов. Косминский указывает, что манориальный обычай на деле вовсе не являлся непреодолимым препятствием для феодальной эксплуатации: «Мы не можем принять представления о «хозяйственной гармонии» между господским хозяйством и крестьянской общиной» (стр. 205).

Выясняя переход помещика к денежной ренте, тов. Косминский анализирует социальные результаты этой перемены. Социальными последствиями развития денежной ренты были: «рост дифференциации в среде крестьянства, отслоение

крестьянской верхушки, частичное разорение середняка и рост его зависимости от городского и сельского ростовщика, рост деревенского полупролетариата и, в последнем счете, разложение поместья и феодального способа производства» (стр. 226). «Солидарность крестьянства как класса прекращается, оно начинает распадаться на враждебные группы. Деревенский кулак и городской ростовщик выступают конкурентами помещика в эксплуатации крестьянства» (там же). Нуждаясь в деньгах, помещик все более развивает денежную аренду, сдавая на откуп целые маноры. Рядом с крестьянской арендой, стоящей еще в основном на феодальной почве, намечаются ростки аренды капиталистического типа.

Из других вопросов, затрагиваемых автором в настоящей главе, большой интерес представляет характеристика английского рыцарского землевладения той эпохи. Автор подчеркивает раннее перерождение английского рыцарства, раннее превращение его из «воина» в «землеладельца», в «сельского хозяина». Этот рыцарь представляет значительную противоположность крупному феодалу светского или церковного типа.

Если крупные землевладельцы строили свое хозяйство на барщинном труде, то мелкие помещики—рыцари—базировались на свободном труде. «Та борьба, которая в XIV веке завязывается вокруг рабочего законодательства, подчеркивает социальную разницу между крупными феодальными сеньорами, опирающимися на свои сеньории, владеющими многочисленными вилланами, и рыцарством, заинтересованным главным образом в эксплуатации наемного труда» (стр. 236). С другой стороны, английское джентри (поместное дворянство) не являлось замкнутым сословием. Доступ в него был не только открыт, но даже обязателен для каждого свободного держателя с годовым доходом свыше 20 фунтов стерлингов. «Если особенности социальной и политической истории XVI и XVII веков в истории английской революции в значительной мере определяются буржуазным перерождением части английского дворянства, то зародыш этого перерождения мы можем наблюдать уже в XIII веке» (стр. 241).

* * *

Таковы главнейшие вопросы, рассматриваемые в книге Е. А. Косминского. Пересмотр целого ряда важнейших проблем английской средневековой истории, произведенный автором под углом зрения марксистской теории, с привлечением многочисленных архивных источников, делает монографию весьма ценной.

Книга, несомненно, явится важнейшим пособием в работе студентов-историков наших университетов и институтов.

И. Нюренберг

ВТОРОЙ ВСЕГЕРМАНСКИЙ С'ЕЗД РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ СОВЕТОВ

Стенографический отчет, стр. 1 — 351.
«Советское законодательство». 1935.

Второй всегерманский с'езд советов происходил в Берлине 8—14 апреля 1919 года. В это время в Веймаре уже заседали «учредилка» — национальное собрание, избранное на основе всеобщего избирательного права. К моменту работы этих двух с'ездов германские социал-демократы занимали руководящие места в правительстве: президентом республики был социал-демократ Эберт, министром рейхсвера — социал-демократ Носке. Оба они стремились задушить пролетарскую революцию, опираясь прежде всего на контрреволюционное офицерство.

Мы имеем в настоящее время ряд документов, с исчерпывающей ясностью показывающих, на каких основах был заключен союз между социал-демократией и старым генералитетом вильгельмовской армии — союз, целью которого было во что бы то ни стало преградить дорогу большевизму.

В книге Теодора Пливье «Кайзер ушел, генералы остались» описывается телефонный разговор между Эбертом и генерал-квартирмейстером Греннером, разговор, определяющий взаимные обязанности договаривающихся.

Приводим заключительную часть этого разговора, в которой Греннер заявляет о готовности разрешать конфликты с рабочими и солдатскими советами «мирным» путем (об этом «мирном» пути немало интересного рассказали на II с'езде советов представители рабочих и в особенности солдатских советов) и требует, в свою очередь, от Эберта поддержки офицерству в его стремлении «сохранить дисциплину» в армии и обеспечить ее снабжение. Вслед за тем он ставит ребром и основной вопрос:

«Офицерский корпус ждет от имперского правительства борьбы с большевизмом и для этой цели отдает себя в распоряжение правительства.

Эберт медлит с ответом. Он смотрит на обитую толстым войлоком дверь, он поворачивает голову к окнам и прислушивается к улице. Ему слышатся крики «долой» проходящих мимо рабочих демонстраций.

Помедлив с минуту, он отвечает твердым голосом:

— Передайте генерал-фельдмаршалу благодарность правительства¹.

¹ «Интернациональная литература» № 1 за 1933 год.

Почти так же дословно цитируется этот исторический разговор весьма осведомленным автором — майором Фолькманом, бывшим адъютантом генерала Греннера, — в опубликованных им воспоминаниях.

Однако независимо от того, в какой мере точно изложен этот разговор между представителем генералитета, за спиной которого стояли руководящие круги промышленников и юнкеров-помещиков, и социал-демократическим главой «имперского правительства», одно бесспорно: социал-демократическая партия сделала все, чтобы задушить поднимающуюся в Германии пролетарскую революцию.

Предательское убийство Розы Люксембург и Карла Либкнехта, расстрел тысяч революционных пролетариев были возможны только потому, что этому содействовала германская социал-демократия.

Пролетарские массы стихийно пытались сплачиваться вокруг советов. Но в советах большинство имели все те же социал-демократы, которые стремились превратить советы в парламентские говорильни, лишённые к тому же какой бы то ни было власти.

Эти беспомощные советы влачили жалкое существование, и если правительство Эберта — Носке их до поры до времени еще терпело, то только потому, что вспыхивающие то и дело грозные массовые стачки (забастовка горняков Рура) показывали, что рабочий класс Германии еще далеко не исчерпал своей революционной энергии.

Созыв II с'езда советов был допущен лишь в расчете на то, что, опираясь на авторитет с'езда, удастся задушить стачечное движение.

Коммунисты, несмотря на выступление Либкнехта и Люксембург еще на I с'езде КПГ в декабре 1918 года за участие в парламентской борьбе, бойкотировали выборы на II с'езд советов. Таким образом, среди делегатов оказался только один коммунист — польский горняк из Верхней Силезии — Ядаш.

Бойкот выборов на с'езд советов был, бесспорно, грубой политической ошибкой и играл наруку социал-демократии. Выступление Ядаша, единственного коммуниста на с'езде, несмотря на то что им, повидимому, не руководила компартия, несмотря на то что и по уровню своего политического развития он не поднимался над рядовыми рабочими, все же резко выделяется на сером фоне длинных «споров» между социал-демократами большинства и независимыми — споров, в которых совершенно тонул основной вопрос революции — о власти, о диктатуре пролетариата.

«Политика, которую вы проводите, — говорил тов. Ядаш, обращаясь к с'езду, — не социальная политика, это театральная игра... Вы — ни больше ни меньше — разыгрываете перед нами театр, перед нами, рабочими, которые не так еще подготовлены, не так еще образо-

ваны, чтобы это себе уяснить. Но у нас имеется свой инстинкт, и этот инстинкт выводит нас на правильный путь. Вы этот инстинкт тормозите. Вы его тормозите пулеметами, пушками. Вы тормозите то, чего рабочий требует, — вы тормозите своей диктатурой социализм, действительный социализм рабочего класса»¹.

Горняк Ядаш бросил съезду открытое обвинение в предательстве интересов пролетариата и поддержке диктатуры буржуазии. Но, разоблачая предательство правых социал-демократов и независимых, выступление Ядаша в то же время подчеркивало трагедию германского пролетариата, лишенного в бурные революционные 1918 и 1919 годы сильной и сплоченной коммунистической партии, ведущей за собой массы рабочего класса. Сам Ядаш также не ставил в конкретной форме вопроса о власти советов и диктатуре пролетариата.

Центральным пунктом порядка дня съезда был вопрос о «восстановлении Германии и о советской системе».

Основной тезис докладчика — члена социал-демократической партии Когена — сразу разоблачал истинные мотивы гнусной игры, которую вели правые социал-демократы и независимые, стараясь дискредитировать идею диктатуры пролетариата.

«Хотя идея большевистской советской диктатуры, — говорил Коген, — по моему твердому убеждению, отвергается не только большинством германского народа, но и большинством германского рабочего класса, зато сама по себе идея советов, которую не следует смешивать с советской системой в чистом виде, укрепила необычайно»².

Что идея советов популярна в широчайших массах пролетариата, — это вынуждены были признать и правые социал-демократы, которые и прикидывались поэтому сторонниками советов «вообще», но, конечно, не диктатуры пролетариата.

Большевистские советы докладчик всячески пытается дискредитировать, опираясь на «информацию» меньшевиков и других белоэмигрантов. Советы, по мысли докладчика, должны существовать рядом с буржуазно-демократическими учреждениями. На предприятиях их функции примерно совпадают с функциями профсоюзов; остаются и территориальные советы, являющиеся на деле жалким, убудочным, лишенным власти придатком к «демократическим» органам самоуправления, и, наконец, венчает это «стройное» здание советов, срастающихся с буржуазной «демократией», центральный орган советов в виде второй палаты.

Эта убудочная «идея» советов, конечно, ничего общего не имела с большевистскими советами и именно поэтому не нашла никакого отклика в массах.

¹ Стенографический отчет, стр. 157—158 (разрядка моя. — И. Н.).

² Стенографический отчет, стр. 188.

Рабочие Германии на собственном опыте убедились, что советы, не имеющие в своих руках власти, советы, за которыми не стоит вооруженная армия рабочих и солдат, нестрашны буржуазии, которая может их в любой момент ликвидировать (ко времени II съезда германских советов процесс разоружения советов зашел уже очень далеко).

Такую же позицию по вопросу о советской власти и диктатуре пролетариата занимали и «независимые» социал-демократы, которые своей якобы оппозиционной политикой в отношении правительства искусно обманывали рабочих.

Содокладчиком по вопросу о советской системе от независимых на съезде выступил Деймиг. В своей речи он не пожалел красок для описания преследований советов, он говорил о «сердечном холоде», которым «веет от произносимых речей о революции и пролетариате» (стр. 197), он «возмущался» клеветническими выпадами Когена против большевиков, но, по существу, он встал на ту же позицию, что и откровенно правый социал-демократ Коген. Он и не думал ставить вопрос о советах как органах диктатуры пролетариата: он только ратовал за «расширение прав советов, за их большее внедрение» в буржуазную конституцию и т. д., т. е., по существу, за ту же идею советов как придатка к буржуазному парламентаризму, за советы, фактически лишенные власти. Пулеметам Носке Деймиг и независимые предлагали противопоставлять «непреложную силу духа».

«Мы не желаем, — декламировал Деймиг, — ставить на карту грубое насилие, не желаем победы нашего советского принципа на пулеметах и ручных гранатах, но хотим достичь ее, опираясь на непреложную силу духа»³.

Своей мнимой оппозиционностью «левые» независимые мешали значительной части рабочих освободиться от социал-демократической идеологии, и в этом заключалась их историческая миссия лавкеев буржуазии.

Возглавляя вместе с правыми социал-демократами советы, они выхолостили их революционное содержание. Советы без коммунистов оказались прикрытием контрреволюции.

«Мы знаем случаи, — говорил товарищ Сталин в речи «О работе в деревне» на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 11 января 1933 года, — когда советы рабочих и солдатских депутатов поддерживали на известный период контрреволюцию против революции. Так было дело у нас, в СССР, например, в июле 1917 года, когда советами руководили меньшевики и эсеры и советы прикрывали контрреволюцию против революции. Так было дело в Германии в конце 1918 года, когда советами руководили социал-демократы и когда они прикрывали контрреволюцию против революции. Стало быть, дело не только в советах, как

³ Стенографический отчет, стр. 201.

в форме организации, хотя эта форма представляет величайшее революционное завоевание. Дело, прежде всего, в содержании работы советов, дело в характере работы советов, дело в том, кто именно руководит советами — революционеры или контрреволюционеры. Этим, собственно, и объясняется тот факт, что контрреволюционеры не всегда высказываются против советов. Известно, например, что глава русской контрреволюции Милюков во время Кронштадтского восстания высказывался за советы, но без коммунистов. «Советы без коммунистов» — вот каков был тогда лозунг главы русской контрреволюции Милюкова. Контрреволюционеры поняли, что дело не только в самих советах, но прежде всего в том, кто будет ими руководить»¹.

Протоколы II всегерманского съезда советов особенно ярко подтверждают эти высказывания товарища Сталина о советах.

Германские советы конца 1918 года были советами без коммунистов, и они служили не революции, а контрреволюции.

Свою контрреволюционную сущность съезд обнаруживал, и когда речь заходила об освобождении арестованных и пра-

вые социал-демократы с парламентской пажностью утверждали, что у них нет достаточных материалов для того, чтобы судить, насколько «обоснованы» аресты; контрреволюционная сущность съезда выразилась и в его решении — не допустить на съезд делегатов Петербургского совета (Протоколы, стр. 116 и следующие). Вообще говоря, контрреволюцией веет с каждой страницы протоколов, потому что они сплошь наполнены пустопорожними речами, единственная цель которых — отвлечь внимание рабочих от борьбы за власть, за диктатуру пролетариата.

Достаточно прочитать протоколы II всегерманского съезда советов, чтобы увидеть, как осуществляли контрреволюционное руководство в советах социал-демократы и независимые. Читатель найдет в них и декламацию о советах при капитализме, и длинейшие рассуждения Луизы Каутской, выступавшей вместо больного мужа Карла Каутского с докладом о «социализации народного хозяйства» без захвата власти пролетариатом (стр. 265 и следующие), и многое другое, что поможет ему наглядно представить себе, что такое на деле советы без коммунистов.

К книге даны небольшое яркое предисловие тов. Пика и вводная статья.

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 519—520.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

1. **«ВОЙНА В ПЕСКАХ».** Материалы по истории гражданской войны к II тому. «Гражданская война в Средней Азии». Издательство «История гражданской войны». Огиз. 1935.

Сборник «Война в песках» посвящен гражданской войне в Средней Азии. В сборнике помещен ряд очерков и рассказов, представляющих собой литературно-художественную обработку воспоминаний участников борьбы за советский Туркестан — рядовых бойцов и руководящих работников.

Сборник иллюстрирует некоторые из наиболее ярких и увлекательных эпизодов классовых боев в бывшей царской колонии, дополняя собой XII том «Истории гражданской войны».

Книгу завершает статья председателя Совнаркома Узбекской ССР тов. Файзуллы Ходжаева о социалистическом строительстве в советских республиках современной Средней Азии.

2. **«ВОССТАНИЕ ЕМЕЛЬЯНА ПУГАЧЕВА».** Сборник документов. Подготовлен к печати проф. М. Мартыновым. Соцэкгиз. Ленинградское отделение. 1935.

Сборник по истории восстания Емельяна Пугачева включает в себя документы, характеризующие экономику и классовые отношения в России в XVIII в., основные этапы, движущие силы и идеологию восстания, а также материалы о суде над пугачевцами.

Ряд документов этого сборника публикуется впервые. Сборник предназначен для семинарских занятий студентов исторических факультетов, аспирантов и преподавателей-историков, а также и для всех интересующихся историей этого восстания.

3. **С. В. ОКУНЬ** «Очерки по истории колониальной политики царизма в Камчатском крае». Соцэкгиз. 1935.

Работа С. В. Окуня посвящена истории колониальной политики царизма в одной из наиболее отдаленных и малоизученных колоний царской России — Камчатке.

Значительное внимание в книге отведено истории народов северо-востока Азии в различные периоды господства царизма на Камчатке. Главное место уделено автором колониальной политике в XVIII в., т. е. периоду непосредственного проникновения русских завоевателей на Камчатку и активной борьбы народов Камчатки с завоевателями, и первым итогам

колонизации. Положение народов Камчатки в XIX и начале XX в. охарактеризовано лишь в общих чертах.

Привлекая огромный архивный материал, в значительной своей части впервые публикуемый, автор на конкретных фактах показывает историю борьбы народов северо-востока Азии с колонизаторами.

События на Камчатке автор увязывает с общими вопросами внешней политики царизма.

Книга рассчитана на квалифицированного читателя, партактив и на специалистов: историков, этнографов и экономистов, — работающих как в области истории царской колониальной политики, так и в области изучения северных народов СССР.

4. **ФРАНСУА БЕРНЬЕ** «История последних политических переворотов в государстве Великого Могола».

Франсуа Бернье (1625—1688), современник Людовика XIV, пробывший в Индии 12 лет, описывает политические события этого времени и социальный строй Индии до английского завоевания. Книга, высоко ценившаяся Марксом, не потеряла своего значения и в настоящее время, в момент нарастания классовой революционной борьбы в колониальных странах.

Книга может быть рекомендована студентам, аспирантам и преподавателям истории, работающим по истории колониальных стран.

5. **БЕРНГАРД БЮЛОВ** «Воспоминания». Соцэкгиз. 1935.

Воспоминания Бюлова являются важным источником по истории германского империализма и дают яркую картину правящих кругов германской империи почти за четверть века — с конца XIX в. вплоть до конца империалистической войны. Будучи канцлером германской империи в период наивысшего расцвета германского империализма, сохранив в дальнейшем многочисленные личные связи в рядах германских политических деятелей и вновь вернувшись к активной дипломатической работе в годы войны, Бюлов хорошо знает закулисную сторону германской политики и со многим знакомит читателя. Книга Бюлова может быть рекомендована студентам истфаков и преподавателям истории в качестве материала по изучению политики империалистической Германии накануне мировой войны.

О П Е Ч А Т К И

В № 4 нашего журнала, на стр. 47, правая колонка, 7-я строка сверху, напечатано: «В 1856 г. генерал Черняев покорил кокандский город Ташкент». Следует читать: «В 1865 г. генерал Черняев покорил кокандский город Ташкент».

На стр. 52, левая колонка, 17-я строка сверху, после слов «из 700 казаков» пропущена запятая. Следует читать: «из 700 казаков, стрелкового батальона...» и т. д.

На стр. 53, левая колонка, в сноске № 1 ошибочно указан источник цитаты. Следует читать: «1) ВИА, д. № 6888, отчет Скобелева».

В № 5 нашего журнала за 1936 год, на стр. 14, левая колонка, 6-я строка сверху, допущена по вине типографии опечатка. Напечатано: «и а р о д ц е в». Следует читать: «ино-родцев».

РЕДАКЦИЯ

КНИЖНАЯ ПОЛКА

1. **«ВОЙНА В ПЕСКАХ».** Материалы по истории гражданской войны к II тому. «Гражданская война в Средней Азии». Издательство «История гражданской войны». Огиз. 1935.

Сборник «Война в песках» посвящен гражданской войне в Средней Азии. В сборнике помещен ряд очерков и рассказов, представляющих собой литературно-художественную обработку воспоминаний участников борьбы за советский Туркестан — рядовых бойцов и руководящих работников.

Сборник иллюстрирует некоторые из наиболее ярких и увлекательных эпизодов классовых боев в бывшей царской колонии, дополняя собой XII том «Истории гражданской войны».

Книгу завершает статья председателя Совнаркома Узбекской ССР тов. Файзуллы Ходжаева о социалистическом строительстве в советских республиках современной Средней Азии.

2. **«ВОССТАНИЕ ЕМЕЛЬЯНА ПУГАЧЕВА».** Сборник документов. Подготовлен к печати проф. М. Мартыновым. Соцэкгиз. Ленинградское отделение. 1935.

Сборник по истории восстания Емельяна Пугачева включает в себя документы, характеризующие экономику и классовые отношения в России в XVIII в., основные этапы, движущие силы и идеологию восстания, а также материалы о суде над пугачевцами.

Ряд документов этого сборника публикуется впервые. Сборник предназначен для семинарских занятий студентов исторических факультетов, аспирантов и преподавателей-историков, а также и для всех интересующихся историей этого восстания.

3. **С. В. ОКУНЬ** «Очерки по истории колониальной политики царизма в Камчатском крае». Соцэкгиз. 1935.

Работа С. В. Окуня посвящена истории колониальной политики царизма в одной из наиболее отдаленных и малоизученных колоний царской России — Камчатке.

Значительное внимание в книге отведено истории народов северо-востока Азии в различные периоды господства царизма на Камчатке. Главное место уделено автором колониальной политике в XVIII в., т. е. периоду непосредственного проникновения русских завоевателей на Камчатку и активной борьбы народов Камчатки с завоевателями, и первым итогам

колонизации. Положение народов Камчатки в XIX и начале XX в. охарактеризовано лишь в общих чертах.

Привлекая огромный архивный материал, в значительной своей части впервые публикуемый, автор на конкретных фактах показывает историю борьбы народов северо-востока Азии с колонизаторами.

События на Камчатке автор увязывает с общими вопросами внешней политики царизма.

Книга рассчитана на квалифицированного читателя, партактив и на специалистов: историков, этнографов и экономистов, — работающих как в области истории царской колониальной политики, так и в области изучения северных народов СССР.

4. **ФРАНСУА БЕРНЬЕ** «История последних политических переворотов в государстве Великого Могола».

Франсуа Бернье (1625—1688), современник Людовика XIV, пробывший в Индии 12 лет, описывает политические события этого времени и социальный строй Индии до английского завоевания. Книга, высоко ценившаяся Марксом, не потеряла своего значения и в настоящее время, в момент нарастания классовой революционной борьбы в колониальных странах.

Книга может быть рекомендована студентам, аспирантам и преподавателям истории, работающим по истории колониальных стран.

5. **БЕРНГАРД БЮЛОВ** «Воспоминания». Соцэкгиз. 1935.

Воспоминания Бюлова являются важным источником по истории германского империализма и дают яркую картину правящих кругов германской империи почти за четверть века — с конца XIX в. вплоть до конца империалистической войны. Будучи канцлером германской империи в период наивысшего расцвета германского империализма, сохранив в дальнейшем многочисленные личные связи в рядах германских политических деятелей и вновь вернувшись к активной дипломатической работе в годы войны, Бюлов хорошо знает закулисную сторону германской политики и со многим знакомит читателя. Книга Бюлова может быть рекомендована студентам истфаков и преподавателям истории в качестве материала по изучению политики империалистической Германии накануне мировой войны.

О П Е Ч А Т К И

В № 4 нашего журнала, на стр. 47, правая колонка, 7-я строка сверху, напечатано: «В 1856 г. генерал Черняев покорил кокандский город Ташкент». Следует читать: «В 1865 г. генерал Черняев покорил кокандский город Ташкент».

На стр. 52, левая колонка, 17-я строка сверху, после слов «из 700 казаков» пропущена запятая. Следует читать: «из 700 казаков, стрелкового батальона...» и т. д.

На стр. 53, левая колонка, в сноске № 1 ошибочно указан источник цитаты. Следует читать: «1) ВИА, д. № 6888, отчет Скобелева».

В № 5 нашего журнала за 1936 год, на стр. 14, левая колонка, 6-я строка сверху, допущена по вине типографии опечатка. Напечатано: «и а р о д ц е в». Следует читать: «ино-родцев».

РЕДАКЦИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Т. РЫСКУЛОВ —Восстание в Средней Азии в 1916 г.	1
Н. СЕЛЕЗНЕВ —О войне 1812 года	16
Е. ЗВЯГИНЦЕВ —Отчего выгорела Москва в 1812 году	25
М. ЗЕЛЕНСКИЙ —Образование и распад „Империи Рюриковичей“	33

ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

И. РАЗГОН —Гикаловцы	45
А. СЕНКЕВИЧ —Гражданская война на Дальнем Востоке	57

К ИСТОРИИ МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Е. ЛЕВАКОВСКАЯ —Древняя Монголия	67
---	----

СРЕДНЯЯ ИСТОРИЯ

А. БУКШТЕЙН —Крестьянское движение во Франции в XVI в. (о восстании кроканов)	80
--	----

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ

В. АВДИЕВ —Восстание рабов в Египте за 2000 лет до н. э.	89
---	----

БИОГРАФИИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ И ИСТОРИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ

Д. СВЕРЧКОВ —Феликс Дзержинский	99
--	----

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ

В. КРАСНОВ —„Ходынка“ (1896—1936 годы)	111
---	-----

БИБЛИОГРАФИЯ

П. ГАЙДУ —Георг Самуэли. Матиас Ракоши	119
В. СЕМЕНОВ —Е. А. Косминский. Английская деревня в XIII в.	122
И. НЮРЕНБЕРГ —Второй всегерманский съезд рабочих и солдатских советов	125

КНИЖНАЯ ПОЛКА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: **Б. М. ВОЛИН** (отв. редактор), **А. М. ПАНКРАТОВА** (зам. отв. редактора), **О. С. ВЕЙЛАНД** (отв. секретарь), **С. С. БАНТКЕ**, **Т. М. ДУБЫНА**

ЗАВ. РЕДАКЦИЕЙ **В. П. ОЛЕНИЧ-ГНЕНЕНКО**

ЗАВ. ХУДОЖ. ОТД. **Ю. ЦИШЕВСКИЙ**

Адрес редакции: Москва, ул. „Правды“, 24. Тел. Д 3-30-48. Прием в редакции от 11 до 5 дня
Уполномоченный Главлита № Б—23241 Издательский № 579 Заказ № 1236 Тираж 32 000
Материал сдан в набор 5/VI 1936 г. Подписан к печати 14/ I 1936 г. 4 бум. листа. 80 000 зн. в печати. листе

Типография газеты „Правда“ им. Сталина. Москва, ул. „Правды“, 24.

ПРОСЬБА К ЧИТАТЕЛЯМ:

При обнаружении экземпляров с производственным браком (перелутанные страницы, плохая печать и т. п.) возвращать их для обмена в издательство „Правда“.

Адрес: Москва 40, ул. „Правды“, 24, комн. № 216